

Марта
Солнечная

Николь
Фенникс

Триггерное
наблюдение

Он руками, испачканными в крови, хватает меня за предплечье, разворачивает к себе.

— Тебе не следовало приходить сюда, ласточка, — я дергаюсь, как от удара, и быстро смотрю в его лицо. А он глаз отвести не может от моей шеи, от бешено бьющейся венки под тонкой розовой кожей, но продолжает, — Почему ты не слушаешься?

Я захлебываюсь пониманием того, что передо мной он — мой наблюдатель.

— Это же правда ты? Я думала, что схожу с ума. Забери меня. Увези меня отсюда.

Он молчит, обхватив меня за талию и больно вдавив пальцы. Я не вижу, но наверняка они побелели. Напряжение и какая-то мука застывают в его лице. Но что-то неуловимо меняется, его глаза быстро приобретают хищный прищур. И с сомнением и холодом он произносит:

— И теперь меня не боишься?

Глава 1. «Тайна»

I

Я всегда была как все. Среднего роста, средняя по успеваемости, волосы темные средней длины. У нас в детдоме я вообще не отличалась никакими признаками от других таких же брошенных детей. Я боялась громких звуков, агрессивных одноклассников и совершить ошибку. Любила рисовать и не выделяться. И если бы кто-то сказал, что у меня есть тайна, то любой просто рассмеялся. Но она у меня была.

Год назад я поступила в местный колледж. И готовилась вернуться в свою квартиру, оставшуюся мне после смерти бабушки и стоявшую запечатанной десять лет — все время моего детдомовского детства. В прошлом месяце мне исполнилось 18, а значит я теперь должна была жить сама.

— Стрижева, тебя Никулин вызывает, — я сидела за партой и даже вздрогнула, когда внезапно дверь аудитории открылась и показалась секретарь директора, — сразу после этой лекции иди!

Руки похолодели. Неужели мои документы готовы? Мне сразу отдадут ключи? Уже сегодня? Я не была в квартире столько лет, что там осталось, да и, вообще, как теперь жить на одну стипендию?

— Вячеслав Романович, к вам можно? — я осторожно постучалась.

— Заходи, Женя, — директор колледжа был лыс, грузен, неопрятен, но добр. Пожалуй единственный человек, которому искренне было все равно на своих студентов. Тихо — вот и ладно, план учебный выполняется — ну, славно-славно!

Он сидел в кресле задумавшись и смотрел сквозь меня. Сначала пожевал губу, покряхтел и, повернувшись ко мне всем корпусом, тихо начал:

— Евгения, — и я сразу напряглась, — тут дело такое. Ты ж мать не помнишь, наверное? — вздох тяжёлый и даже не смотрит на меня, — а она у тебя есть! Была. Вот неделю назад умерла. Авария... Вот...

— Я ..., - растерялась совсем и горло запершило, — Меня... она оставила бабушке в три года, как папа умер. Я совсем не знаю ее. Видела один раз, когда в восемь лет в детдом распределяли, ну после бабушкиных похорон. Она документы какие-то приезжала подписывать. Так что да, я не помню...

Он опять помолчал. Да и слушал как-то невнимательно. Видно было, что он не все

сказал, что только собирался с духом:

— Ты, в общем, к другим родственникам едешь. Забирают тебя, Стрижева, в Москву! — и Вячеслав Романович так значительно посмотрел на меня и даже палец указательный вверх поднял, гордясь произведённым эффектом, — Вот ключи от квартиры, вот тут выписки все твои.

Он пододвинул мне папку с бумагами и связку ключей на железном колечке. Даже улыбался теперь с явным облегчением. Добрый дядька. Переживал за плохие новости.

— Я не хочу ни к каким родственникам. У меня никого нет. Мне уже восемнадцать и меня уже не могут удочерить или под опеку. Меня никто никогда не навещал, — мысли потоком носились у меня в голове, даже лоб заломило.

— Пу-пу-пу... пу-пу, — подул в губы Вячеслав Романович, — А у неё — была. Семья — муж и сын остались. Хотят тебе помочь. Хорошая семья, обеспеченная, известная, даже, я бы так сказал... Вот, видишь, как получается. Матери была не нужна, а им нужна. Мир не без добрых людей, Евгения!

И он, забывшись, положил свою руку поверх моей. Я дернулась, но не вскрикнула, не увидев в его глазах ни малейшего намёка на что-то большее, чем простое желание успокоить. Аккуратно вытащила руку из-под его тёплой и влажной ладони. Он, кажется, все равно смутился и снова отвёл глаза.

— Пантелеев Сергей Михайлович — муж покойной. Просил все подготовить для твоего переезда, в кратчайшие сроки. Приедет к тебе сразу по адресу, — тут директор постучал по папке, — В шесть вечера. Тебя хочет в университет в Москву определить. Проживание, поддержка на первое время. Возможностей у него — во сколько! — и Вячеслав Романович широко развел руками и снова довольно посмотрел на меня, — Это твой шанс, Женечка! Знаешь, как говорят: дают — бери, а бьют — беги!

Он засмеялся, а я скривилась от такой грубой банальщины. Но ключи с документами взяла. И молча вышла.

Квартира, конечно, представляла собой жалкое зрелище. Темная и маленькая с отлетевшей плиткой в туалете и разводами от протекнов частых затоплений соседей. Обои, старые и выцветшие, отклеились по углам и висели свернутыми и пожелтевшими, как древние рукописи. Ржавые батареи, плесень. Но хуже всего был запах. Чего-то затхлого и мертвого, ударивший в нос сразу, как только скрипучая дверь запустила меня в узенький коридор.

Сказать, что я расстроилась — это ничего не сказать. Все тяготы дня вмиг навалились на меня и так скрутило, что я села на продавленный диван и расплакалась. Глаза девочки со старых фотографий, развешенных по стенам моей бабушкой, мои глаза! — я не могла спокойно в них смотреть. Та девочка ещё не знала, ни мерзостей детдома, ни лишений и наказаний, которые были неотъемлемой частью воспитания сирот. Мне было стыдно и горестно от того, что я вообще не представляла, как мне со всем справиться.

Очнулась, когда диванная пружина, уже так сильно впиалась в бок, что было невозможно сидеть. Я твёрдо пообещала себе, что если только этот мамин муж окажется, не проходимцем, а хоть сколько-нибудь приличным человеком, принять это предложение и переехать. Девочка с фотографий должна попробовать стать счастливой. Я ей это должна. Я решительно направилась открывать окна.

Уборка уже подходила к концу. И я пятилась спиной вперёд к коридору, домывая пол первой попавшейся тряпкой, когда услышала за спиной лёгкое покашливание.

— Извините, — Евгения?

Я обернулась. Неужели уже шесть? За мной с интересом наблюдал немолодой мужчина в двубортном темно-синем костюме. Он брезгливо, бегло осмотрел комнату и, кажется, даже смутился. Попытался растянуть губы в какую-то понимающую, снисходительную улыбку. Я сразу же вспыхнула и почувствовала, что щеки залила краска.

— А вы Сергей... Сергей..., - я проклинала свою забывчивость.

— Михайлович, — ласково помог он мне. Я отметила приятный глубокий голос. Он, кажется, вполне справился с первым впечатлением презрительного разочарования и его серые стальные глаза сосредоточенно следили за мной, — Звонок не работает, Женя. И дверь не заперта... Тебе, наверное, уже передали о несвоевременной кончине твоей мамы?

Он так и сказал — кончине. Мне захотелось, чтобы он никогда не приходил и одновременно слушать его дальше. Поэтому я молчала. А его это и не сбило вовсе.

— Я знаю, что вы не были близки, — продолжил Сергей Михайлович, как ни в чем не бывало, — но, тем не менее, терять — это всегда не просто. Я надеюсь, что ты с таким же уважением отнесёшься к утрате, которую сейчас переживаем мы с сыном.

Все было сказано весомо и даже как-то строго.

— Конечно, — я не стала возражать.

— Я здесь проездом. В Тамбове нужно было решить некоторые вопросы. Люди, выбравшие мою, так сказать, стезю не могут себе позволить даже погоревать в рабочее время. Но этому я даже рад. Я сам хотел тебя увидеть. Поездка была, как нельзя кстати. Поэтому — сразу к делу. В память о твоей матери, мне хотелось бы, помочь тебе устроиться в большом городе. Ты увидишь, как огромен и разнообразен мир. Преимущества столичного вуза, проживание с регистрацией, и мою протекцию, а если будут успехи, то и стажировку в моем департаменте. Думаю, что тебе хотя бы стоит попробовать и сравнить.

— Это все, — он обвёл рукой комнату, и снова на губах появилась неприятная, обидная усмешка, — не то, что должно окружать такую милую молодую девушку. Твоя мама точно знала, что отсюда нужно бежать. Будущее нельзя построить на таких руинах. Регион бедный, на таком будущем можно сразу поставить крест. Думаю, что ты — Женя, умная девушка, и сама все это видишь.

Под конец его речи я уже еле дышала от обиды.

— И теперь вы, в память о сбежавшей умной маме предлагаете мне пожить у вас в качестве кого? Вам-то зачем такая благотворительность? — я смотрела прямо и хотела ответа. Мне было даже все равно, если бы он разозлился, развернулся и прямо сейчас ушёл.

— Ну, это не совсем благотворительность, — Сергей Михайлович засмеялся, кажется, ему даже понравилась моя честность, — Девочка, я забыл, как ты ещё молода, чтобы шире смотреть на вещи. Ты обиделась на правду, но не стоит! Через полгода наш семейный адвокат подготовит все бумаги, и ты сможешь вступить в наследство. Ты не будешь жить бесплатно или за мой счёт, получишь деньги — сможешь все вернуть. И там не так мало, как, например, эта убогая квартира, в которую нужно вложить еще две ее стоимости, чтобы как-то жить. И я не хотел тебя обижать, поверь Женя. Пока я предлагаю помощь, которую больше так безвозмездно ты нигде не получишь. Мне незачем тебя обманывать, но могут найтись другие люди, которые тебя запросто облапошат ещё до вступления в право наследования, — тут он улыбнулся мне ласково, почти отечески. Приблизился, но не дотронулся до меня, как будто знал, что меня нельзя касаться. И когда я это поняла почему-то защемило сердце, — Мне не нужна шумиха в прессе и громкие разбирательства на

телеканалах, о том, как падчерица Пантелеева нарвалась на мошенников и влезла в долги ещё и превышающие будущие выплаты, — дальше все сказано было уже жестко, как удар под дых, — Твоя история, рассказанная журналюгами, вызовет ненужный резонанс. А моя репутация мне очень дорога. Давай так: я прослежу, чтобы получила все причитающееся тебе от матери, а ты получишь свою долю и делай тогда, что хочешь.

Мне стало так стыдно, как будто меня отругали. Я не могла поднять глаза от пола. Я вдруг поняла, что ему просто нет до меня совершенно никакого дела. Пантелеев посчитал меня дурочкой, не имеющей даже амбиций и неприспособленной к жизни. И уж, конечно, попавшей бы в какую-нибудь нехорошую историю. Как оказалось: «Не корысти ради, а токмо волею пославшей мя супруги!»* Наверное, они, москвичи, жалеют таких как я.

Его аргументы показались мне неоспоримыми, поэтому вместо ответа я просто молча кивнула. Да и не ждал он уже никакого ответа.

— Ну, что Женечка, голому собраться — только подпоясаться? Полчаса хватит? — Сергей Михайлович стал вдруг очень задумчив, видно силился понять причину моей грусти, — Я сказал водителю, что в семь мы выезжаем. Да, и не бери ничего, кроме документов. То, что нужно, купим в Москве.

Я повернулась к окну и тут мне пришло смс-сообщение. Ритм сердца нарушился, словно в него вошла иголка. «Поезжай в Москву. Никому не доверяй. Ласточка, ничего не бойся, я буду рядом» — это и был он — моя тайна.

* Илья Ильф, Евгений Петров, "Двенадцать стульев"

Глава 2 «Их Семья»

I

Мне хотелось задать много вопросов Сергею Михайловичу, но по дороге он потерял ко мне всякий интерес. Писал что-то в телефоне и в основном перебирал бумаги. Отвлекать его мне показалось неудобным. Я даже задремала, впрочем, не думаю, что спала больше часа. В основном просто смотрела в окно и думала. Ну, что там обычно путешественники думают по дороге под бесконечное мелькание пролетающих деревень, селений, полей, наверное, и сами все знаете. И все приходящие мысли казались такими глубокими и значительными, что я не заметила, как мы проехали через блокпост охраны и въехали на территорию пригородного посёлка.

Дом, куда нас довели поздней ночью, был огромным и величественным. «Как библиотека», — пронеслось у меня в голове. Не то, чтобы я такого не видела... вживую и вправду — нет. А книги с фотографиями? а интернет? а Инстаграм, в конце-то концов!? Но своими размерами дом как-то придавил меня, да и на самом деле был хорош! Из белого камня, в два этажа, а может и больше, с многочисленными окнами во французском стиле. С подсветкой и большим садом по периметру. Короче, дом был достоин своего хозяина. Водитель остановил нас у главного входа, а сам проехал куда-то дальше по территории. «Завтра все внимательно рассмотрю», — думалось в моей затуманенной голове.

Когда мы переступили порог и снова меня окутал его низкий, бархатистый голос, я измученная переездом, вновь подумала, что мне приятен его тембр.

— Женя, ночь сейчас глубокая. Прислуга уже спит — у них свой дом в восточной части сада. Твоя спальня на втором этаже, пройдем, я сам покажу. Наташа, наша домработница, должна была оставить для тебя ванные принадлежности. Впрочем, сейчас и проверим.

Мы прошли через широкий холл, где по углам оранжевым мягким светом горели только

ламы, расставленные на высоких комодах. Поднялись по широкой лестнице на второй этаж и застыв перед одной из дверей Пантелеев прислушался и с недовольным видом произнёс:

— Так и знал, что Олег опять дома не ночует, паршивец... Только я за порог, а у этого одни девки на уме! Вырастил на свою голову детину, — сквозь зубы, но даже как будто с гордостью закончил.

— Олег — это? — я немного растерялась и уже туго соображала.

— А... это твой получается брат, сводный, значит. А вот и твоя комната — дверь напротив. Ванная в конце коридора направо. Впрочем, утром познакомьтесь, никуда не денется. У меня с Олегом уговор, что до окончания университета — живет тут. Он парень своевольный, но тебя это не затронет. Ну, проходи, смотри, располагайся — все готово! Завтраки по субботам с девяти. Опоздать не возможно — накрыто до обеда. Кухня на первом этаже.

Я вежливо поблагодарила и попрощалась с Сергеем Михайловичем. Комната была прекрасна! Огромная, как все здесь — с размахом! Наверное, бабушкина квартира поместилась бы сюда полностью! С нежными полосатыми обоями и пузатыми гляцевыми вазами.

На кровати сверху пухлых покрывал и подушек для меня лежал белый-белый махровый халат, и полотенца, и зубная щетка с косметическим набором, и тоненькая прозрачная сорочка для сна! Но больше всего меня смутил запечатанный набор кружевных хлопковых трусиков — 7 штук. Мыло из набора пахло просто — божественно! На нем было написано «Лотос и мускус», Made in France. В ванной оно дало пышную жемчужно-розовую пену.

Я с наслаждением вымылась. В запотевшем отражении зеркала я увидела привлекательную девушку с рассыпавшимися по плечам плотными локонами каштановых волос. Зелёные глаза были уставшими и из-за этого казались кристальными. Новая сорочка ласкала тело и моя ровная светлая кожа, кажется, готова была светиться от благодарности. Тонкие запястья, изящные колени и ступни. Мне нравилось то, что я видела. «Щеки толстоваты, — вдруг заупрямила я и скорчила рожицу своему отражению, — тут, наверное, все девушки холёные и утонченные. Нужно как-то соответствовать».

На кровати я долго ворочалась и не могла уснуть. Меня никак не отпускал вопрос возраста моего брата. С одной стороны, я в машине ещё хотела поговорить с Пантелеевым и даже спросить, почему так вышло, что мама оставила меня в детдоме, вышла за него замуж, родила сына и его, получается, не бросила, а значит — любила? Как и чем ей могла помешать я? Что со мной было не так?

С другой стороны, выпрашивать мне мешала гордость, и я хотела тоже быть или хотя бы казаться такой уверенной. Такой, кого не задевает история жизни матери, и кто знать не желает, почему она так легко отказалась от собственного ребёнка. А теперь же выходило, что этот Олег чуть ли не старше меня! Как это возможно?! Если только... Ну, конечно, Олег мне вообще никакой не брат — это сын Пантелеева и он у него был до знакомства с моей мамой. И за девками вот бегают... — вспомнились слова Сергея Михайловича... и мне почему-то ужасно захотелось тоже ему понравиться. Я как-то даже расслабилась и незаметно провалилась в сон.

Кухню я безошибочно нашла по запаху. На ней, залитой солнечным светом, никого не застала, поэтому нашла кофейник и налила себе напиток. Это оказалось — какао. Посмотрела на стол. Увидела соки в прозрачных графинах. Пожалела, что поторопилась, но налила себе ещё апельсинового. Дальше на широкой столешнице стояли блюда в жестяных

блестящих судках. Какие-то подогревались, а какие-то стояли на льду. А рядом с каждым — аккуратные стопки кремовых тарелок. Шведский стол! — догадалась я. Открыла первый, круглый, и обнаружила тёплую рисовую кашу — по ее поверхности золотыми каплями растекалось расплавленное сливочное масло. Я положила себе от души. В следующем контейнере лежали сырники. И я опять расстроилась, что поторопилась. Положила себе один. Дальше я уже не спешила и клала совсем по чуть-чуть, просто так хотелось все попробовать!

Я видела уже такую сервировку. Участвовала в художественном конкурсе в детдоме. Уровень был Всероссийский. Конечно, не выиграла, даже призового места не заняла, но пятьдесят лучших, куда я вошла с моим рисунком, были отправлены в лагерь в Ленинградскую область. И там был шведский стол. Конечно, совсем не такой! И сравнивать нечего. Знаете, что такое каша в детском доме? Это такая серая липкая масса, которая, если перевернуть тарелку останется к ней пристывшей. Яйца были счастьем!

Поэтому взяла еще два ажурных блинчика, брикетки меда, сливового варенья и шоколадной пасты. Несколько ломтиков ветчины и буженины и яйцо, наверное, папот, лежащее на тосте с авокадо и сёмгой, скрученной в розу. Потянулась за сырами, как услышала за спиной смех.

— Ты так ненавидишь еду, что хочешь всю ее уничтожить? — на меня смотрел, опираясь спиной о косяк, парень, одетый в белую футболку и голубые джинсы.

У него были русые волосы и стальные холодные глаза, как у Сергея Михайловича. Тонкие черты лица, широкие брови и чувственный рот. Он улыбался мне одними губами, а сам внимательно и нагло всматривался в меня. Задержал взгляд на ключицах и остановился на моей груди. Безусловно красивый парень. Вся его небрежная поза говорила о том, что он это хорошо знал, и открытием стало только для меня.

— Нет, ты ещё кого-то тайно провезла из своего детдома, чтобы объедать и тем самым пустить нас с отцом по миру? — он опять скалился в два ряда идеально белоснежных зубов, — Придумай что-нибудь получше, этот план точно провалится.

Со мной так никто никогда не разговаривал. Нет, меня обзывали, и дразнили, и я здорово получала пару раз. Но так униженно я себя никогда не чувствовала. Я смотрела в эти голубые глаза и не понимала, как его рот может быть таким грязным! Но хуже всего было понимание, что я сама виновата. Только я могла так опозориться. Мои чертовы голодные годы, проявившиеся теперь в какую-то дурную ненасытность! Я только быстро заморгала, потому что почувствовала, что слёзы уже близко.

— Ещё и немая... — его взгляд наконец нашел мое лицо, — Чудо, ты разговаривать умеешь?

— Умею, — сказала совсем тихо, — Извините, я не знала, сколько можно взять. Я сейчас все положу обратно.

Я уже встала и начала перекладывать обратно ветчину.

— Сиди, чудо, я пошутил, — остановил он меня, — Я — Олег.

— Женя.

— Да, я что-то слышал от отца, — Олег перешёл от дверей к дальнему углу кухни, где, как оказалось, находилась кофе-машина.

Он стоял, повернувшись ко мне широкой спиной, опираясь одной рукой о столешницу, а другой нажимая на кнопки. Даже несмотря на его свободную позу под белой футболкой угадывались точеные мышцы. По кухне разнесся приятный аромат свежесваренного кофе.

Олег, взяв чашку, утонувшую в его большой ладони, сел за барную стойку напротив. Он пил медленно и смотрел на меня не отрываясь. Казалось, что ему нравилось. И напиток, и то, что видел.

— Доброе утро! — послышался знакомый голос и на кухню вошёл Пантелеев, свежий и полный сил, — Значит, вы уже познакомились? Хорошо. А у нас сегодня гости — Марковичи и Алтабаевы. Обещали к восьми приехать на ужин. Женя, тебя Олег в магазины отвезёт, купишь себе на вечер чего-нибудь и для университета одежду посмотри сразу.

Он протянул мне кредитную карту.

— С чего это? — Олег недобро посмотрел на отца.

— С того, что Женя тут гостя, если ты забыл! А тебе не сложно, ты все равно в этом «Далласе» пропадаешь так, будто тебе мёдом там намазано. Так что прокатайся. Или тебе чего-то не нравится?

— Хотя бы не уродина... — прошептал Олег тихо, но я все равно его услышала и вспыхнула.

Он пошёл на выход и уже громко бросил через плечо: «Выезжаем через час». А в дверях неожиданно развернулся, будто знал, что я все ещё смотрю на него и подмигнул мне перед тем, как скрыться.

«Даллас» — оказался большим торговым центром с множеством ресторанов, многозальным кинотеатром, фитнес-клубом и сияющими дорогими магазинами. Олег проводил меня на второй этаж и, махнув рукой, сказал:

— Там. Сама разберёшься.

Я даже вздохнула с облегчением, потому что при нем уже боялась сделать что-то не так. Но успела отойти только на несколько шагов, как парень в одно движение нагнал меня и, удерживая за локоть, неожиданно сильно прижал к себе.

— Так не терпится скорее спустить все денежки? — почти любовно зашептал мне на ухо.

Я, конечно, дернулась, отпрыгнула не меньше, чем на полметра и непонимающе уставилась на него. Господи, я же все отдам, он, что не в курсе, о чем мы договорились с его отцом? Но мое замешательство вызвало лишь довольную ухмылку.

— Номер мой пиши, чудо. А то потеряешься ещё.

Достала телефон и замерла.

— Скажи мне, что я сейчас вижу? — Олег зло скривился, — Это тринадцатый? — кивнул на мой телефон, — Детка, ты воруешь или хорошо сосеешь?

— Что? — я правда не поняла, что сейчас услышала. Точнее поняла, но не была уверена, что все правильно услышала.

— Айфон у тебя откуда? У вас всем сироткам такие выдают, скажешь? А налогоплательщики страны в курсе, что в этом году все их деньги ушли в твой детдом и бабули останутся без бесплатной медицины?

— Это подарок, — мне было ужасно обидно.

— Ясно, — Олег смотрел на меня с нескрываемым презрением, — Я так и думал.

Продиктовал номер и, заложив руки в карманы, в этот раз удалился не оборачиваясь.

А я ничего не могла ему сказать, чувствовала себя гадко, но объяснять было бы ещё хуже. Это касалось моей тайны, которую я берегла. Если честно, то после того, что произошло, мне не хотелось с ним больше говорить вообще никогда! «Вот придурок, — ходила по магазинам, погружённая в свои мысли, — ну, как так можно? А ещё вчера мне

хотелось ему понравиться».

Я запретила себе думать о нем, выдохнула и постаралась сконцентрироваться на покупках. За три часа я на самом деле почти забыла это происшествие. Магазины были светлые и красивые, одежда сидела очень хорошо и главное — вся была новая — и только для меня! И в этот раз у меня уже не сорвало крышу, как на завтраке. Я купила строго только необходимое. Одно нарядное платье, юбку, пару джинсов, спортивный костюм для физкультуры в университете, несколько светлых блузок, чёрную водолазку, о которой очень-очень давно мечтала и уютную тёплую кофту. Две пары обуви — туфли и кроссовки. Из очень дорогих магазинов я сразу выходила, чтобы даже соблазна не возникало что-то примерить. Если не могла определиться, то выбирала то, что было дешевле. Я осталась очень собой довольна!

Теперь смущал только момент, что звонить Олегу я должна была сама. Поэтому я просто написала ему смс: «Я закончила. Сажу у фонтана на скамейке». Смс оставалась неп прочитанной час. За это время я дважды ему позвонила, но Олег так и не взял трубку. Тогда я ещё добавила: «Это Женя». Я постоянно заходила в мессенджер и проверяла статус сообщений. Мне очень хотелось есть и голова начала болеть от шума торгового центра. А потом прочитанные смс висели у него ещё час.

И наконец, когда я уже гуглила рабочие контакты Пантелеева С.М., чтобы узнать у него адрес посёлка и добраться самой, получила ответ: «Давно уехал по делам. Такси 879 — найдёшь на стоянке. Купила что-то нормальное?»

Вот, блин!

Глава 3 «Ужин»

I

Я смотрела на себя в зеркало. Чёрное платье футляр длиной до колена плотно облегло мою стройную фигуру. Это был бы почти офисный вариант, если б не вырез — не глубокий, а лодочкой, открывающий белизну и нежность плеч. Оно делало меня очень хрупкой и мягкой. «То, что нужно!» — я была в восторге! Волосы убрала в мягкий пучок, а на губы нанесла блеск из косметического набора. Стрелки часов уже чуть зашли за восемь. И, кажется, я слышала внизу громкие голоса. Вышла из комнаты и спустилась.

В столовой за накрытым столом уже сидели гости. Во главе — хозяин Пантелеев, а по правую руку от него вальяжно развалился крупный мужчина средних лет в костюме-тройке с посеребрёнными висками и четко очерченным профилем, орлиным носом и острым взглядом. Одним своим видом он производил тяжелое впечатление. Я сразу поняла, что это жестокий и жёсткий человек.

У окна сразу позади стола, опираясь на подоконник поясницей, стоял молодой человек лет, наверное, около тридцати. Свободно вытянув длинные скрещенные ноги и непринужденно запустив одну руку в темные пряди волос на голове, он что-то листал на экране своего телефона. Крупный и плечистый, гораздо смуглее меня. Четко очерченные скулы, прямой нос, твёрдый подбородок. Он поднял глаза и мы столкнулись взглядами. На секунду задержался на моих губах и снова вернулся к телефону. Его грубоватая мужская красота производила неотразимое впечатление.

После того, как нас познакомили, выяснилось, что это отец и сын Марковичи — Андрей Николаевич и Стефан. Пантелеев представил отца, как бизнесмена, но я, конечно, не поверила. От Андрея Николаевича за версту разило криминалом. Да и Стефан был какой-то опасный.

Через несколько минут выяснилось, что приехала еще и дочь Андрея Николаевича — Олесья. Под руку с Олегом и весело хохоча, они ввалились в столовую. Девушка-блондинка милостивая со вздернутым носиком и большими синими глазами в ярко розовом платье, которое будто кислота, выжигало мой художественный вкус.

Олесья села рядом с Олегом в пол оборота к нему и настолько близко, что их бёдра соприкасались. Девушка положила ладонь на его грудь и как будто невзначай перебирала пальчиками его серебристо-серую рубашку. Мне стало не по себе от этих откровенных поглаживаний. Олег, заметив, что я поспешно отвела от парочки глаза, что-то прошептал ей на ухо и девушка взорвалась в новом приступе хохота.

— Серез, а чего там с ужином? — с непонятым раздражением спросил Андрей Николаевич.

— Ох, Андрей Николаевич, Алтабаевы задерживаются что-то, — Пантелеев-старший виновато показал рукой на пять пустующих тарелок, сервированных на столе.

— А чего это, Антон со своей новой придет? — голос у Андрея Николаевича был густой и грубый, — Женился он на ней все-таки?

— Да, в августе, — кивнул Сергей Михайлович.

— А-ха-ха-ха... нужно было забиться... ха-ха-ха... Ох, рожа мусорская, и эту что ль обрюхатил? — повеселел Маркович.

— Слушай, Андрей Николаевич, — Сергею Михайловичу, кажется, было неловко и желая скрыть, он вскочил со стула, — Я, наверное, наберу ему. А то, что это такое, в самом деле!

— Ну, набери, Серёжа, набери.

Звонить, впрочем, никому не пришлось, так как раздались шаги, и в дверях появились запыхавшиеся Алтабаевы. Глава семейства — низкий полный мужчина в годах, поддерживал под локоть очень молодую, высокую и худую супругу с зеленоватым от токсикоза лицом и глубоко беременную. А за ними, переругиваясь и пересмеиваясь, появились три сына Алтабаева. По старшинству — Руслан, Александр и Игорь. Все невысокие, но коренастые и жилистые. С темными, почти чёрными волосами, все кареглазые и все трое в кожаных куртках. Только Игорь был в очках и с фотоаппаратом, висевшим на груди на ленте, перекинутой через шею.

— Прекрасные дамы! Сражён и восхищён, — лил Алтабаев-старший уже с порога, бросая взгляды на меня и Олесью, — Ах, где мои восемнадцать? Мальчики мои, не тушуйтесь, вечер обещает быть ин-те-рес-ным...

— Антон, ты с супругой к нам садись ближе, не смущай молодежь, — Сергей Михайлович отодвинул стул для его жены.

— Ну-ка руки — фу! — засмеялся Антон Алтабаев, отесняя хозяина дома от жены, — Сам ухаживать буду.

С нахальными улыбками, и какой-то животной грацией к столу вальяжно двинулись, держа руки в карманах, братья Алтабаевы. Казалось, что в их движениях была даже синхронность. Они свободно здоровались за руку с Олегом и Стефаном, похлопывая по мужски друг друга по плечу. Я чувствовала, что очень напряжена. Чем больше ребята были расслаблены, тем больше мне становилось не по себе. Я как будто оказалась на сходке мафиозной группировки. Все эти «детки» были уже не щенки, а молодые голодные волки. Я не понимала, как мне себя вести.

У отцов сложился своя беседа на другом конце стола. Супруга Алтабаева не

участвовала. Она сидела за столом, разглядывая яркие длинные ногти. До нас долетали только неясные отрывчатые фразы. Я догадывалась, что «родители» в свою очередь не могли слышать наши разговоры.

Руслан протянул руку и разлил всем красного сухого вина.

— За приятный вечер, — предложил он.

— А ты, Олежка, я смотрю, сестренкой обзавёлся, — хохотнул Саня и стрельнул глазами в мою сторону.

— Не завидуй, — скривил губы Олег, — Ты тоже скоро обзаведёшься.

Он кивнул на беременную жену его отца. И только Олеся рассмеялась, запрокинув голову, красиво показывая открывшуюся шею. Братья переглянулись, а Саня даже закатил глаза, как будто ничего глупее слышал.

— Будь осторожен, у меня вот тоже в твоём возрасте была девушка, которая притворялась, что смеется с моих шуток, а на самом деле просто хотела со мной переспать, — оскалился Руслан.

Теперь уже все заготовали.

— Рус, ты меня, блядь, всего на полгода старше.

— Вот и я о том же, — Руслан широко улыбался.

Внесли подносы с горячими блюдами. Парни развернулись и тоже стали усаживаться.

— Привет, ты выглядишь фантастически, — ко мне справа подсел Игорь.

А Саня и Рус сели слева. И все трое, как по команде уставились на меня.

— Ну, ты ещё ее фотографировать начни, маньяк, — Саня наклонился ко мне и доверительно прошептал, — Игорек у нас дикий мальчик. Не бойся, я тебя спасу.

Я видела, что в его карих глазах плещутся золотые искорки смеха и очень взрослый интерес.

— Себя спасай, — жестко произнёс Стефан, — не видишь, она и так напугана.

Весь вечер Стефан сидел отстранённо. Смотрел внимательными холодными глазами, отвечал вежливо, но односложно, только когда к нему обращались и, казалось, откровенно скучал.

— Если бы я не знал о Мартине, то подумал бы, что ты сам хочешь поиграть в супермена, — хотел поддеть друга Олег, — Когда у вас уже свадьба?

Стефан помолчал, медленно перевел взгляд с моего лица на Олега и как-то даже лениво произнёс:

— Через год.

Нам подали изумительную спаржу со стейками. И все занялись своими тарелками. Пахло и выглядело просто умопомрачительно. Я, успевшая за день только позавтракать, почувствовала, что, не смотря на волнение, съем все до последнего кусочка.

— Я всего-то хотел познакомиться, раз мы будем учиться вместе на одном факультете, — обратился ко мне Игорь и поправил очки.

— На одном факультете? Каком же? — я очень растерялась. Похоже, что все знают обо мне гораздо больше меня самой.

— Журналистика, чудо, — с набитым ртом, и не отрываясь от мяса, сообщил Олег.

— Как журналистика? А кто это выбрал? — я не могла поверить, — А какие ещё есть факультеты?

Я не была уверена, что это хороший вариант. Меня никогда такое не привлекало и то, как я расстроилась, несомненно, отразилось на лице.

— А чего тебе не нравится? Ты до этого на какую специальность училась? — поинтересовалась Олеся. Она в первый раз за вечер обратилась напрямую ко мне.

— Повар-кондитер.

Ребята за столом захохотали.

— Серьезно? Лучше готовиться к работе в столовке, чтобы всю жизнь гречку пиздюкам наваливать и сосиски раскладывать? — Олеся смеялась так, что в уголке ее глаз даже выступили слезы, — Повариха баба-Женя... Ну не на юридический же тебя, где мы с Олегом учимся.

— Не обращай внимания, Жень. Олеся ревнует, — громко произнёс Руслан.

Но я все равно чувствовала досаду. Я видела, как все ребята смеялись и даже Стефан спрятал взгляд.

— Пф... кого интересно ревную и к кому? — фыркнула девушка.

Никто не ответил и, угомонившись, каждый снова занялся содержимым своей тарелки.

У Руслана и Стефана завязался разговор про бизнес. Олег, положив руку на спинку стула Олеси, тоже подключился к обсуждению. А мне так понравился вкус говядины с красивой загорелой корочкой и розовой сочной сердцевиной, что я взяла добавку.

Довольно скоро взрослые Алтабаевы стали собираться и поехали домой — видно было, что супруга тяжело переносит беременность. Сергей Михайлович и Андрей Николаевич тоже куда-то удалились.

— На самом деле журналистика — лучший факультет в МГУ. А какие у нас преподаватели! Учиться очень интересно, ты будешь в восторге, — снова обратился ко мне Игорь.

— Я вот печатаюсь в студенческой газете и готовлюсь запустить своё еженедельное интернет-издание, поэтому постоянно во всеоружии, — парень любовно погладил объектив фотоаппарата, — В этом городе всегда что-то происходит. Сюжеты можно черпать буквально из воздуха.

— А тебе, красивая, понравилась столица? — спросил меня Саня.

Я засмушалась. Меня уже второй раз за вечер находили привлекательной.

— Я ещё нигде не была. Только Олег в торговый центр за одеждой возил.

— В следующий раз из белья покупай только постельное. Ты и правда столько ешь, что другое на тебя скоро не налезет, — сколько же яда было в словах Олеси, оказывается ловившей каждое слово нашего разговора.

— Рот закрыла, — рявкнул на сестру Стефан.

Но ситуацию уже было не спасти. Меня затрясло. Я почувствовала, как горят мои щеки. «Олег ей рассказал. Они вместе ржали надо мной!» — так и кружилось в голове.

— Мне нужно выйти, — я поднялась со стула.

Олег смотрел растерянно и хотел кинуться за мной в след, но рука Стефана удержала его.

На дрожащих ногах я шла в ванную комнату на первом этаже. Меня крутило так, что даже начало тошнить. Сердце колотилось, как бешеное. Я умылась холодной водой и сидела, зажмурившись на полу, прижавшись спиной к кафельной стене. Теперь идти назад я боялась.

Попыталась собраться с мыслями. Ладно, это не конец света. Меня ненавидели Олеся и Олег. Я не понимала, чем заслужила такое отношение. Остальные парни тоже производили жутковатое впечатление. Наверное, друзей, как надеялась, я тут не найду. Но тоже не смертельно. Я и в детдоме ни с кем близко не сходилась. Первое время была оглушена и

ходила, как во сне, ничего не соображая, а потом другие дети почему-то сами стали меня сторониться. Не сказать, что тогда это сильно расстраивало. Книги и рисование до последнего дня были моими единственными верными товарищами.

Я вспоминала самые страшные события из своей детской жизни и, как ни странно, начала чувствовать, что меня отпускает. Я все это переживу. Такими подколками меня не сломают. Решила, что пора выходить: «Схожу в столовую, попрощаюсь и пойду спать». Сидеть с ребятами дальше не было никакого желания.

Когда я шла в столовую, то увидела приоткрытую дверь кабинета. Там явно ссорились. По голосам я узнала старших Пантелеева и Марковича и услышала, как произносят мое имя. Меня словно розгами хлестнули. Я остановилась не в силах пошевелиться и стала напряжённо вслушиваться.

— ... а теперь девяносто процентов твоих активов... моих!.. моих активов должны делиться между тобой и этой обезьянкой? — орал голос Алексея Николаевича, — Зачем я связался с тобой, шмурдяк конченный?!

Из кабинета доносилось тяжелое хриплое дыхание. Маркович был очень-очень зол.

— Даже этот ебанный дом через пол года будет ее! Как можно было все переписывать на жену? О чем ты вообще, блядь, думал? Ты вообще думал? Чем? Жопой? — чем больше он кричал, тем больше распалялся. Я ни разу не встречала, чтобы мужчина доходил до такого психоза. Мне стало по-настоящему жутко.

— Чем думал? — зашипел, тоже ожесточаясь Пантелеев, — Я же ничего, вроде, не скрывал. Ты знал, что мне официально нельзя иметь столько имущества и бизнес. Нам бы лавочку быстро прикрыли. Ты не хуже меня знал, что все висит на Анне. И когда же ты стал против моей жены? Может, в два последних года, когда трахал ее? Думал я не знал, что женился на шлюхе?

Не успел Пантелеев договорить, как в туже секунду послышался удар и звук падающего на пол тела, звон разбитого стекла и его сдавленный вскрик. А потом ещё удар и ещё. Бешенство овладело Марковичем. Теперь я не смогла бы уйти, даже если бы захотела. Ноги слились с полом, я перестала дышать.

— Извини, Алексей... Николаич, остынь... — Пантелеев задыхался, — Николаич... я все исправлю.

— Не смей больше говорить об Анне. Ты ничего не знал, — взревел, как бык Маркович, — вообще ничего!

— Хорошо, хорошо, я не знал... — быстро согласился Пантелеев.

— Нет, не хорошо, — заговорил Алексей Николаевич хмуро, но уже спокойнее, — Я, Серёжа, тебя привёл во власть. Я тебя и уничтожу. Хуй без соли у меня жрать будешь, если все не исправишь...

— Виноват, но я работаю. Я все сделаю. Пока все под контролем, просто нужно немного времени.

— Решай быстрее, Сережа, а то пока воссоединение семьи празднуешь. Вкусно жрешь, сладко спишь, небось. Документы, хотя бы догадался спрятать?

— Конечно, их никто не видел, я же не самоубийца, — продолжал оправдываться Пантелеев.

Я почувствовала, что тело начало слушаться меня. Медленно, но ускоряясь с каждым шагом, пошла сразу в свою комнату. Пронеслась мимо столовой, в которой было еще более шумно, чем до моего ухода, и даже играла ритмичная музыкальная композиция, которую с

трудом перекрикивал пьяный голос Олеси. В пару прыжков преодолела лестницу и вихрем заскочила в темную спальню.

Захлопнула дверь и заметалась по комнате. Прежний панический ступор перерос в неукротимую двигательную активность. В голове лихорадочно роились мысли: «Что же мне делать? Что меня ждёт? Что Пантелеев придумал? Нужно бежать? Куда мне деться без денег? Они же меня везде достанут».

Не знаю, сколько я так бегала из угла в угол, то собирая сумку, то остервенело, кидая назад в шкаф, пока болезненно горячим лбом не прислонилась к холодному стеклу окна. Внизу на дорожке перед домом гости покидали особняк. Братья Алтабаевы садились на свои мотоциклы. Бешено газуя, оглушая страшной силой двигателей, стая рванула в ночь.

Рассаживались в порш Марковичи. Впереди — чудовищный отец. Олесю, еле стоящую на ногах, аккуратно придерживая под руки, привёл Стефан и бережно уложил на заднее сидение. Сам был за рулем. Открыл водительскую дверь, но прежде, чем исчезнуть в салоне, мужчина поднял голову. Его мрачный взгляд нашёл меня. Не представляю, как Стефан мог что-то разглядеть. Но, клянусь, сейчас он изучал меня. Я почувствовала, как горячо и дико застучало сердце, но одновременно под кожу проникал ледяной страх. Не смотря на чувство благодарности ему за сегодняшний вечер, я хотела, чтобы Стефан прекратил глядеть. Не выдержав, я отшатнулась и спряталась за занавеской.

Они все ненормальные. Все. Я прилегла на кровать и тут темнота комнаты озарилась вспыхнувшим экраном телефона. Мне пришло сообщение:

«Не хорошо подслушивать, ласточка. Это было неосмотрительно. Больше так не делай. Если тебя что-то интересует, спроси меня»

Я растеряно уставилась на смартфон. Прочитала смс несколько раз. Значит, он был сегодня в доме? Или сейчас находится в доме. Это может быть любой. Даже кто-то из прислуги или охраны. Он видел меня, только я не знала.

И я решила спросить:

«Меня убьют?»

Ответ пришёл незамедлительно:

«Нет, ласточка. Я не допущу этого. Я помогу тебе выпутаться»

Глава 4 «Наблюдатель»

I

И я поверила ему. Потому что не могла не верить.

Он появился в моей жизни нечаянно, в не самый лучший момент. Это была моя тринадцатая в жизни зима. В подавленном состоянии с проигрышем и разочарованием в себе я возвращалась из призового ленинградского лагеря. Не то, чтобы я правда надеялась на победу. Скорее испытывала вину из-за того, что подвела добросердечную девушку-психолога Веру Леонидовну... Верочку. Молоденькую, искренне привязавшуюся и поверившую в меня. К рисованию, которое она называла «Арт-терапией», тоже меня привлекла Верочка.

Само знакомство с ней было вынужденным и я обязана им страшному случаю, произошедшему в неделю моего двенадцатилетия. Детей, вступивших в подростковый возраст по правилам, переводили после двухнедельной передержки в спецприемнике в детдом для детей среднего и старшего школьного возраста в другом областном посёлке.

Я смутно помню этот спецприемник. Только ночь и крошечная темнота одиночной палаты. То, как силилась открыть распахнутые глаза, но все равно ничего не видела. Будто ослепла. Мерзкий и кислый запах пота. Влажное, тяжелое дыхание на моих ключицах. И

руки... руки, тянущие за ворот футболки, разрывающие ткань и больно ущипнувшие за живот. Я даже не вырывалась, просто вдруг начала невозможно орать. Помню, как на миг руки меня выпустили, а потом, как ожесточенно сомкнулись мои челюсти, когда эти самые руки пытались зажать мне рот. Как одна мощная ладонь просто взяла меня за лицо и сильно приложила к плитке пола. Иногда кажется, что помню этот зверский мокрый удар затылка о кафель.

Утром меня нашли лежащей на полу рядом с койкой. Сказали, что ничего страшного не произошло. Просто разбила голову, когда упала во сне. И в тот же день отправили в детдом в соседний посёлок.

После того, как я просидела в новой группе в углу, раскачиваюсь, как безумная, три дня, молча и без еды, для меня вызвали психолога. Так и приехала молодой специалист сразу после института Вера Леонидовна. Сначала взаимодействие не шло, а любой даже случайный тактильный контакт заканчивался приступами панической атаки, которую жестко снимали транквилизаторами.

После нескольких таких повторений Верочка пришла на сеанс и принесла с собой краски — 12 цветную акварель и альбом. Она молча положила передо мной подарок. Так я начала рисовать и дела пошли на поправку. А через год об этом случае остались только отрывочные воспоминания, запись в медицинской карте: «панические атаки с невыясненной механикой формирования приступов» и невозможность терпеть чужие прикосновения, которая тоже вроде как постепенно сглаживалась.

Я стала ещё тише и все свободное время сидела за красками. Однажды я нарисовала Дюймовочку. На листе она старалась спасти израненную ласточку и изо всех сил тащила неподвижную птицу по снегу. И вот эту работу нечаянно сочли подходящей для Всероссийского художественно-экологического конкурса «Каждый по возможности. Вместе сила». Верочка очень просила за меня, даже к директору ходила.

И вот когда я, виноватая и потерянная, возвращалась, то по дороге от переживаний схватила воспаление легких. Своё тринадцатилетние встретила в больничной палате. И вот тогда произошло настоящее чудо.

День в больнице, который должен был быть самым обыкновенным, начался с того, что ко мне в палату пришёл курьер и, назвав мою фамилию, вложил в руку коробку с новехоньким телефоном в картонной матовой коробке с логотипом откусанного яблока. Сначала я не хотела брать. Была уверена, что произошла ошибка, но курьер настоял его включить, и на экране почти сразу всплыло сообщение:

«С Днём рождения, ласточка!»

И пока я возилась, разбираясь с новой игрушкой, курьер пропал.

Я: «Кто вы?» — нашла, как отправлять сообщения.

Он: «Твой новый друг»

Я: «У меня и старых-то нет»

Он: «Тогда просто — твой друг»

Я: «Почему вы подарили мне телефон?»

Он: «У друзей так принято, ласточка»

Я: «А что я тогда буду вам дарить?»

Он: «Свои рисунки. Считаю, что этом году я уже подарок забрал»

И тут я догадалась, что моя конкурсная работа не просто потерялась.

Я: «Вы забрали Дюймовочку? Вы были в конкурсной комиссии? Поэтому так меня

называете?»

Он: «Ты не только талантливая, ласточка, но и умная»

Я: «Сколько вам лет?»

Он: «Не так много, чтобы говорить мне — Вы»

Я: «У нас все равно не получится дружба. Разрешены только кнопочные телефоны. Этот отберут»

Он: «Все будет хорошо. Не кисни!»

Я не знаю почему, но жить действительно стало чуть легче. Когда я вернулась в детдом, то ни от кого не получила люлей за то, что единственная из класса была в Ленинградской области. И это было очень хорошо! Машку Кабанову, рыжую толстогубую деваху, которая вся тряслась из-за того, что на конкурс послали мой, а не ее рисунок, вообще выслали на другой этаж. На телефон тоже никто не покушался. Преподаватели смотрели на него сквозь пальцы, а дети исподлобья из своих углов украдкой. Но никто не делал даже попытки отобрать. Ребята даже стали реже играть в «дурка открывается», — это ими же придуманная игра, когда меня специально хватили за руки и удерживали, пока не начнётся приступ. Мои хрипы и валяния по полу после отселения заводилы-Машки прекратили приносить детям прежнюю радость. Меня просто перестали замечать и это было — замечательно!

Неизвестный друг тоже не искал со мной встреч. Писал редко. На мой День рождения он присылал с курьером какой-нибудь подарок. Один раз это были акриловые краски, в другой — огромный набор фломастеров. А я в ответ передавала курьеру одну из своих работ.

Он то молчал неделями, то внезапно возникал с лишенными всякой логики вопросами: «Что читаешь?», «Если бы могла, то куда поехала?» и т. д. Как-то я поделилась мечтой стать поваром и открыть свой маленький ресторан. Ему, кстати, понравилось.

Ребята по-прежнему сторонились меня, и я постоянно чувствовала одиночество. Но, когда мне было пятнадцать, к нам перевели одного парня — Костю. Он, вроде, начал проявлять ко мне интерес. «Это сложный и проблемный мальчик, от него уже тереться семья отказывается. Но ему через полгода восемнадцать, так что уж как-нибудь», — сказал его куратор в напутствие нашей заведующей.

Через несколько дней после его появления я потеряла свой альбом с рисунками и ходила сильно расстроенная. А через неделю он случайно нашел его и принёс мне. Обложка, правда, была безнадежно испорчена. На ней был нарисован непристойный рисунок, и шла надпись «Я отымею тебя в рот». Но Костя сказал, что это ничего и обложку можно просто оторвать. Главное, что от рук неизвестного хулигана, рисунки не пострадали.

После этого мы стали общаться. Он часто шутил и рассказывал мне про миллион разных вещей, которые узнал, пока жил по приемным семьям. Я не понимала, почему от него все отказывались. Ведь кроме резких перепадов настроения, которые происходили с ним очень-очень редко, он был милым.

Однажды он рассказал мне, что читал одну научную статью, в которой был описан случай неприятия физического контакта, похожий на мой. И в том случае девушке помогла терапия поцелуями. Я очень смеялась, а Костя разозлился и обозвал «сукой».

А на следующий день Костю нашли сильно избитым на пустыре за детдомом. У него были трещины на ребрах, переломан каждый палец и изуродовано до неузнаваемости лицо. Говорили, что в области губ ему наложили шесть швов. Из больницы, где провалялся несколько месяцев, Костя к нам уже не вернулся. Ему исполнилось восемнадцать.

Когда я узнала, что с Костей случилась беда, то была взволнованна и разбита. Это был

единственный раз, когда я первая написала своему телефонному другу:

Я: «Привет! Чего делаешь? Мне сейчас очень грустно»

Он: «Грустно из-за этого мудака?»

Сказать, что я удивилась, это ничего не сказать. Я просто выпала.

Я: «Что ты имеешь в виду?»

Он: «Он это заслужил»

Я опешила. Мне стало по-настоящему страшно.

Я: «Это сделал ты? Ты что, следишь за мной?»

...

Он: «Никто не должен тебя трогать»

...

Он: «Маленькая еще»

Глава 5 «Начало нового. Университет»

I

Я тону. Вода холодная, вязкая, одинаково темная со всех сторон. Нет никакой возможности сделать вдох. Я барахтаюсь, чувствуя, как меня кроет паника. Легкие горят, глаза щиплет. Вода проникает в уши и нос. Она сдавливает меня со всех сторон могильной сыростью. Только бы выплыть... Только бы не конец... Закрываю глаза, чтобы сосредоточиться, и чувствую как бездна засасывает тело. Будто я в самом центре океана. Надо мной такая же неподъемная толща, как и подо мной.

И тут приходит понимание: «Проще сдаться». Это даже не мои мысли — это эхо, это гул моей измученной плоти.

И тут через весь этот ледяной ужас приходит ощущение жжения в районе солнечного сплетения. Чья-то ладонь ложится под грудь. Сильная рука захватывает тело и начинает тянуть. Она теплая, мощная и такая живая. Меня прижимает спиной к мужскому твердому, рельефному торсу. Я больше не захлебываюсь. Становится светлее. Кислорода хватает. И я расслабляюсь и отдаюсь во власть незнакомца. Рука уходит с солнечного сплетения и захватывает грудь. Вторая нежно, но властно гладит затылок и медленно скользит по шее. А мне хочется прижаться еще плотнее. Хочется, чтобы меня обняли еще сильнее. Чувствую уверенный захват бедер его ногами... и свою нарастающую пульсацию внизу живота, которая начинает сводить с ума.

Вздрагиваю всем телом и просыпаюсь.

Что же это было? Всего лишь сон... Я оглядывалась по сторонам и тяжело дышала. Лоб покрыла испарина, мокрые волосы прилипли. Осеннее солнце рассеянными белесыми лучами проникало в комнату. Ну, и видок у меня, наверное! Нужно было срочно идти в душ и переодеваться. Сегодня я должна принять доставку учебников для университета. Это раз. А еще хорошо бы пересечься с Пантелеевым-старшим и поговорить. Это два. И самое главное — необходимо решить, что ему сказать или точнее чего не говорить. Это три.

Начала я все же с того, что привела себя в порядок. Сон долго еще не отпускал меня. Воспоминания о руках таинственного незнакомца всплывали все утро. Эти движения потрясли меня, сон был слишком реальным. Ко мне никто не прикасался несколько лет. Обычно мне становилось мерзко от одной мысли о чужом касании. Но эти объятия были совершенно другими. Такие надежные, притягательные... немного подавляющие.

Я старалась провести расческой по волосам так, как будто это он касался затылка. Когда надевала лиф, рука на мгновение задержалась на груди — словно сжимал он. Когда

натягивала джинсы — как ... «Хватит!» — запретила себя мучить.

Спускалась я осторожно, задумчиво. Запахи кухни уже не будоражили меня. Встретиться с Сергеем Михайловичем и сказать, что я надумываю уехать? Хотя бы просто, чтобы посмотреть на реакцию. Не могу же я прямо сказать, что мне не нужны их криминальные деньги. Или все же могу? Я же не заложница здесь. Будет ли мое поведение подозрительно? Будет ли это опасно? Ну, убивать меня скорее всего не планируют, а иначе Пантелеев не привез бы в свой дом, не было бы столько свидетелей на вчерашнем вечере.

Незнакомец, писавший вчера, ясно дал понять, что в курсе, что он близко. Но я и не думала успокаиваться. Ничего конкретного в сообщении сказано не было. Было непонятно, как «мой друг» может мне помочь. И вообще, такой он ли влиятельный на самом деле, каким показался нищей девочке-подростку?

Из мыслей выдернула рука. Но уже, к сожалению, не мужчины из сна, а Олега. Он подловил меня, перегородив проход, широко расставил ноги и, держа одну руку в кармане, второй уперся в стену поверх моей головы.

— Доброе утро, — чуть прищурившись, очень внимательно всматривался мне в глаза. Через паузу, — Поговорим?

— О чем? — в горле запершило. Мне было странно от такой опасной близости чужого малознакомого парня. Я начала медленно перетекать по стене в сторону, не отрывая взгляда от его ярких, серых глаз.

Это мое движение не укрылось от Пантелеева. Он тряхнул волосами медового цвета, усмехнулся куда-то в сторону: «Тпруууу... лошадка...», и вторую руку положил с другой стороны от моей головы. Ловушка захлопнулась.

— О чем? Ну, хочешь о том, как ты сладенько стонала сегодня во сне? — нахально улыбнулся, — Но я бы хотел о вчерашнем вечере.

— Нет, — я извернулась и, поднырнув под руку, в два прыжка достигла противоположного угла кухни.

— Чудо, ты сегодня дерзкая, — Олег замер с недовольным видом.

Смотрел хмуро, но хотя бы больше не делал попыток приблизиться.

Конечно, «дерзкая», — думала я. Он, вероятно, не знал, что из-за нелепого маминого завещания, я скоро сама смогу вести себя здесь как хозяйка... если мне позволят. Если выживу...

Злить этого парня мне точно не хотелось. Хотелось взять паузу, а взрывной характер Пантелеева был слишком непредсказуем. И он удивил меня в очередной раз, когда все же начал:

— Олеся повела себя вчера некрасиво. Она не должна была так поступать. Я не думал, что так выйдет. Мне жаль, что испортили вечер. Прости засранца. Нужно было сразу за тобой пойти, но я думал, что ты еще вернешься.

— Зачем? — я закусила губу.

Олег непонимающе уставился на меня.

— Зачем хотел идти за мной? Ты решил, что я ждала твоей жалости?

На миг в его глазах показалось изумление.

— Смелая стала, значит? Извинения мои тебе не зашли? «ждала твоей жалости», — передразнил меня и злобно прищурился: Не слишком ли много зазнайства от вчерашней детдомовки? — ну всё. Вот он и разозлился, — А у самой небось сердечко заходится от радости, что я переживал. Ну, давай, теперь спроси меня: «А ты, правда, за меня

переживал?»

Он снова начал приближаться, источая легкую угрозу и не по-доброму так улыбаясь.

Я собрала всю волю в кулак, стараясь не показывать страха, хотя ощутила себя жертвой в лапах безумца.

— Как хорошо, что ты мне уже роль написал. Сразу бы сам с собой и поговорил! — я дернулась к выходу.

Он резко возник передо мной и, одним движением ухватив застегнутый на джинсах ремень, сильно прижал к себе.

— Мы не закончили! — твердо и грубо произнес он на выдохе.

Внутри меня все сжалось от волнения, испуга... и его прикосновения. Я замерла. Боялась сделать вдох и смотреть ему в глаза. Я давно не чувствовала себя такой жалкой и беспомощной:

— Пусти, — я взмолилась.

— А то что? — Олег навис надо мной и тяжело дышал.

— Сергей Михайлович... — начала, но в моем голосе не было твердости.

— Ябеда! — перебил меня и скривился.

Олег нехотя отпустил пояс моих брюк и отодвинулся, но не настолько далеко, чтобы я оказалась в полной безопасности.

— Уехал твой Сергей Михайлович. Сегодня ночью в командировку.

— Как он? — я прекрасно помнила жуткую сцену в кабинете. Наверное, выглядел Сергей Михайлович далеко не лучшим образом.

— Что как? Как уехал? Понятия не имею. Сам его после ужина не видел. Кстати, папаша, позвонил мне утром и сказал, что оставляет для тебя карту. Тридцать тысяч на балансе на непредвиденные и по пять тысяч каждую неделю будет пополнять.

Олег потянулся к заднему карману и вложил мне в руку прямоугольный кусочек пластика. Забрав карту и воспользовавшись тем, что парень больше меня не держит, я кинулась в свою комнату.

«Значит — командировка!» — думала я, сидя на кровати. Скорее не захотел светить синяками перед сыном. Ну, хорошо, что заботится обо мне. Пять тысяч на неделю. Ну, надо же! Это тысяча в день — щедро!

Через час водитель постучал в дверь комнаты и внес несколько коробок: с учебниками, письменными принадлежностями и планшетом. Все было красивое, чистое, с особым запахом нетронутых вещей, только с производства. Я любовно разбирала коробки, гладила книжные корешки и расставляла канцелярию на стол, когда дернулась ручка двери.

— Чудо, открой, — услышала голос Олега за дверью.

Мысленно возрадовалась, что успела запереться на ключ. Я не ответила и даже не пошевелилась.

— Ты думаешь, что это игра? — сказал со злой веселостью в голосе. Было неясно радуется он или сердится. Но уходить парень явно не собирался.

«Что ему на этот раз нужно?» — мне стало неуютно. Я нехотя двинулась ко входу. Встала у самой двери и открывать не торопилась. Замерла, стараясь дышать через раз. Надеюсь, что Олегу надоест, и он уйдет. Именно в этот момент раздался звонок его телефона. Я даже подпрыгнула от неожиданности.

Парень взял трубку и, видимо, отвечая на вопрос, произнес: «Ничем особенным. Семейные дела. Для тебя всегда». Пауза. «Конечно, подъеду не вопрос. И сам хотел». Хлопок

его раскрытой ладони по моей двери на прощанье и звук удаляющихся шагов.

Вот, чего приходил? Какой же он гадкий! Похоже, ему понравилось меня доставать. Я его чем-то раздражала. Что ж, они с Олесей очень подходят друг другу! Наверное, к ней и поехал. Конечно, мне было очень неприятно. Не от того, что я как-то повелась на его зажимания, или навоображала что-то особенное. А от того, что он считал, что ко мне можно вот так относиться. Так насмешливо и так по-дурацки. Олег словно думал, что видит меня насквозь и считал какой-то второсортной что ли. Вот это было обидно.

Я распаковала планшет и весь вечер гуглила информацию о праве наследования в случае смерти сироты из детского дома. Тут все было достаточно прозрачно. Оказалось, что если со мной что-то произойдет, то все имущество перейдет государству. Интересно, конечно. Похоже, ни убийство, ни несчастный случай мне не грозил. Наоборот, Пантелеев желал держать меня поближе и, значит, у него был какой-то другой план. Знать бы только какой.

Ночью начался дождь. Крупными холодными каплями стучал в окно. Порывы злого ветра раскачивали голые ветви деревьев. Их грустные тени складывались на полу спальни в замысловатые узоры.

Утро понедельника выдалось серым и неприветливым. Я в одиночестве, не включив свет, пила кофе на кухне. Олег вчера так и не вернулся. Поэтому, когда неожиданно хлопнула входная дверь и напротив меня возникла его фигура, я удивилась.

— Как спалось, чудо?

Выглядел он удивительно хорошо. Чисто выбрит, с аккуратным пробором в непослушных волосах. Под темным вельветовым пиджаком светлая рубашка с небрежно расстегнутой верхней пуговичкой. Весь его вид говорил о том, что сам он точно отлично спал.

— Я за тобой. Тоже поем и едем, — голос низкий и все движения абсолютно расслабленные.

Я же почти не спала и собиралась часа два. В первый день я страшно нервничала. Переодевалась три раза. Мне хотелось произвести правильное впечатление. Я не оставляла надежды найти друзей среди новых однокурсников.

Неожиданное возвращение Олега и предложение подвезти немного сбило меня. Конечно, я помнила, как он кинул меня в торговом центре. И повторения мне совсем не хотелось.

— Привет! Куда поедем? — растеряно смотрела на него, я так и ждала подвоха, — Мне в институт надо.

— Именно туда, чудо. Вместе кататься будем.

— Спасибо, но я доберусь сама, — сказала я заготовленную на всякий случай фразу.

— Для чего это? — он, казалось, был искренне удивлен.

— Хочу сама.

— Я спросил: для чего это ты выделываешься? Отец велел возить тебя. Давай у него не будет повода беспокоиться!

Я бы скорее поверила, что, его отец велел следить за мной.

— Я доберусь общественным транспортом. Вчера изучила карту — автобус и метро. Всего сорок пять минут. У нас же разное расписание и график. Так будет лучше, не придется подстраиваться.

Я всерьез опасалась любой подставы от этого избалованного мажора. Поэтому еще в

торговом центре твердо решила больше не попадать в такие ситуации, где полностью завишу от другого человека.

Олег поморщился, словно я сказала какую-то глупость:

— Ты не оборзела? Заявилась в наш дом на все готовое. А теперь с видом мученицы по автобусам давиться будешь? Ты чего доказать хочешь? Жертва, блять. Я полночи работал и ехал к тебе через все пробки, хотя от моей квартиры до университета можно пешком дойти. Считаешь, что я сейчас кинусь тебя уговаривать? — он стоял очень прямо, высоко задрав подбородок и желваки, ходящие под скулами, придавали ему грозный вид, — Только отцу сама объясняй.

Олег вышел, громко хлопнув дверью.

— Ой, Олег! — кинулась я вслед за ним. Я даже не думала, что он так взбесится, но затормозила себя. Не лучший момент.

Конечно, я не собиралась извиняться. На самом деле я хотела спросить про рюкзак, но не успела. В субботу, когда Олег возил меня за покупками, я не догадалась его приобрести. И теперь кроме дорожной сумки у меня ничего не было.

Ну, ладно. Я не придумала ничего лучше, чем заглянуть в ящики кухни и в одной нише обнаружила пакеты с надписями доставки и нарисованной пиццей. А в сбоку стоял сложенный бумажный пакет из твердого картона. «Вот, то, что нужно!» — обрадовалась я. Розовый, похожий на подарочный, с круглым черным логотипом заячьих ушей и надписью по кругу: PINKRABBIT. Не в моем вкусе, но даже миленько. Не в руках же в конце концов нести учебники.

Дорога прошла достаточно гладко. Я была очень внимательна с автобусом и выдохнула, только у входа в подземку. Метро, конечно, поразило меня масштабностью и красотой, к которой спешащие пассажиры не проявляли никакого интереса. В один момент в вагон зашло слишком много людей. Они прижимались ко мне со всех сторон. Мгновенно стало душно. Воздух с трудом поступал в легкие. Я стояла и мысленно уговаривала себя делать медленные вдохи.

Зато, когда вышла на следующей станции, то чувствовала себя победительницей. Но, наверное, я все же немного растрепалась, потому что некоторые люди бросали на меня странно-долгие взгляды. Ничего, доберусь, приведу себя в туалете в порядок.

Здание университета поражало воображение. Величественное, монументальное. Рядом с ним я почувствовала себя крохотной песчинкой.

На первом этаже в противоположной стороне от гардероба в центре округлого холла висело большущее электронное табло с расписанием занятий курсов. У стен стояли автоматы с напитками и снеками. Лавочки заполнялись все прибывающими студентами. Некоторые ребята толпились около информационных стендов. Какие-то молодые люди со значками студенческого совета раздавали листовки. Это было похоже на площадь небольшого городка. Отовсюду слышалась громкая речь, залиvistый смех. Слух улавливал отрывки речи даже на незнакомом языке. Определенно, мне здесь нравилось. Это было так не похоже на мой тамбовский колледж.

В проеме одного из огромных окон на низком подоконнике сидел Олег в окружении оживленной группы однокурсников, а у него на коленях Олеся. Его рука на талии девушки медленно водила по обнаженной пояснице. Олеся разве только глаза не жмурила от удовольствия. Увидев меня, она с противной улыбкой кивнула в знак приветствия. Я не успевшая повесить одежду и держащая в одной руке пальто помахала ей той, в которой был

пакет. Олеся так и прыснула. Я, не обращая внимания, пошла к расписанию. Ага, мне нужен был кабинет на втором этаже. Чтобы пройти к лестнице, пришлось двигаться мимо что-то уж сильно развеселившейся компании Олега. Но когда я приблизилась, они зловеще замолчали.

— В тихом омуте вибраторы водятся? — крикнул мне один из подонков.

— Пстой, БДСМ-киса, — мерзко облизываясь под гогот сокурсников бросил другой. Он даже сделал обманное движение, якобы собираясь поймать меня.

Я ускорила шаг и чуть не споткнулась на лестнице. Что на этот раз Олег про меня наболтал? Но подойдя к своей аудитории, я обнаружила, что насмешки не прекратились. Ребята моего потока, увидев меня, начали перешептываться. Я совершенно не понимала в чем дело. Многие сидели по одному, но стоило мне спросить про место, все до единого шарахались от меня как от прокаженной и отводили глаза. До меня донесся неясный шепот: «Новенькая пришла — сейчас сразу Афанасьеву Правовое регулирование автоматом сдаст», «Да, она, наверное, в каждой бочке затычка, если вы понимаете о чем я». И опять необъяснимый и такой обидный смех в мою сторону.

На первом этаже около гардероба я осмотрела себя в зеркале и ничего неприятного или неряшливого не увидела. Поэтому просто выбрала последний пустой стол и стала выкладывать из пакета учебные принадлежности. С первой парты ко мне развернулся широкоплечий рыжий парень и громко крикнул: «Не забудь на лекции поставить тыкалку на беззвучный режим!». Теперь заржала вся аудитория.

Я сидела вся красная и хотела провалиться сквозь землю. И чем это было непонятней, тем унизительнее. За минуту до появления преподавателя в аудиторию зашел Игорь Алтабаев. Он замер в дверях, торопливо оглядел присутствующих и отыскал глазами меня. Широко улыбнулся. Так приветливо, как будто мы давние хорошие знакомые. Парень уверенно направился к свободному месту за моей последней партой. По пути он останавливался и здоровался за руку с ребятами. Было заметно, что к нему тут относятся с уважением.

— Привет, Жень! Готова к первому дню? — его голос бархатный и низкий звучал без намека на какую-либо издевку.

— Привет, — я с облегчением подняла на него глаза.

Он небрежно повесил кожаную куртку на спинку и сел, пододвинув свой стул практически вплотную к моему. Наши плечи почти соприкасались. От него, одетого в одну футболку казалось, веет жаром. Его карие глаза цвета горячего шоколада были серьезны.

— Есть планы на большую перемену? — его дыхание щекотало мою шею.

Студенты бросали на нас заинтересованные взгляды. Больше никто не ржал.

— Я не знаю, а во сколько перемена?

— После двух пар. Хочу тебе одно кафе показать — там атмосфера — закачаешься! А тыквенный пирог — что-то с чем-то! Ты просто обязана попробовать, — меня так подкупал его легкий тон, что я просто расслабилась.

— Это звучит... — я не договорила, потому что Игорь оборвал меня.

— Обязана! попробовать, — прошептал, потому что преподаватель уже начал лекцию, особенно выделяя первое слово.

— Ну, если настолько серьезно, то, похоже, у меня нет других вариантов, — я тоже начала улыбаться.

Общаться с Алтабаевым было очень приятно.

Лекции пролетели незаметно. Я действительно увлеклась. После большой перемены нужно было переходить в другую аудиторию, поэтому я достала из-под парты пакет и начала складывать туда свои тетради. Игорь, который просто свернул тетрадь в трубочку и положил в карман куртки, ждал рядом.

Парень перевел взгляд на парту и его лицо изменилось. Он ошарашено потер рукой лоб и произнес:

— Передай Олегу, что он — мудака! Хотя нет, я сам ему скажу...

Он резко повернулся и уже собирался броситься из аудитории. В его глазах разгоралось недоброе пламя.

— Стой! Подожди, Игорь, — и он как очнулся, когда я назвала его по имени, — Объясни, в чем дело?!

— Это же он дал тебе этот чертов пакет?

— Господи, да что не так? Сегодня мне все делают странные намеки, — до меня, кажется, начало что-то доходить, но до конца я не понимала.

— Ну, я уж представляю... Женя, это пакет из магазина товаров для взрослых. Секс-игрушки и все такое.

— Боже, я не знала, — мой голос захрипел от того, что горло пересохло, — Я не привезла с собой рюкзак и нашла вот это. Я бы никогда не стала выставять себя на посмешище.

— Так, сегодня кафе отменяется, — Алтабаев стремительно покинул помещение.

Я осталась одна в опустевшей аудитории. Села за парту и обхватила голову руками. Во рту чувствовала горький привкус поражения. Вот так первый день! Ну, зачем я вообще что-то делаю, жду чего-то?! Я только все время ошибаюсь и все порчу. Боже, да я просто — идиотка!

Я так разозлилась, что мне захотелось разодрать этот несчастный пакет на миллион частиц. В этих самобичеваниях и прошла большая перемена.

Ладно, никто не обещал, что будет легко. Я резко поднялась. Выкинула разорванные розовые лоскуты в мусорку. Мной овладела какая-то остервенелая решимость. Конечно, я могу уйти прямо сейчас, но если сбегу, то точно не найду силы, чтоб вернуться на следующий день.

Нет, я буду пробовать снова, снова и снова. Стребла в охалку учебники и, как на казнь, пошла на другое занятие. На следующее пару по культуре речи Игорь не явился. Я опять выбрала последнюю парту и сидела, не поднимая головы от тетради. Перешептывания однокурсников, вроде бы, закончилось. Я старалась вести себя очень тихо и не отвечать, а в глубине души мечтала о том, чтобы стереть у студентов память.

Однако в конце следующего перерыва парень, как чёрт из табакерки, возник рядом с моим местом. Я скорее почувствовала его присутствие и подняла голову.

Игорь неторопливо приблизился и положил на стол передо мной бежевый рюкзак в тонкую коричневую косую клетку. На кожаном ярлычке была написана марка «Gucci». Я растеряно и с невероятным восторгом переводила взгляд то на него, то на рюкзак. Довольный произведённым эффектом Игорь обошёл парту и развалился рядом со мной.

— Это для меня? Игорь, ты — просто волшебник! Но, это наверняка, очень недешево! Давай я верну тебе деньги! — уже потянулась за кошельком с картой, которую так вовремя оставил мне Пантелеев.

— Не вздумай! Ты меня обидишь.

Я вертела в руках чудесный подарок, пока не обнаружила бирку. На ней была напечатана цифра: 120 000=. Я побледнела. Сто двадцать тысяч рублей!!! Таких цен просто нет. Это не может стоить так дорого!

— Ты с ума сошёл?! Я ни за что его не приму! — я хотела отпихнуть рюкзак, но парень мягко остановил меня.

— Не делай проблему на пустом месте, — он закатил глаза.

— Но ты же можешь его сдать назад?

— У меня есть идея получше. Помнишь, я рассказывал, что работаю над запуском своего интернет-издания? Мне нужна будет помощь и только что я нашёл первого сотрудника. Считай, что я тебя нанимаю, а это аванс.

— Но зачем я тебе? Я же ничего не умею. Что я буду делать? — я удивленно уставилась на Алтабаева.

— Будем учиться вместе. В основном я заинтересован в сборе информации. Нам нужны факты, а обрабатывать дело десятое. Тем более симпатичной девушке открываются такие двери, которые даже со связями мне не светят.

Я недоверчиво посмотрела на него.

— Ну, сама подумай, кто будет со мной откровенничать? То ли дело красивая молодая журналистка. Ты такая милая, с тобой хочется быть искренним, удивлять. Кроме того, мне нужно будет сопровождение на разные презентационные мероприятия, — он так хитро улыбался, что я рассмеялась.

— Да, конечно! Я бы и без такого безумного жеста была бы согласна! Сама думала искать работу. Ты не пожалеешь, что предложил. Я буду очень стараться! Все, что угодно, хоть на край света... только, что б учеба не страдала, пожалуйста!

— Не переживай, страдать точно никто не будет! — моя горячность сильно развеселила его.

После лекций в отличном настроении я шагала на парковку. Мы договорились, что Игорь отвезёт меня домой. Сам он должен был ещё зайти в деканат. Сказал, что на минуточку, а после догонит.

Какой же все-таки сумасшедший день! Как на американских горках прокатилась. Я шла и улыбалась, сжимая в руках рюкзак. Не могла перестать его трогать. Как же приятно обладать хорошими вещами. Я двигалась медленно, хотела ощутить каждую секунду этого нового чувства. Я буду очень хорошим сотрудником! Приложу все свои силы!

Я даже не заметила, как из темной машины вылез парень и, схватив меня за руку, начал заталкивать в автомобиль. Олег!

— Прокатимся? — сквозь зубы бросил мне, усаживаясь рядом и заблокировав двери иномарки.

Однако заводить мотор не торопился.

— Думаешь, я не понял, зачем ты приехала в Москву? — он брезгливо поморщился.

— Зачем же?

— Хочешь заработать здесь на что-то большее, чем айфон? — Олег кивнул на рюкзак.

— Хочу, — я с вызовом посмотрела в его глаза.

— Рад, что ты престала выделяться, — парень вдруг улыбнулся мне очень открытой по-мальчишески задорной улыбкой.

Выватил из моих рук рюкзак и бросил на заднее сидение. И с напускной серьезностью начал поправлять сбившийся на моей шее шарф. Я раздраженно повела плечами.

— Не дергайся. Я тоже могу быть щедрым.

— Мне не надо твоих денег.

— А чьи надо? — он, кажется, опять начал беситься, — Этот дровича тебе понравился?

Да ему даже за деньги его папаши никто не дает! А я сам зарабатываю. Вот назови, чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты отстал от меня. Мне ничего от тебя не надо. У меня только одно желание, чтобы ты никогда не трогал меня.

— Ты передумаешь, — Олег вжал педаль в пол и автомобиль, рыкнув, рванул со стоянки.

— Меня Игорь будет искать! Я с ним договорилась домой ехать.

Олег ничего больше не сказал, только крутанул музыку на полную громкость. Он высадил меня около дома, а сам уехал.

Я быстро пообедала и принялась за уроки. Мне совсем не хотелось откладывать все на последний момент.

Олег скорее всего ночевать опять не явится. Ну, мне так и лучше даже. Видно, парень часто пользовался отсутствием Пантелеева-старшего и пренебрегал отцовской заботой, предпочитая свободную жизнь. Домработница Наташа что-то терла на кухне и собиралась уходить. Горничная из-за небольшого количества домочадцев вообще заканчивала к обеду. Огромный дом замирал. Особняк с темными окнами со стороны улицы похожий на череп с пустыми глазницами, казалось, скрывал страшные тайны прожитой жизни. И только окна холла на первом этаже светились мягким чуть подрагивающим светом ламп и отражением их отблесков в зеркалах, глянцевых вазах и до блеска начищенных мебельных поверхностях.

Достала альбом и до семи увлеченно рисовала, слушая, как окном воет беспокойный ветер, выдыхает в лица прохожих осеннюю сырость, безжалостно заигрывает с одинокими тусклыми листочками. Когда я уже заканчивала, мне вдруг показалось, что о стекло что-то ударило, и в окне мелькнула тень. Я не была полностью уверена, так как сосредоточилась на работе. Нахмурилась, потому что это было странно. Деревья шли по периметру участка на значительном расстоянии от строения. Что же это было? Спальня располагалась на втором этаже. Я перегнулась через подоконник, но никакой стремянки или лестницы внизу не обнаружила. Дорожки, освещенные фонарями, тоже обезлюдили. Да, и не смог бы никто попасть на охраняемую территорию. Может, веточку оторвало ветром? Сердце постепенно успокаивалось. Осталось только какое-то неприятное скребущее чувство, неясное беспокойство.

Рисунок был закончен — получилось огромное здание университета, каким оно видится со стороны парковки, асфальт с лужами и плавающими листьями, а в воде — мое отражение. Положила сушиться акварель и прислушалась еще раз. Ни звука больше. Дом опустел. Этим точно необходимо было воспользоваться.

Нужно сказать, что всплывшие при подслушанном разговоре в кабинете важные бумаги и информация, которая в них заключалась, так и не ушли из мыслей. Меня мучило осознание того, что разгадка может быть очень близко. Стоило лишь протянуть руку. Самое лучшее было бы спокойно съесть оставленный для меня ужин и лечь спать пораньше, но так захотелось хоть одним глазком посмотреть на документы, про которые говорили Маркович и Пантелеев тем злополучным вечером.

Этот зуд сводил меня с ума. «Это мой шанс. Я только посмотрю, ведь дело напрямую меня касается. Это не преступление», — убеждала сама себя, направляясь к кабинету. Если

бы я знала, что из этого выйдет, то никогда не полезла бы в этот проклятый кабинет.

Я осторожно пробиралась по коридору и никак не могла отделаться от мысли, что за мной кто-то наблюдает.

Стараясь двигаться бесшумно, я нажала на ручку двери. Если закрыто, то просто уйду. Дверь плавно отворилась. В кабинете царил полумрак. Яркость уличного освещения позволяли разглядеть изысканный классический стиль помещения. Бронзовый блеск стен, обитых плотной шелковистой тканью. Тяжелые портьеры, подхваченные золотистыми шнурами с кистями. Кожа, черный дуб, великолепный узорчатый ковер, антикварные вазы, картины — роскошь кабинета была призвана подчеркивать достаток и статус хозяина. В одном из туманных пейзажей я узнала руку Тернера. Интересно, это подлинник?

В углу рядом с входом стоял секретер, с ручной резьбой и искусной инкрустацией перламутром. Внимательный осмотр ничего не дал. Канцелярские принадлежности, бумага, копии договоров пятилетней давности, старые квитанции. Может, я не то ищу?

Я была уверена, что бумаги находятся где-то здесь. Не будет же Пантелеев возить с собой эти документы? Я обошла массивный стол. Со стороны хозяйского кресла было три ящика. В верхнем оказалось несколько альбомов с фотографиями. Не справившись с любопытством, стала быстро пролистывать. Со снимков на меня смотрела счастливая семья. Ослепительно красивая женщина обнимала за плечи улыбающегося мальчика лет двенадцати. «Мама с Олегом», — узнала я. Далее следовали снимки отдыха на море. Женщина смеется в набегающей волне. Олег, беззаботно размахивающий руками на краю пирса. Сергей Михайлович с бокалом, без пиджака и даже без рубашки. А вот трехъярусный торт на день рождения мальчика и он сам, прижимающий к себе щенка с бантиком на шее. Женщина верхом на лошади в костюме наездницы, свободная и дикая. У меня больно защемило сердце. Сложив все как было, я перешла к следующему ящику. Дернула за ручку, но она не сразу поддалась. Ящик немного заедал и выдвинулся с трудом. В нем лежали оригиналы: документы на покупку автомобилей, договор о совместном владении клуба «Сан-Андреас» Стефаном Марковичем и Олегом Пантелеевым, бумаги по аренде помещений на разные адреса. Но опять же ничего ценного для меня.

Третий ящик, неудобно расположенный почти у самого пола, тоже не захотел поддаваться с первого раза. Дернула сильнее, но рука соскочила, и я сама не поняла, как так случилось, что мой локоть по инерции отбросило назад. Я задела небольшую этажерку за спиной. Она накренилась и ваза, стоящая наверху, пошатнулась. Один миг казалось, что все обойдется. Но ваза продолжила раскачиваться и, не устояв, рухнула об угол стола и разбилась на мелкие осколки.

Я не знаю, как описать свое состояние. У меня не было чувств, кроме безумного страха и отчаяния. Но через секунду стало еще хуже. Дверь кабинета отворилась. На пороге стоял Олег. Я смотрела то на куски стекла у ног, то на его изумленное лицо и понимала, что мне лучше просто умереть. Обреченно опустила голову. Олег включил свет. Молча, по-деловому осматривал масштабы бедствия.

— Развлекаешься? — он опять веселился, — Что ты тут потеряла?

— Я... — у меня даже не было заготовлено версии, — мне показалось... что я услышала странный шум. Я пошла проверить и вот...

Олег, как бы соглашаясь, закивал головой. Но больше ничего не говорил. Я чувствовала, что он просто издевался и не верил ни одному моему слову. Ну, что ж, я бы тоже не поверила. Чтобы нарушить это напряженное молчание, я присела и дрожащими руками

стала собирать осколки некогда прекрасного сосуда.

— Стой! — приказал парень, — Я принесу совок.

Но один кусочек стекла уже впился мне в ладонь. Моментально выступила темная кровь. Когда он вернулся со щеткой, теплая бордовая струйка уже оплетала мое запястье. Олег сразу заметил и выругался себе под нос.

— Иди на кухню, я сам закончу.

Я чувствовала себя очень угнетенно. Стояла на кухне, сжимая запястье, и смотрела, как моя кровь капает в раковину. Через минуту Олег выкинул бывшую вазу в мусор. И встал за моей спиной. Из непонятно откуда взявшейся аптечки он достал перекись и щипчики.

— Ну, что там у тебя, чудо? Показывай.

Парень очень умело вытащил застрявший осколок и аккуратно обрабатывал рану, заглядывая мне в глаза, так, словно хотел что-то в них увидеть.

— Ваза ... была очень редкая и дорогая? — наконец, решила задать вопрос.

— Бесценная, — протянул как бы нехотя.

— Боже мой!

— Да, чудо, ты умеешь попадать в неприятности, — грустно усмехнулся Олег.

— Я нечаянно... — было так жалко себя, и в тоже время я отдавала себе отчет, что оказалась в такой ситуации по своей вине.

— А ты знаешь, что в приличных домах все действительно важное принято хранить в сейфе?

— Я не собиралась ничего красть, — почувствовала, что краснею.

— Ну, да, о чем это я? Ты же у нас сама «зарабатываешь».

— А Ты... Ты только и делаешь, что смеешься надо мной и обвиняешь! А мне даже дышать тяжело рядом с тобой. Ну, что ты рад, что я так облажалась? Конечно, это был просто вопрос времени. Но, знай, что я не искала вас и сюда не напрашивалась. Я много чего не знаю о правилах вашей «элитной» жизни и чувствую, что в тягость. Я уеду, как только поговорю с Сергеем Михайловичем. Давай просто не замечать друг друга это время?

Я вырвала руку и понеслась к себе. Я успела заметить, как Олега перекосило от моих слов и, наверное, показалось, но я правда видела досаду и сожаление на его лице.

По привычке вышагивая из угла в угол моей спальни, я постепенно успокаивалась. Ну, не убьет же меня Платонов за вазу, пусть и бесценную!? В конце концов, признаюсь, что нашла работу и хочу съехать. Пообещаю, что от меня больше не будет проблем. Подпишу ему бумагу о том, что не буду общаться с прессой.

В голове все выстраивалось вполне логично. Я дам ему то, что он хочет и избавлюсь от этой отвратительной семейки.

Я села искать информацию об отказе от наследства. Но тут все было очень туманно. Выяснила только, что любой отказ мог быть оспорен в течение трех лет. Что-то типа срока давности в делах наследства. В принципе, ни один юрист не давал гарантий на этот период. Наверняка, Сергей Михайлович все это знает. Ну, не собирается же он держать меня при себе все это время?

Самым неприятным, конечно, было поведение сына Пантелеева. Я заметила, что с каждым разом он вел себя все более раскованно и нагло со мной.

А еще я обратила внимание на то, что на кухне я терпела прикосновения Олега к пораненной руке и даже не думала о них. Переживания о разбитой посудине настолько поглотили меня, что я даже не вспомнила про свою фобию. Вот как это можно было

объяснить? Может, привыкла к парню или более сильное чувство способно вытеснить эффект событий из прошлого? Не было ничего на свете больше моего желания стать нормальной. Ну, может только открыть свое кафе. Хотя, нет стать, как все хотелось больше.

Я еще немного поругала себя за нервозность и несдержанность, но подсчитав, сколько сделала за последние дни смелых и даже отчаянных для меня поступков, решила пойти ужинать. Новая я больше не хотела сидеть одна, зажавшись в темном углу. Если поведение это навык, то я им овладею. Что бы там не замышлял Пантелеев-старший, а к девяти я спустилась на ужин. Обрадовалась, что Олег дома, но не на кухне. Видно до него, наконец, дошло, что нам лучше не пересекаться.

Дверь распахнулась, и в холле появилась фигура охранника.

— Доставка для Евгении Дмитриевны, — объявил он, внося огромную корзину белых роз, — Примите?

— Кто это прислал? От кого?

Я не ждала ничего подобного.

— Да это — курьером. Тут вам еще открытка во вложении, там могут быть пояснения. Мы не читаем. Только на наличие угроз для жизни проверяем, а тут все чисто.

— Ну, ладно, отнесите, пожалуйста, ко мне.

Розы были мало того, что великолепны, — это первые полученные цветы в моей жизни.

Я кружила вокруг них, рассматривала, вдыхала нежный запах, прикасалась к лепесткам. В плетеной корзине обнаружила записку: «Подарок для прилежной студентки. Ты же хорошо себя вела, ласточка?».

Глава 6 «Презентация»

I

Утром следующего дня к дому подъехал Игорь. Мы заранее договорились, что на учебу поедем вместе. Мне даже в голову не пришло предупредить об этом Олега. Завтрак прошел в обоюдном молчании.

Я побежала встречать Игоря и, разлетевшись, чуть не врезалась в него, так как все никак не могла привыкнуть, что входная дверь никогда в этом доме не запиралась. Он, шагнувший за порог, легко поймал меня и, засмеявшись, чуть прижал к себе.

Нахмурившийся Олег наблюдал за нами. Он вышел из кухни и стоял, привалившись к противоположной стене и держа скрещенные руки на груди.

— Вот, значит, какой у тебя общественный транспорт, — зло прошептал, когда я возвращалась за рюкзаком. Но я все равно услышала.

Парень оттолкнулся от стены и пошел на Игоря. Он был выше Алтабаева на голову, но в плечах ребята были приблизительно равными. Приблизившись, Олег вполне мог обойти Игоря, но вместо этого сильно врезался в него плечом. Пробормотав: «Не заметил» вместе извинения, выскочил к своей тачке и газанул так, что шины издали пронзительный свист.

Игорь только руками развел:

— Олег всегда был неандертальцем. Он к тебе цепляется?

— Ну, что ты, мы почти не общаемся, — соврала я, удобно устраиваясь на сидении рядом с ним.

Игорь всю дорогу до университета смешил меня историями из детства с братьями. А я смотрела на него и ловила себя на том, что Игорь очень симпатичен мне. Его манера разговора, вежливость, его внимательность подкупала.

И вчерашние цветы вполне могли быть от него... Или Олега — вот вообще не хотелось

бы. «Или... — напомнила себе, — или любого, кто был на субботнем вечере». Но, чтобы узнать это нужно было собрать больше информации о приглашенных на тот злополучный ужин.

Это было непростой задачей. Несмотря на постоянное «присутствие» в моей жизни, что я собственно знала о наблюдателе? Только фильмы, которые смотрел, еще некоторые прочитанные книги... Иногда он рассказывал кое-что об архитектуре незнакомых далеких городов (я даже не знаю, правда ли он их все видел воочию), делился какими-то забавными наблюдениями. А еще присылал мне много фото красиво и необычно оформленных блюд, по которым я мечтала создавать свои будущие кулинарные шедевры.

Вот если бы мне удалось разговорить Игоря, то я была уверена, что смогла бы разгадать своего сталкера. И на одну тайну стало бы меньше.

Может и получится.

В этот раз на большой перемене мы все же отправились в кафе. Там действительно было весьма атмосферно. Очень светлое помещение со сложным дизайном потолка и стенами в космическом стиле и десертами в виде планет. Мы сели на лучший угловой столик с видом на проспект и между нами завязался разговор.

— Скажи, Игорь, а твоя семья давно общается с Пантелеевыми?

— Довольно давно, Жень... Его отец вроде ладит с моим, хотя мне кажется, что Пантелеев только себе лучший друг и товарищ. Мы с братьями особо не вникаем, разве что Руслан, может, в курсе чего там за дела. Он же по отцовским стопам пошел в полицию.

— А вы с Олегом, вроде как не друзья?

— Пантелеев — темная лошадка... И сынок его такой же мутный.

— Тебе не очень-то они нравятся?

— Само собой! Знаешь, довольно странная история — то, как он разбогател и в Москву перебрался. Этот Сергей Михайлович у себя в области никем был. Так, мелкий чиновничка... посредственность. А потом лет десять назад, как из рога изобилия посыпались на него проекты. И один масштабнее другого. И все их без единого промаха проводил. Даже с экономией бюджетных средств. Всероссийские мероприятия из нищего областного бюджета на таком уровне оформлял, будто душу дьяволу продал.

Вскинула на него глаза. Знала я и дьявола этого, которому Пантелеев продался. Я с содроганием вспомнила поистине демоническую фигуру Марковича.

— А там уж и в Москве его заметили. Пригласили его и сразу на тепленькое местечко. Так из Тамбовской области и приехал в столицу с женой и сыном.

— Тамбовской? — вздрогнула я.

— Ой, ну, да, — он хлопнул себя по лбу, — Это ж твоя мама. Извини.

— Ничего. А, правда, что Марковичи, они тоже были на ужине, бизнесом занимаются?

— Ох, Женя, да какой там бизнес?! Сплошной криминал. Через богатство и знакомства папаша Маркович, как спрут, по всей России щупальца свои кровавые тянет. А отец и рад угождать малейшим его прихотям, да и не только он. Заметила, как Пантелеев пред ним трепещет? Отказываться от предложений Марковича — нельзя. А в его день рождения не явиться с должным почтением — это подписать себе смертный приговор.

— А Марковичи откуда?

— Они с сыном то ли из Сербии, то ли из Хорватии. Мать Стефана из Белграда и невеста Мартина там же ждет. Он уже несколько лет ею бредит. Постоянно летает, но никому из нас не показывал. Хотя, может, он эту Мартину бережет.

— От отца бережет и поэтому скрывает невесту?

— Женя! Стефан скорее отца от неё прячет. Я бы такого папашу тоже не сразу бы стал людям показывать. У них такие развлечения приняты... В общем, девушек, готовых тешить и поддерживать беспредел, что творится у них в доме за закрытыми дверями, даже за финансовые перспективы не находится. Андрей Маркович — тиран и живодер. Держись от этой семейки подальше.

— А как же Олеся? — ужаснулась я.

— А что Олеся? Она — девушка, а по их счету это и не человек вовсе. Должна не отвечать и не нарываться.

Я так ярко представила себе бесправную жизнь этой девушки, что теперь мне стало ясно ее поведение. Трудно остаться нормальным в нечеловеческих условиях. Наверняка она любыми путями старалась вырваться из-под «опеки» таких родственников. В какой-то мере мы обе с ней были заложницами ситуации.

— А как же другие люди с ними взаимодействуют?

— Что ты имеешь в виду? — Игорь непонимающе уставился на меня.

— Ну, кто вообще захочет с ними иметь какие-то дела? Я вот как вспомню их — сразу мурашки.

— Да, Стефан строгий, а отец своенравный. Но ты себе не представляешь, сколько людей хочет попасть на службу в империю Марковичей. Все хотят поближе к кормушке. Чтобы хвастаться партнерством с такими влиятельными людьми. Преданность проявляют собачью, но и сами, пользуясь покровительством Марковичей, позволяют себе многое.

— Откуда ты столько знаешь?

— Ну, я всегда был внимательным, — при этих словах Игорь поднялся из-за стола и подал мне пальто.

И дни потянулись за днями. Учеба была вполне терпима, а местами даже захватывала. Занятия — уроки — переписка с Игорем — чтение огромного количества рекомендованных статей. За это время удалось только узнать, что Алтабаевы — коренные москвичи, а сам Игорь одно время учился в Англии. Это мне ничего не давало, но вот факт того, что Пантелеевы — из моей же области очень настораживал, хотя и ничего не доказывал.

О том, чтобы еще раз куда-нибудь залезть в доме Сергея Михайловича, я запретила себе даже думать. И так не понятно во что выльется эта история с вазой.

Зато в институте я познакомилась с очень хорошей девушкой Светланой. Она отсутствовала по болезни в мой первый день и не была свидетелем моего позора. Кареглазая, полноватая хохотушка, Света не была популярна в группе. Зато мы втроем с Игорем прекрасно ладили и проводили вместе почти все перемены. Светлана очень захотела присоединиться к нам в работе интернет-издания. Она даже придумала название: «На пульсе». Мне очень понравилось, и Игорь утвердил его. У нас уже был готов график мероприятий, которые мы с Алтабаевым должны были посетить, а вот копирайтера не было. Игорь немного поломался, но все же решил дать Светлане шанс.

Парень по-прежнему каждый день отвозил и привозил меня. Олег все это время ночевал дома, но мы старались не пересекаться. В институте он появлялся редко, а когда мы случайно встречались в коридорах, то топил меня в холоде своих серых глаз, но ничего не говорил. Некоторые ребята из его компании иногда провожали меня странно долгими взглядами, но ничего обидного себе не позволяли.

На субботний вечер в выставочном центре была запланирована большая презентация по

слиянию IT сферы и безопасников: «Современные технологии на страже жизни». Билеты на это мероприятие достал для нас отец Игоря. Но, когда я узнала, что основным спонсором этого мероприятия были Марковичи, то мой энтузиазм сильно приуменьшился. Но я вовремя вспомнила, чем обязана Игорю, да и просто по-человечески не бросать же было его одного на презентации.

Всю неделю Игорь умудрялся одновременно быть заботливым, чутким и ненавязчивым. Иногда мы смеялись, и случался такой момент, когда вдруг резко замирали, глядя друг в другу в глаза будто молча переговариваясь, а потом давились от нового приступа смеха. В таких случаях Света обычно обиженно надувала губы, но быстро отходила.

Тем не менее, парень, похоже, заметил, что мне неприятны любые прикосновения. Я даже Свету никогда не трогала, хотя у девочек из группы было принято обниматься при встрече. Мы никогда не говорили с Игорем об этом, но он больше не пытался прикасаться ко мне. Если только уж совсем случайно. Вот именно поэтому я и не могла подвести своего друга, хотя один образ Марковичей вызывал в душе моей чувства близкие к панике.

На этот вечер я решила надеть деловой костюм, купленный мной так удачно на распродаже. Со скидкой восемьдесят процентов! Но к сожалению на размер меньше, чем я обычно привыкла носить. Поэтому под пиджак я выбрала блузку без рукавов из тончайшего шелка цвета чайной розы с лентой воротника, которая подхватывалась сзади на шее в бант.

Но пока я подбирала блузку и крутилась перед зеркалом, то опять ощутила какое-то жжение на затылке и между лопатками. Я резко обернулась, прижимая к груди первую попавшуюся кофту, но обнаружила, что была одна в комнате. Я прошла по спальне, задумчиво разглядывая потолок. Очень может быть, что в доме установлены камеры. «Вот, извращенцы!» — разозлилась и показала средний палец невидимому врагу. Напряженно вглядывалась, но ничего не нашла. Неужели показалось?

Если кто-то и следил за мной, то уж точно не Олег. Он сегодня весь вечер ссорился с кем-то по телефону и, пнув на прощанье тумбочку в холле, выбежал из дома. Я слышала его отъезжающий автомобиль. Наверное, просто нервы расшалились. Уж слишком чужим был этот дом для меня.

Я вернулась к своему наряду. С лодочками образ получился строгим и даже немного стервозным. Но если застегнуть пиджак на все пуговицы и спрятать полупрозрачную блузку, то ощущала себя вполне комфортно.

«Это моя работа», — повторяла я про себя, ожидая на крыльце Алтабаева.

В огромнейшем зале центрального павильона играла негромкая музыка. Прожекторы ярко освещали стенды, мимо которых прогуливалась избранная публика. Рядом с каждым стояла девушка модельной внешности, чтобы показать, как работает и для чего служит то или иное устройство. Мы с Игорем уже успели побывать за эту неделю на одной фотовыставке, но там народ попроще, конечно, собирался.

В фойе Игорь подхватил мое пальто. Когда я посмотрела на себя в зеркало, то заметила, как Алтабаев, стоявший за моей спиной, провел носом от моей макушки к плечу. Чуть подрагивали его прикрытые веки на сосредоточенном лице. В отражении я удивленно встретилась с ним глазами: «Он что, на самом деле, меня понюхал?». Парень увидел мое замешательство, но не растерялся, а приблизив губы к самому уху, восхищенно прошептал: «Ты здесь самая красивая».

Мужчины в форме различных ведомств, иностранные делегации, официанты, рассекающие с подносами бокалов холодного просеко, молоденькие девушки под руку с

седовласыми господами с военной выправкой. Я потянулась к фужеру, а Игорь тем временем достал фотоаппарат и с удовольствием щелкал все подряд, на что только падал его взгляд.

— Через полчаса будет речь Марковичей. От них сегодня — Олеся. Мне сказали, что она будет открывать вечер.

А я почувствовала, как размеренно застучало мое сердце, и разогнулись плечи, словно освободились от невидимого груза.

— Потом еще несколько шишек из министерства, и в конце разработчики. Удивительные ребята! Перехвачу их пред речью — будет эксклюзив! — он довольно помахал у меня перед носом пропуском за кулисы.

— Привет, дровича! — Игорь сразу обернулся на голос, а мимо спешащий официант ненамеренно оттеснил меня на шаг в сторону. Так, что я не сразу увидела старших братьев Алтабаевых: Руслана и Александра.

В отлично скроенных классических костюмах, белых рубашках, выгодно оттенявших смуглую кожу, они всем своим видом транслировали энергию успеха.

— А ты думал, батя, только тебе приглашение выписал? — заржали они над его искренним недоумением.

— Что вы тут забыли, животные?

— Пришли налаживать связи с общественностью, — братья белозубо скалились и бросали выразительные взгляды девушкам промо-моделям.

— Знаю я ваши «связи», — Игорь закатил глаза, — На большее ума не хватает?

— Ого! Ты с девушкой? — Алтабаевы заметили меня, — Женя, что ты делаешь рядом с этим онанюшкой? Давай покажем тут одно классное место, не так тухло будет.

— Ребят, мы здесь не развлекаемся, — сказала я в надежде, что они отстанут.

Хоть братья шутили, мне было не по себе.

— Да, мы тут по работе, — поддержал меня Игорь, — Кто-то серьезный должен быть в семье.

— Ну да... в семье не без урода...

— А в нашей семье их целых два, — отрезал Игорь и все трое покатались со смеху.

— Тогда мы пойдем нести это тяжкое бремя вон к тем двум блондинкам, — уступил Руслан.

— Ага, законнектимся, — согласился Александр и, уходя, послал мне воздушный поцелуй.

— Позеры... — фыркнул Игорь.

Пока парень переключился на новых вошедших гостей, я отошла в туалет. Толкнула дверь, но она поддалась не сразу, будто кто-то удерживал ее изнутри. Опираясь руками о раковину перед зеркалом, стараясь удержать себя от раскачиваний, стояла пьяная Олеся. Когда я вошла, девушка подняла голову. На лице застыла маска скорби, уголки поджатых губ оттягивались вниз. Она с трудом раскрыла стеклянные глаза и, казалось, не узнавала меня. Тушь черными грязными пятнами расплылась по щекам, помада съехала на подбородок.

Я ужаснулась от ее состояния, ведь ей уже совсем скоро нужно было выступать с речью.

— Олеся! Ты как себя чувствуешь?

Она обхватила себя руками и привалилась к стене. Никак не могла сфокусировать взгляд. Губы ее беззвучно шевелились. Я приблизилась и расслышала сбивчивый шепот: «... бессмысленно... это все бессмысленно...»

— Господи, Олеся, ты здесь одна?

— Одна? — девушка осоловело осмотрелась и рассвирепела, — Конечно, блядь, одна! Я всегда одна.

— Что случилось? — я была почти на грани, прекрасно понимая, какой провал ждет ее впереди.

— Ты приехала хвостом вертеть — вот что случилось, — Олеся почти плевалась от ярости, — Олег сказал, что все кончено. И ты сука... это ты тварина...

Дальше она не могла сформулировать и опять уронила голову. Я представила масштаб предстоящей катастрофы, если бы кто-нибудь из прессы обнаружил Олеся. Очень повезло, если сюда ей удалось добраться незамеченной. Быстро выбежав из туалета, желая во что бы то ни стало не допустить такого скандала, я бросилась искать Игоря.

В зале парня не было. Я попыталась пройти за кулисы, но охрана не пропустила. На телефон тоже не ответил. Пришлось вернуться обратно к девушке, потому что боялась, что одна она может что-то еще натворить.

— Олеся, как ты приехала? — я начала тормошить тело, съехавшее на пол.

— Сама, — она потянулась к сумочке. С трудом найденный ключ с логотипом бмв выпал и звякнул о кафель, — Упс...

— Вот, блин — мне хотелось ругаться, — Диктуй адрес!

Я решила действовать: открыла приложение и вызвала такси к черному входу.

Глава 7. "Сочтемся"

I

Еле дотащила Олеся до стоянки. Повезло, что, когда мы выходили из туалета, в зале уже был приглушен свет для выступлений на сцене. А иначе хороши бы мы были обе! Невменяемая Олеся у меня на плечах и я, согнувшаяся под тяжестью ноши и с заплетающимися ногами.

В машине Олеся, то теряла сознание, то резко садилась и глотала воздух жадным ртом, как рыба, выброшенная на берег. «Вот что я творю!?» — запульсировало у меня в голове после того, как девушку стошнило на мой пиджак. Не смотря на то, что Олеся была ко мне очень жестока, я чувствовала, что совесть никогда не позволила бы мне бросить человека на растерзание толпе.

Пиджак я сняла и он потерялся. Наверное, на одной из остановок, когда вытаскивала Олеся на улицу умыться водой из бутылки. Но я уже и не вспоминала о нем. Так хотелось быстрее сдать девушку с рук на руки и освободиться.

Водитель привез нас в район с высотками и, взяв просто запредельную сумму за дорогу, помог добраться до лифта.

Девушку штормило. На последнем этаже перед дверью, на которую рукой махнула Олеся, я застыла с безумно колотящемся сердцем. Сама не знала, почему так реагировала. Оставалось надеяться, что сам Маркович не был дома.

Дверь открыл Стефан. В темном костюме и черной рубашке. Он недолго простоял без движения, молча перебегая глазами от меня к сестре. Подхватив девушку на руки, плечом распахнул и шагнул в квартиру, бросив мне:

— Входи.

Меня как водой окатило, и вернулась способность говорить.

— Да, наверное, не стоит. Я только хотела убедиться, что Олеся попадет домой. Мы оказались вместе на... на презентации, в общем. Она так и приехала туда. Сказала, что сама, — быстро и сбивчиво затараторила, не в силах теперь сдержаться.

Ну, вот, то слов не могу найти, когда надо говорить, а теперь никак не остановиться. Меня нервировало, что Стефан ничего не спрашивал, но и не останавливал.

Я сама не заметила, как переступила порог и преследовала его широкую спину по дому. Он нес Олесю так, как будто девушка весила легче перышка. Стефан не оборачивался, но мне хотелось верить, что слушает. Я все говорила и говорила. Распахнул дверь ванной комнаты ногой, осторожно опустил одетую сестру в ванну и включил воду. Я шагнула за ними.

— Она не успела выступить. Я перехватила, потом искала Игоря... ну, ты знаешь Алтабаева... не нашла и такси еще приехало... вот...

И тут Стефан развернулся. Мы почти столкнулись, и я резко отшатнулась, чтобы не впечататься в его грудь. Он впервые за вечер внимательно поглядел на меня. Воздух будто наэлектризовался. Тело покрылось гусиной кожей и стало очень холодно. Вспомнив, что нахожусь в одной полупрозрачной блузе, обхватила себя руками. Я не могла понять, что творится в его голове. Это была невыносимо длинная минута. Захотелось сделать что-то безумное, чтобы оборвать напряжение.

Наконец мужчина отстранил меня рукой и, на ходу набирая номер на экране телефона, вышел в коридор и уже оттуда вызывал врача на дом. Я осталась в ванной и устало опустилась на деревянную скамеечку. Мне была необходима пауза, просто посидеть и перевести дыхание. Набрала смс Игорю и извинилась за неожиданное исчезновение, попросив перед уходом забрать мое пальто.

Вернувшись, Стефан присел рядом со мной, но на пол, как был в брюках, и облокотился спиной о стену. Он прикурил сигарету и молча не мигая наблюдал за сестрой, лежащей в воде без единого движения.

— Мне кажется или ты не удивлен? Такое уже было?

Он повернул ко мне голову, но не ответил. Наши глаза оказались на одном уровне. Мужчина смотрел на мои губы, и я почувствовала, как в моих венах разливается и набирает силу томительное волнение. Стефан склонился ко мне еще ближе, и, показалось, сейчас поцелует, но вместо этого спросил:

— Ты думаешь, теперь Олеся будет благодарна и захочет дружить?

Я разочарованно выдохнула и заморгала. Он, кажется, уловил это и усмехнулся:

— Таким как ты, тут не место.

— Я ни на что не рассчитывала. Я не для того... И что значит «таким как я»?

— Розовая, послушная девочка. Здесь таких не видели. Ты себе не представляешь, с каким удовольствием многие захотят тебя испачкать жадными лапами, трахнуть, сломать. Они в голодную очередь выстроятся, чтобы увидеть тебя на коленях — розовую и послушную.

Мне показалось, что из меня вышел весь воздух. Я почувствовала себя голой в блузе с просвечивающим бельем. Когда Стефан говорил, даже не дышала. Ритм сердца оглушал. И в это мгновение он потянулся ко мне рукой. Я в ужасе отпрянула, а потом заметила, что Стефан не собирался трогать меня. Он протягивал мне футболку.

— Сейчас врач приедет, — пояснил мужчина.

Олеся, попавшая в теплое помещение, сначала отключилась, но постепенно начала приходить в себя. Я натягивала футболку и смущенно поглядывала из-за плеча на то, как Стефан суетился вокруг сестры. В голове набатом били его грубые слова, то, как будто отчитал меня, а я не понимала в чем моя вина. Только испугалась еще сильнее.

Олеся с закрытыми глазами замычала что-то неразборчивое. Голова ее металась. Стефан удерживал, ласково гладил по волосам и приговаривал:

— Ну, что ты, Принцесса, что ты... Сейчас доктор приедет... Все будет хорошо.

Мне вдруг стало неприятно и обидно. Мышцы заныли, как будто вспомнили, что полдороги тащили на себе бесчувственное тело. В такси на повороте Олесю отбросило, и девушка коленом попала мне в бок. Ребра ссадили. Наверняка, будет синяк. До этого момента не чувствовала боли, а теперь начали накатывать ее волны. Какого черта я еще здесь?

— Стефан, я думаю, мне пора.

— Ты сама как? Подожди, врач тебя тоже осмотрит.

— Нет, со мной все в порядке, — я постаралась говорить убедительно, — Просто очень устала и не хочу, чтобы еще и Алексей Николаевич вернулся и застал меня здесь.

— Он не придет. Это моя квартира. И в любом случае домой я сам тебя отвезу.

«У мужчин что, какой-то пунктик с этими отвозилками?» — подумала про себя, но возражать не стала. Пусть позаботится, если хочет. На самом деле это было даже хорошо, потому что денег я, конечно, потратила за эту неделю — немерено и за оплату такси отдала последние.

Доктор действительно очень скоро появился, на ходу доставая из чемоданчика какую-то капельницу. Осмотрел девушку, обменявшись со Стефаном парой слов.

— Едем, мы здесь больше не нужны, — предложил мне, наконец, мужчина.

По его расслабленному лицу я поняла, что опасность миновала и Олесе больше ничего не угрожало.

Дорога прошла в полной тишине. На прощанье, когда я собиралась покинуть салон, он дотронулся до моей руки обжигающе горячим прикосновением:

— Сочтемся!

И прежде чем я успела отдернуть руку, отпустил сам.

Несмотря на мои опасения, Игорь совсем не обиделся. На следующий день он привез мне пальто и вполне удовлетворенно кивнул на мой рассказ о том, что на презентации я внезапно плохо себя почувствовала.

В университете мы все время ходили втроем со Светой. Было заметно, что ей нравился Игорь, а сам парень симпатию девушки словно не видел. Светланка изображала невозмутимость. Только изредка вздыхала и иногда пыталась поймать его взгляд, но в целом держалась профессионально.

Несколько раз после занятий мы сидели в столовой и обсуждали наш интернет-проект. Последняя статья о презентации вышла особенно удачной. Статистика посещений сайта росла. Наше издание стали чаще цитировать и рекомендовать друзьям. Чтобы это отпраздновать, Игорь сводил нас в аквапарк. Это было так здорово, что я не помнила, когда еще в жизни столько веселилась!

Расслабляться, однако, было рано. Алтабаев постоянно искал новые сюжеты. Конечно, мы продолжали работу и освещали яркие, но мелкие происшествия. А парню хотелось заняться настоящим серьезным расследованием. Он ждал случая.

В конце недели на большой перемене, когда Игорь отъехал по делам, мы со Светой по привычке направлялись в столовую. В самом центре, сдвинув столы, сидела шумная компания друзей Олега. Присутствовал и тот блондин, который в прошлый раз обзывался из-за пакета и пытался перегородить мне дорогу. И среди них в первый раз за неделю я увидела

Олесю. Она выглядела красивой, но какой-то измотанной.

Девушка тоже заметила мое появление. Я помахала ей рукой. Олеся не ответила, а только гордо задрала вверх подбородок.

Света ничего не заметила. Но она и не смотрела в их сторону. Кроме меня и Марковичей никто не знал о том, как на самом деле закончился вечер с презентацией. Света продолжала болтать как ни в чем ни бывало.

Когда мы отходили от раздачи, Олеся внезапно подскочила ко мне сбоку и со всей силы ударила снизу по подносу. Я замерла от неожиданности.

Пространство вокруг меня превратилось в вереницу стремительно меняющихся кадров. Поднос, сделав несколько переворотов в воздухе, шмякнулся об пол. Еда, тарелки разлетелись брызгами и осколками по столовому залу. Помещение мгновенно наполнилось невообразимым шумом. Бряцала посуда, громыхали отодвигаемые стулья. Кто-то в ужасе отшатнулся. Света в полный голос вскрикнула. Пара человек поспешила к выходу. Некоторые ребята наоборот старались подобраться поближе, на ходу доставая свои телефоны. Все понимали, что сейчас что-то произойдет.

— Приятного аппетита! — прошипела Олеся.

Ее глаза загорелись колючим холодом. Мне стало очень-очень страшно. Девушка медленно обходила меня, пытаясь зайти за спину. А я начала вертеться, чтобы не выпустить ее из виду. Но это сделать было очень тяжело из-за ребят, которые плотным кольцом обступили меня.

— На что ты рассчитывала, сука?

Она сделала неожиданную подсечку и, когда я падала, то увидела, как трое парней из этой компании удерживали плачущую Свету.

В последний момент Олеска дернула меня за хвост. Как ни старалась удержаться, я растянулась на полу, больно ударившись боком и локтем. Она наступила мне на спину, все еще не отпуская мои волосы. Я только брыкалась и хрипела в безуспешной попытке встать на ноги.

— А знаете, как ее Олег называет? — злобно ухмыляясь, обратилась она к окружившей ее своре, — «Чудило» — вот как!

«Ну, она и, правда, Чудило» — послышался чей-то девчоночий возглас из толпы.

— Олег тебя забраковал, и ты решила подкатить к Стефану?

Она со всей дури фиганула ногой по моей спине, втапывая в пол. Боль была резкой, как удар тока.

— А теперь жри с пола, попрошайка, и возможно, мой брат тебе присунет!

Девушка отпустила меня и отошла на шаг, чтобы полностью насладиться моим унижением. Она торжествовала.

— Олеся, шухер! — закричал кто-то из толпы.

Но было уже поздно. Сквозь ораву уже продирался преподаватель иностранного языка.

— Что здесь происходит? Чего ты тут лежишь? — строго пробасил он.

— Это Олеся Маркович ее так, — подбежала к нему освободившаяся Светка.

— Мы сами разберемся. Ребята, расходитесь по аудиториям! — он нахмурился и протянул мне руку, чтобы помочь подняться, — А вы обе — к Елене Леоновне. Сейчас же.

Преподаватель вел нас до дверей деканата. Я была в пятнах от картофельного пюре. Листья салата застряли между ремнем и поясом джинсов. Пыталась отряхиваться на ходу и одновременно не сбавлять шаг.

— Спокойно две минуты постоять сможете? — спросил нас преподаватель перед тем, как скрыться за дверью.

Мы остались в коридоре вдвоем. Я пыталась хоть как-то почистить одежду. Девушка, закусив губу, наблюдала за мной. Наконец, я не выдержала:

— Олеся, зачем?

Она закатила глаза.

— Потому что могу.

И, не дожидаясь, пока нас вызовут, прошла сама к декану.

Через две минуты она вышла, все так же гордо вздернув подбородок, не глядя в мою сторону. Следом высунулся преподаватель и велел мне зайти.

Елена Леоновна, сидела в кресле, закинув нога на ногу и устало смотрела на меня. Она потерла ладонью лоб и, поджав губы, произнесла:

— Стрижева — Стрижева, не думала, что от тебя будет столько проблем...

— Я, честно, даже не понимаю, в чем вы меня обвиняете?

— Ну, смотри, Женя... Сколько ты здесь? Трех недель нет даже, а уже участвуешь в беспорядках, — она начала загибать пальцы, — Разбитая посуда — раз, сломанный стул — два, труд уборщицы — три... А это я еще не начинала, что вы — будущие журналисты. Элита. Лицо нации.

— Елена Леоновна, — я чуть не плакала, — Почему вы не хотите даже разобраться в ситуации?

— А с чего ты решила, что я не разобралась?

Она выдержала театральную паузу, прежде чем продолжить:

— Ты думаешь тебе виднее, кто и как должен себя вести? Ты будешь рассказывать мне, в чем мне нужно разбираться? Ты и Олесю так довела? Я не знаю, как у вас в детдоме было заведено, но в цивилизованном обществе, — и она еще раз повторила, — Цивилизованном... принято отвечать свои поступки, а не критиковать чужие.

Елена Леонидовна осмотрела меня с ног до головы и поморщилась.

— При оформлении документов за тебя лично просил Сергей Михайлович. И вот какой монетой ты ему платишь! Из уважения к нему, я тебе скажу: Олеся — очень приличная девочка с безупречным поведением! Ее семью в этом университете знают все. Она никогда не была замечена в подобных историях. Но я — человек справедливый, и с ней тоже поговорила, — она вымученно вздохнула, — А что касается тебя — то об этом инциденте я буду вынуждена сообщить Пантелееву. Ну, и оплатить ущерб, само собой. Беру тебя на карандаш и, если еще раз ты выкинешь что-то подобное, то нам придется попроситься. Свободна.

Я вышла ни жива ни мертва.

Из университета меня забирал Олег. Я даже не сопротивлялась. Не знаю, откуда ему стало известно об инциденте в столовой, но по его лицу я поняла, что он уже был в курсе.

— Крепко досталось? — спросил он меня.

— Бывало и сильнее, — меня все еще потряхивало, но я попыталась добавить в голос равнодушия.

На улице медленно кружили первые снежные хлопья, а внутри меня все чувства покрывались толстой коркой льда. Мне казалось, что после сегодняшнего происшествия я могу выдержать что угодно. Но когда в глазах парня я увидела жалость, то отвернулась к окну и молчала всю оставшуюся дорогу.

Хотелось забраться в кровать, укрыться одеялом и больше никогда не покидать ее. И провести так годы, а лучше десятилетия.

Когда я вошла в дом, то сразу почувствовала странное оживление. Не увидела, а именно ощутила. Я повернулась к Олегу, но он сам предупредил мой вопрос:

— Папаша вернулся, — пояснил парень.

Я кивнула и, не говоря ни слова, поплелась сразу на кухню. Наверняка, ему тоже уже было обо всем известно. Я готовила для него столько слов. А теперь, что ему скажу, когда мысли просто покинули мою голову? Я чувствовала себя такой слабой и уязвимой, что вряд ли можно было придумать большую выволочку, чем то, как я сама себя сейчас казнила. Я была готова принять любое наказание.

Сергей Михайлович действительно был на кухне. Он возвышался за барной стойкой и невозмутимо пил кофе. Только чуть подергивающаяся бровь выдавала его напряжение. Мужчина сидел, так крепко задумавшись, что не сразу обратил на меня внимание. Только, когда я присела на стул напротив, поднял на меня глаза:

— Женя... Как дела в институте? — строго спросил он.

— Зачем все это, Сергей Михайлович, вы же и так все знаете? — ответила я очень тихо.

— Да, мне сообщили, — сразу согласился Пантелеев, — Ну, я в принципе и не ожидал, что нам будет легко и просто. Слишком уже пожил для того, чтобы витать в радужных фантазиях на этот счет.

Я решила не оправдываться, потому что и не надеялась, что он встанет на мою сторону. А значит, и говорить-то мне было нечего, да и незачем.

Сергей Михайлович продолжил:

— Ну, в институте я все уладил. Но вот Алексей Николаевич, отец Олеси, — это совсем другой вопрос. Когда дело касается члена семьи, реакция может быть непредсказуемой, — он так мрачно посмотрел мне в глаза, что захотелось съежиться от его серьезности, — И скажу честно: не знаю, чем все это кончится. Эта история может очень дорого всем нам обойтись. Но давай поговорим вот о чем...

И тут он стал спрашивать о том, чего я никак не ожидала услышать.

— Женя, я увидел, что ты потратила все деньги с карты. И хотел бы получить от тебя отчет, на что ушли деньги. Последнюю сумму в четыре тысячи рублей ты вообще перевела человеку по номеру телефона. Что ты оплачивала?

Но и тут ответить мне было нечего. Четыре тысячи запросил водитель за испорченный Олесей салон. Также на достаточно большую сумму я приобрела костюм, пиджак которого вообще уехал в такси. Но и само такое пристальное внимание к моим тратам, меня напугало. Я совершенно не ожидала такого поворота. Я была готова, что он будет орать, начнет угрожать, может быть, запрет дома или... отправит обратно?

— Сергей Михайлович, я не делала ничего противозаконного. Ни с Олесей, ни с вашей картой. Спасибо, конечно, вам за участие, но мне... мне... Мы же договаривались, что все возместится с наследства. Так к чему же такое недоверие?

Он рассерженно махнул рукой, как бы обрубая мои разъяснения:

— Здесь не стоит вопрос доверия, Женя. Я бы хотел понимать степень твоей ответственности. Я даже был готов удвоить твое содержание, но теперь не считаю это возможным.

— Делайте, как считаете нужным.

Раздосадованный Сергей Михайлович вышел из кухни и в проеме чуть не столкнулся с

Олегом. Тот заговорщицки подмигнул мне и принялся заглядывать в лотки с едой, выбирая себе обед.

Я делала вид, что увлечена рисунком мрамора на столешнице, а сама вся обратилась в слух. Меня очень интересовал вопрос того, куда направился Пантелеев-старший.

Всю последнюю неделю я вела себя дома очень осторожно и сдержанно. Я ни с кем не говорила о разбитой вазе, но не было ни одного дня, чтобы не думала о ней. Поэтому, когда через несколько томительных минут послышался крик Сергея Михайловича из кабинета, то с упавшим сердцем тоже поспешила туда. Тогда я еще надеялась, что Олег посмеялся надо мной, и на самом деле ваза не имела такую уж великую ценность.

Я замерла, не дойдя нескольких шагов. В дверях кабинета вся красная пятилась и одновременно оправдывалась домработница Наталья.

— Ну, как это ты не знаешь, мать твою! — гремел голос Сергея Михайловича, — Сейчас же зови сюда эту девку! Она же в жизни не расплатится! Я ей такое устрою...

— Кристина! Иди сюда, — побежала по коридору Наталья, зовя горничную.

Больше терпеть я не имела права. Я бы призналась раньше, если бы была смелой. А я не была. Но теперь просто не могла допустить, чтобы непричастную девушку обвинили в моем проступке.

— Тебе чего? — бросил разъяренный Пантелеев, стоило мне показаться на пороге.

— Хочу все объяснить, — я задыхалась так, как будто только что пробежала рекордную стометровку, — Сергей Михайлович, это не горничная...

— Ой, ты над вазой что ли тут рыдать собрался? — спросил голос Олега, неожиданно раздавшегося над моей головой.

Я обернулась. Он стоял за моей спиной и как обычно дерзко ухмылялся.

— Ну, я ее разбил. Случайно, конечно. Чего ты кричишь? — парень взял меня под локоть и завел себе за спину. Ее ширина закрывала мне весь обзор и спрятала от Сергея Михайловича.

— Ты... ты... — Пантелеев-старший не мог больше выговорить ни слова, — Убирайтесь отсюда! Оба! — свирепо заорал он, наконец.

Олег поспешил из кабинета, подталкивая меня в спину. Из-за прикрытой двери донесся приглушенный возглас Сергея Михайловича: «Да, что за блядский день сегодня!?».

В абсолютной тишине мы поднимались по лестнице. Я еще не верила, что все так закончилось. У меня в голове не укладывался поступок Олега. Перед тем, как разойтись по комнатам, я подошла к парню вплотную с молчаливым вопросом в глазах.

— Вообще не спрашивай, — пробормотал Олег и скрылся за своей дверью.

IV

На следующий день, лежа в кровати, в сотый раз прокручивала в голове утренний диалог с Сергеем Михайловичем. Ночь я, переполненная чувствами, промучилась без сна. Идеи, приходящие мне на ум становились все более замысловатыми и неправдоподобными. К утру я уже так накрутила себя и невыносимо запуталась, что чуть свет спустилась в холл ожидать, когда спустится Сергей Михайлович.

К моей досаде в этот раз Пантелеев был абсолютно не настроен разговаривать. Он даже вздрогнул на мое робкое приветствие, будто забыл, что поселил меня в этом доме.

— Сергей Михайлович, я вчера совсем растерялась, но я чувствую, что готова поговорить.

— Давно здесь сидишь?

— Что? — я опять растерялась. Вот как он научился такому трюку? — Да,... то есть, нет...

Я набрала побольше воздуха в легкие:

— Сергей Михайлович, я действительно поняла, что все люди разные, — он в притворном удивлении поднял бровь, — Я не знаю и не умею жить, как принято в вашем кругу. Мне очень сложно. Я не создана для всего этого. Мне бы чего-то попроще. Я сильно погорячилась. Я думаю, что бабушкина квартира, мой техникум — вот это и был мой уровень. И вам со мной трудно и я чувствую, что тянусь к недостижимому. Так может мне это и не надо?

— Что ты предлагаешь, Женя?

Я смотрела на его непроницаемое лицо и не могла понять, какое впечатление на самом деле произвела на него моя ночная заготовка.

— Я очень вам благодарна за возможность попробовать и за дом, и за университет. Но...

— Но? — Пантелеев как будто подгонял меня.

— Но я хочу переехать.

— Нет.

— Нет? Почему? — я потерялась, — Я могу дать вам любые гарантии. Любые.

Он отрицательно покачал головой.

— Как же так?

— Потому что нет у тебя никакого выбора. Уясни это себе и не усложняй. Ты слишком много думаешь. Иди отдыхай и сегодня можешь в университет не ездить.

Но ни в этот, ни на другой день на учебу я не пошла, сказавшись больной. Это было просто невыносимо для меня. Я все время прокручивала свой неудавшийся разговор с Пантелеевым, подыскивая всё новые слова и доводы. Просто не могла ни о чем другом думать.

Следующим утром не было сил просыпаться и вставать с постели. Мне не хотелось есть, мыться или как-то заботиться о себе. Стоило сделать шаг от кровати, как меня охватывала неконтролируемая тревога. Поэтому я просто лежала и в полудреме рассматривала стену.

За это время мне много раз звонил Игорь. Он и Света прислали мне с десятком сообщений. Я просматривала их, но оставляла без ответа. На второй день они отстали от меня.

Один раз ко мне пытался зайти Олег, но я его непустила.

К вечеру воскресенья я получила еще одно сообщение. Сначала равнодушно пролистала невидящими глазами и отбросила от себя телефон. Через несколько минут сбившиеся мысли за что-то зацепились. Я снова потянулась за телефоном. Нужно было приложить усилие для, чтобы совершить каждое движение. Тело, тяжелое от долгого пребывания в сонливом оцепенении, слушалось с трудом, будто не мое.

Я перечитала сообщение еще несколько раз. В горле застрял ком слез моей обиды. Мой неизвестный друг писал мне: «Я узнал, что произошло. Я все исправил. Тебе никто и ничто не напомнит о произошедшем. Больше ничего не угрожает, возвращайся».

Я, понятное дело, молчала.

«Жалеешь, что приехала?»

Как же он все-таки узнавал!?

«Прости меня, ласточка»

Я почувствовала, как покраснела. Одновременно с этим поднялась волна возмущения на себя за то, что эта забота так остро отозвалась во мне. Сообщения, в которых мне почудилась мимолетная ласка и что-то еще между строк, взволновали меня. Слезы брызнули из глаз, и сразу же стало легче дышать. Я, наконец, нашла, что ответить.

«Спасибо» — полетело моему невидимому другу.

Все, что разрывало мне душу, стало утихать. Я постепенно оживала и даже нашла в себе силы, сверяясь с расписанием, собрать рюкзак.

В понедельник в университет я приехала с Олегом. Он по прежнему был полон злой веселости и сообщил сквозь зубы, что Пантелеев опять отбыл в очередную командировку. Но самой большой неожиданностью стало известие о том, что Сергей Михайлович вдруг утроил мое недельное содержание. Пятнадцать тысяч в неделю! Немыслимая сумма. Не хотелось думать, что он подкупал меня, но другого объяснения я не видела. Поэтому в ответ только грустно улыбнулась, от чего Олег, кажется, совершенно взбесился, но каким-то чудом удерживался от колкостей. И все же таким он был мне ближе, чем когда выгораживал с вазой. Потому что — понятнее.

Света и Игорь были очень рады моему выздоровлению. Игорь замер, в первую минуту увидев меня перед аудиторией, словно не веря своим глазам. Он очень по-деловому осматривал меня и даже как-то напряженно. И потом весь день не отходил ни на минуту.

А когда мы со Светой оказались наедине, то девушка поведала мне, что он просто места себе не находил, был мрачный, как туча. Правда, оказалось, что за мое отсутствие много чего еще случилось.

Отец Алтабаева получил серьезный выговор на работе. С военных складов дальних регионов было списано оружие, которое начало «всплывать» в Москве. И вроде бы поступали сигналы и даже какие-то донесения, которые отец Игоря успешно игнорировал и от которых отмахивался. Но внезапно при плановой проверке документов патруль остановил обычную с виду газель, полную живого товара. Прямо на улицах города началась беспорядочная стрельба, несколько девушек было убито и тяжело ранен полицейский. И вот тут-то на экспертизе выяснилось, что все бандиты использовали оружие из списанной партии.

Событие вызвало огромный резонанс в обществе. Конечно, Алтабаев сразу развернул бурную деятельность, работал без выходных, но пока результатов не было.

Мне было очень жаль, что все это время я оказалась сконцентрирована только на себе. При всей чуждости и непонятности ценностей этих людей и их манеры общения, я видела, что Алтабаевы на самом деле очень дружная семья. Пусть и запоздало, но мне захотелось как-то помочь Игорю.

— Я слышала, что у твоего папы неприятности на работе? Как он? Как ты сам? — спросила я его на следующий день.

— Да, ничего. Отец, конечно, — кремень. То срывается, то осторожничает. Но, знаешь, появилась у меня одна мыслишка, — он смотрел на меня лукаво и каким-то хитрым с прищуром.

— Ох, нет... — пораженно воскликнула я, — Ты что-то раскопал?

— Ну, скажем так: пока я только видел материалы дела и кое-что мне показалось странным.

Глаза его горели, сегодня Игорь был оживлен больше обычного.

— Возможно мне даже потребуется твоя помощь.

— Игорь, можешь всецело на меня рассчитывать, — заверила я парня.

Глава 8. «Сан-Андреас»

I

В целом неделя проходила лучше, чем я предполагала. Преподаватели не стали делать проблему из-за моих прогулов, а встреча с Олесей, которой я, если честно, опасалась, так и не произошла. Или мы удачно не пересекались или она сама избегала нашего столкновения. В любом случае меня все устраивало. Ребята из группы тоже не проявили никакого интереса к моему появлению. Мне стало спокойнее снова чувствовать себя невидимкой.

Зато по учебе произошло по-настоящему интересное событие. На семинаре нам выдали первое серьезное практическое задание. Требовалось написать статью о том, как молодежь проводит свое свободное время. Можно было показать любой активный или экстремальный отдых, посетить знаковое, культовое место, попробовать самому и описать какое-то популярное хобби.

Короче, в предпочтениях мы не были ограничены. Главное, чтобы выбранная тема освещалась остро и правдиво, рисуя если не портрет всего поколения, то хотя бы определенной его части. Лучшую работу обещали напечатать на целом развороте студенческой газеты, а автору — зачет автоматом.

Предложение было очень заманчивым!

Шумной толпой мы вывалились из аудитории с последней пары. Новость взбудоражила всех. Никто не хотел расходиться. Громкость обсуждения только нарастала. Ребята смеялись, ругались и горячо спорили. Перекрикивая друг друга, предлагали варианты своих тем: скромные, простые и примитивные, сказочные и откровенно стыдные, нелепые и заведомо смешные. Каждому хотелось накидать как можно больше вариантов, чтобы «застолбить» идею.

Буквально за десять минут оказались заняты темы про компьютерные игры, видео блогерство, стрит-рейсинг, диггерство, скалолазание и даже поедание каких-то солей, если я все правильно поняла. Я растерянно хлопала глазами. Мое увлечение готовкой тоже успели увести. Причем выяснилось, что девушка, выбравшая это занятие, не раз ездила в кулинарные туры по всей Европе. Так что шансов на то, что я бы смогла что-то добавить, не было никаких.

Игорь и Света стояли рядом молча. Парень методично вычеркивал занятые варианты из записной книжки. А Света, словно светилась от какой-то внутренней масштабной идеи, делиться которой она пока не планировала. Но по ее воодушевленному лицу я поняла, что мысль захватила девушку, и невидящими глазами она устремилась в будущее, где представляла, как читает свою напечатанную статью.

Мне как назло ничего не лезло в голову, и я стала незаметно отходить от ребят. В толпе активно жестикулирующих, стоящих слишком близко друг к другу и переходящих на вербальную агрессию людей мне было не по себе.

Нам дали срок в две недели и уж за это время я что-нибудь обязательно подыщу.

Я потихоньку пятилась до тех пор, пока внезапно не ощутила спиной, что уперлась во что-то твердое, но теплое. Горячая рука обвила мою талию.

Это было так неожиданно, что я дернулась, отступая. В тот же миг резко вздохнула и закашлялась, подавившись воздухом. За моей спиной, подпирая плечом на стену, стоял Олег.

Вид у него был очень нахальный и одновременно понимающий. Парень улыбался мне

так, как будто мы были заговорщиками. Я поняла, что он уже давно наблюдает за происходящим. Заметив, как меня напрягли его прикосновения, он не только убрал руку, но даже поднял их вверх в примирительном жесте.

— А ты все бежишь, Чудо?

Я отрицательно покачала головой.

— Мне просто уже пора. У меня хвост по курсовой образовался, пока я плохо себя чувствовала. И лишь сегодня свободный вечер.

— Я про это говорю. Ускользнуть, спрятаться, сказаться больной. Нельзя всю жизнь убегать.

— Да? — я деланно изумилась, — А я думаю — можно. Именно это и сейчас собираюсь сделать.

Я посмотрела на друзей, полностью увлеченных обсуждением.

Олег, усмехнувшись, тряхнул головой:

— Как раз собирался домой и так и рассчитывал тебя зацепить. Помогу повернуть фокус с твоим исчезновением.

— И насколько давно, вы, мистер-фокусник, меня ожидали? — поинтересовалась я, садясь к Олегу в машину.

— Достаточно, чтобы понять, что у вас намечаются «крысиные бега» за звание лучшего журналиста. Если ты хочешь спасовать, то могу утешить тем, что каждый год что-то подобное будет утраиваться.

Отметка моего настроения резко поползла вниз. Больше всего на свете мне не хотелось, чтобы Олег меня «утешал». Если честно, то половину моей тревоги подогревали мысли, что я ужасно ошиблась. Я Олегу столько неприятного наговорила и, конечно, не без оснований. Но то, как он повел себя потом с вазой... Нет, он, само собой, не рыцарь, но уже получается, что и не монстр. Значит, я должна была сделать какой-то шаг ему на встречу. Тоже чем-то хорошим отплатить. Только вот нечем было. А очутиться все глубже в его должниках никак не могла. Я не знала, что ему от меня нужно, но точно не моя дружба. Уж в этом была уверенность.

— Нет, я не хотела бы намеренно сдаваться, — я удрученно вздохнула.

Олег заинтересованно поднял бровь.

— Отчего же ты не выбрала тему статьи?

— Я не знаю, как отдыхают другие люди, пусть даже моего возраста. И я не умею как они, вот взять и сразу выдумать...

— Ой, ну возьми знакомое. Накидай статью: «Как уничтожить пятьсот летнее произведение искусства?» и бонусом мастер-класс по разгрому домов. Думаешь не подойдет?

То, как беззлобно Олег это предложил, развеселило меня. Я, наконец, тоже улыбнулась.

— К сожалению, это штучное умение. На всех бесценных шедевров не напасешься...

— Ладно, уговорила. А как на счет «Сан-Андреаса»?

Мы уже подъехали к дому, но парень не спешил выходить. Напротив, после своих слов он развалился удобнее на сидении и внимательно поглядывал на меня из-под полуприкрытых век. Я сразу почувствовала, что его предложение с подвохом. Он словно ловил меня в какую-то ловушку.

— Чего-чего? — я округлила глаза. Название мне показалось смутно знакомым.

— Чудо! Ну, это ж клуб. Лучший в центральном округе. Попасть туда стремится вся

столица. Там действительно все лучшее. И вечеринки, и директор! — и Олег лукаво поиграл бровями, — Обеспечу тебе и экскурсию и фотографов своих дам для сопровождения.

И я вспомнила, что в кабинете видела документы на «Сан-Андреас». Правда, Олег в низ значился, не как директор, а как совладелец. Совместно со Стефаном Марковичем.

— Ну, надо же! Я сначала только почитаю про него. Я не была в таких местах ни разу.

— Чудо, от такого предложения не отказываются! — фыркнул Олег немного возмущенно и галантно открыл мне дверь своей ауди.

— Олег, — мягко попросила я, — Меня зовут Женя. Женя Стрижева, а не Чудо. Мне было бы очень приятно, если ты будешь называть меня по имени.

— Ну, Женя, так Женя. Как скажешь, Чудо...

Вот в этом и был весь Олег.

Первым делом дома я стала собирать сведения о клубе. Информации оказалось реально много. Это заведение и впрямь было невозможно популярным. Тег с «Сан-Андреасом» мелькал даже в профилях у звезд. В конечном итоге, назвавшись единственным директором, — было единственное, что Олег преувеличил в информации о клубе.

К пятнице в университете все ребята уже не только определились с темами, а всю включились в работу. Света остановилась на волонтерстве. Она, добрая душа, оказывается, давно помогала загородному собачьему приюту. И теперь была рада написать и о питомцах и о людях, которые свое свободное время посвящали заботе о меньших братьях. Игорь неожиданно выбрал тему пикапа. Парень сказал, что сам он не в курсе, но его знакомые посещали такие обучающие семинары и есть даже закрытое сообщество в интернете, где ребята делились опытом. Он обещал самую сильную статью забаббахать и оставить всех без единого шанса.

Я же все больше и больше склонялась к тому, чтобы принять предложение Олега.

Очень громко играла музыка. Невообразимо. Басы, как второе сердце, отбивали свой ритм в моей грудной клетке. Мельтешение слепящих световых пятен. Я бы полностью потерялась, если бы не Олег, уверенно и крепко поддерживающий меня за локоть.

Он неопределенно хмыкнул на мое единственное нарядное платье, но не отказал, а действительно взял меня с собой на вечеринку по случаю Хэллоуина в свой клуб.

Олег провел меня через главный вход. Охрана строго и почтительно встречала нас от нижней ступени уличной лестницы. Они предупредительно ограждали от толпы страждущих, маявшихся в ожидании с надеждой попасть на мероприятие. Если бы взгляды зависти были буквально такими же острыми, как ножи, то я бы умерла от потери крови, даже не войдя в «Сан-Андреас».

— Олег, посмотрите сюда, — позвал его мелодичный женский голос, прежде чем мы успели скрыться в дверях клуба, — Пожалуйста, вы должны меня вспомнить.

Просила шикарная блондинка, чем-то напоминающая мне ненавистную Олесю, пытаюсь перекричать гомон выстроившихся в очередь людей.

— Проследите, чтобы не досаждали девочке, — указал он охране на меня.

— И эту, — он небрежным жестом указал на девушку со входа, — пропустите...

— Я с подругами! — в последний момент успела крикнуть девушка.

— ... ну, с подругами пустите.

И вот с самого порога стоило только очутиться по ту сторону жизни, как музыка, веселье, роскошь буквально сбивали с ног. Всего было много — золота, зеркал, звуков, дыма, мехов, полуобнаженных тел... В начале одиннадцатого в клубе собралось уже не меньше

тысячи человек.

За абсолютной бесполезностью убрала диктофон в сумочку. Я даже не представляла, с чего мне стоило начать. Олег же, чувствувавший себя здесь как рыба в воде, сразу сунул кому-то мое пальто и, явно наслаждаясь моментом, повел показывать владения.

На первом этаже было несколько танцевальных зон, а с другого входа в здание — ресторан с летней верандой. В центральном зале приглашенные девушки под лучами кроваво-красных прожекторов зажигали в клетках, извиваясь под безумные ритмы этого вечера. На втором этаже по всему периметру располагалась вип-зона с диванчиками и столиками, а также закрытые кабинки — «для близких друзей», как назвал их Олег. Он велел мне туда не ходить, потому что сказал: «делать тебе там нечего, освобожусь и сам покажу». Он собирался только отдать несколько распоряжений и тоже посидеть в этот вечер с друзьями.

Совсем скоро Олег покинул меня, чтобы поработать. Оставалось пока просто ходить с фотографами, которых он приставил ко мне, причем даже двоих. Парни слушались меня беспрекословно, да и вообще весь персонал относился очень вежливо, из чего я сделала вывод, что дисциплину Олег поддерживал здесь железную.

В двенадцать должна была начаться шоу-программа. А пока, запечатлев все, что только было можно, я решила не мучиться жаждой, а направилась к барной стойке.

Приятный улыбчивый молодой бармен навертел мне несколько коктейлей на выбор. Но я была все еще напугана незнакомой обстановкой и наотрез отказалась, а попросила лишь бутылочку воды. Я жадно пила огромными глотками, прикрывая глаза от удовольствия. Бармен укоризненно посмотрел на меня, когда я протягивала кредитку, и сказал, что для гостей хозяина все бесплатно. Девушки, слышавшие разговор, с интересом проследили за мной глазами и тут же начали перешептываться между собой, ревниво поглядывая в мою сторону. Мне была очень приятна такая забота. Я уже почти вжилась в роль вип-персоны.

К началу представления фотографы сопроводили меня на второй этаж и усадили в кресло с лучшим обзором. Не знаю, кто придумывал программу, но это было — нечто! За час нам показали целый спектакль. На сцене оживали самые жуткие страхи и мистические фантазии, а иллюзия граничила с магией. Ну, наверное, граничила... Иначе это было уму не постижимо, как из ниоткуда на сцене появлялись люди, буквально исчезали предметы и каким образом в последней сцене вампир, вырвавший сердце возлюбленной, после его пожирания превратился в волка? Мистика или волшебство места... я не знала, но осталась в восторге!

Толпа редела в восхищении. Люди, распаленные зрелищем, ринулись на танцпол. Я бы и сама теперь потанцевала, но отпустив ребят-фотографов, чувствовала себя немножко неловко. Хотелось найти Олега и поделиться впечатлениями. Меня буквально переполняло эмоциями.

Помня его наказ не ходить в закрытые кабинки, я решила просто прогуляться вдоль этих рядов, естественно, не заглядывая! На самом деле, я надеялась встретить там Олега.

Эти кабинки представляли собой отдельные комнатки. Двери не запирались, а напротив находились в постоянном движении. Носились нагруженные тяжелыми подносами официанты, входили и выходили гости, бегала растрепанная девица в костюме пошлой медсестры, облитая то ли томатным соком, то ли вареньем.

Я обратила внимание на вереницу официантов (не меньше полдюжины) — каждый с перекинутым через локоть белоснежным полотенцем в руках с ведерком льда и бутылками

шампанского. Они заносили напитки в одну из кабинок. Ноги сами понесли меня к ней. Она отличалась от остальных большим размером и тем, что находилась на некотором отдалении от остальных вип-комнат. И конечно, именно в ней я услышала голос Олега. Из-за спин персонала и приглушенного света мне не сильно было видно присутствовавших гостей. Удалось рассмотреть в центре дивана самого хозяина праздника, расположившуюся у него между расставленных ног девушку-блондинку, которую мы встретили у входа. А вот прямо рядом с Олегом сидел, как порочный белокурый ангел, парень из нашего института. Да-да! Тот самый, который задирает меня из-за пакета! Как раз тот, что был в свите Олеси в столовой! Он — свидетель моих самых отвратительных и позорных унижений.

Этот парень тоже был в сопровождении девушки, уже явно нетрезвой и что-то настойчиво искавшей в районе его ширинки. Иначе я не знаю, что ее рука там пыталась нащарить. Ребята беседовали. Пьяная девица продолжала наглаживать блондина между ног. Олег не обращал на нее никакого внимания, а сам светловолосый явно бесился от такой настойчивости. Он несколько раз безуспешно пытался остановить свою неумную девицу, но она как заведенная упрямо преследовала свою цель не испытывая ни малейшей неловкости.

Я уже собралась с духом, чтобы войти, но в этот самый момент развязная спутница совсем вывела парня из себя и он, не сдержавшись, схватил ее ладонью за лицо.

— Ты что творишь! Охуела совсем?

По тому, как она мучительно скривилась было заметно, что ей очень больно. Она старалась вырваться из его жестоких пальцев и перехватить терзавшую щеки руку. Но ничего не могла произнести зажатым в тиски ртом.

Заходить в такой момент мне сразу расхотелось.

— Эй, Матвей, полегче, — вступился за девушку Олег, но с места даже не сдвинулся.

Блондин еще минуту сжимал ее лицо побелевшими пальцами и не найдя в ее мутных глазах ни проблеска разума, наконец, оттолкнул от себя. Девушка, не удержавшись, шлепнулась на пол и стала отползать в угол, обиженно скуля.

— Жестокий ты, Матвей. Чем девочка не угодила? — вяло поинтересовался Олег.

— Зато ты какой-то слишком добрый. А я помню, что сам с яйцами, а значит, мне выбирать кого трахать, — и Матвей зло ослабилась, — Это ты сегодня «Чудо» свое притащил. На папашу жалуешься, а сам скоро ли у нее с ладони жрать начнешь?

Меня бросило в холодный пот. Это же они обо мне сейчас.

Олег морщился, но ничего не возражал. А Матвей, подстегиваемый внутренней яростью, продолжал давить:

— Так ты поджентельменничать свое «Чудо» позвал или поглумиться?

— Ты же знаешь, что я благотворительностью не занимаюсь, — Олег холодно усмехнулся.

— Ну, зацепила же тебя девочка, признайся. Что не дает, да? — выразительно изобразил сочувствие.

— Я и не пытался, — Олег не мог скрыть досаду.

— Ой — ей! — Матвей театрально закатил глаза, — Ты и водителем у сестрички подрабатываешь, и Олесю-то бросил, и в рехаб ее упекли из-за тебя, между прочим. Кого ты хочешь убедить, что не пытался? Думаешь, что все вокруг слепощарые и не заметят? Тебя девчонка деревенская на улицу скоро выгонит, а ты все дальше мямлить будешь, что сам так и хотел...

Настолько грубо пойманный, Олег был уничтожен.

— Олеся давно уже в неадеквате была и это не твое дело, вообще, — Олег уже не мог остановиться. Разговор растравил парня, и ему явно хотелось реванша, — Сам-то, блядь, мастер...

— Ну, я-то сопли жевать точно не буду. Хочешь посмотреть?

— Давай, покажи!

— А потом не заплачешь, что твою игрушку сломали?

— Да, ты чего задумал-то?

Матвей ничего не ответил. Бросив на друга многозначительный взгляд, развернулся на выход из кабинки и направился к тому самому месту, где стояла я.

Меня трясло, но я бездумно перебирала ногами, чтобы убраться куда-нибудь подальше от этого ужасного места. Очень торопилась. Постоянно в кого-то врезалась. Держась за перила, сбежала на первый этаж. Множество людей вокруг не успокаивало, но придавало уверенности. Я почувствовала, как дерет пересохшее горло. Клуб сразу потерял свое очарование. Чтобы пробраться к барной стойке мне пришлось протиснуться через нескольких неприятных мужиков, от которых разило потом. Да, и у остальных посетителей лица были не лучше. Какие-то красные морды со слипшимися волосами на лбу, лоснящиеся от жира, отяжелевшие в пьяном угаре. Когда все вокруг успело так поменяться, а люди превратились в стадо свиней?

Подлетела к знакомому бармену и поспешно попросила еще воды. Больше всего на свете в этот момент мне хотелось, отыскав пальто, уехать домой и больше никогда, никогда не видеть Олега, не разговаривать с ним, не верить.

— Ох, неуловимая, наконец-то поймал тебя! — рассмеялся рядом Матвей и накрыл своей ладонью мою руку на барной стойке.

Я была готова к чему угодно, только не к тому, что он отправится меня искать прямо сейчас. Я выдернула руку, раздражаясь все сильнее и чувствуя, как бешено застучало сердце.

— Вы, наверное, ошиблись — я захотела сразу отвязаться от Матвея, — Мы не знакомы.

— Ну, что ты такое говоришь, Женечка, — он захохотал еще громче, запрокидывая голову, так что со стороны могло показаться, что я удачно пошутила, а парень оценил мой юмор, — Я — Матвей, мы же виделись в универе.

Мне не нравилось в нем все. То, так он коверкал слова, то, как бесцеремонно разглядывал меня, как будто трогал, как развязно держался.

— Я уже уйду. Так что, Матвей, — я выделила его имя, — Отстань от меня и дай пройти.

Он продолжал бесстыже смотреть на меня и смеяться, сверкая двумя рядами белых зубов. Смеялся дерзко, почти нагло. Тревога захлестывала меня. В ворота расстегнувшейся черной рубашки виднелась его накачанная загорелая грудь.

— Слетаем на следующих выхах куда-нибудь?

Не дикость и не нахрапистость пугали меня, а то, что я видела в его глазах безумную решимость не отпускать меня. Я даже не ответила ничего и попробовала пройти, но парень загородил мне проход своей массивной фигурой. Тогда я отстранила какую-то девушку и прошмыгнула в стороне от него, намеренно не касаясь Матвея.

Хотела пойти в сторону кабинета Олега, чтобы попросить у охраны пальто и закончить уже эту ночь, превратившуюся в кошмар.

Мне удалось выйти к коридорам, и уже там я поняла, какую ошибку совершила. Матвей преследовал меня. Я с ужасом поняла, что, оказавшись в административной части здания,

мы остались совсем одни. Недолго думая, парень привалился ко мне и, прижав к стене, тут же принялся лапать.

— Я тебе не Олег, передо мной не нужно ломаться.

А я не могла двигаться, не могла даже руками пошевелить, не могла сделать вдох. Паника, как снежная лавина, накрыла меня с головой. В полном оцепенении я наблюдала, как он переключился на мою грудь и болезненно сжал ее, жадно дыша мне в шею. Его руки не прекращали ощупывать меня. Он оттянул вырез платья и залез, касаясь обнаженной кожи влажными пальцами.

Было ощущение, что грудь придавило бетонной плитой. В сердце словно воткнули спицу, и боль растекалась по левой руке, мучительно стуча в висках. Ничего больше не контролируя, я мешком свалилась ему под ноги.

— Эй, ты чего исполняешь?

Я, свернувшись калачиком, поджимая под себя ноги, только открывала рот, делая непрерывные маленькие вдохи. Но этого было катастрофически мало. Удушье. Я отключалась. Кажется из глаз потекли слезы, и наступила полная прострация.

Не знаю, сколько так лежала, но следующее, что увидела, это было склонившееся надо мной бледное испуганное лицо Олега. Он видимо что-то кричал мне, но я не могла разобрать слов. Не получив от меня никакой реакции, он безумно бросался на стены, заламывая руки, кидался на стоящего неподалеку блондина.

Только через какое-то время я увидела, что Матвея увели и мое тело, находящееся на грани сознания, вроде бы начало что-то воспринимать.

Как сквозь толщу воды раздавался наряженный голос Олега. Он звонил кому-то и срывающимся голосом просил срочно приехать.

Ох, только бы не умереть здесь, вот так на голом холодном полу. Я даже не представляла, что наяву может быть настолько страшно.

Когда я в следующий раз открыла глаза, то видела, что Олег спешил по коридору, неся меня на руках. Выйдя через черный вход на подземную парковку, погрузил в порш и сам присоединился ко мне на заднем сидении. Я сразу узнала этот автомобиль. За рулем сидел Стефан. Мужчина только и ждал момента, как Олег закроет за нами дверь, чтобы сорваться с места.

— Может скорую надо?

— Не надо, — это было сказано очень уверенным и резким тоном.

— А если она сейчас умрет? — голос Олега чуть дрожал.

— И что ты им скажешь? Как все это объяснишь? — голос у Стефана был властным и немного раздраженным.

— Я не знаю. Придумаю что-нибудь, — Олег в досаде прикусил губу.

— Ты бы лучше до ее приступа что-нибудь придумал!

— А что у нее за приступ? Брат, ты ж не врач! Откуда ты можешь знать, что с ней?

— Пробил информацию о девочке после одного случая, который мне показался странным. И ты — дебил, что сам не сделал этого, иначе бы знал, что у нее панические атаки. Ее накрывает от прикосновений, — говоря это, Стефан напряженно всматривался в зеркало заднего вида.

— Блядь... — Олег потер лоб, — А я думал, что она чего-то наглоталась.

В дом мы вошли втроем. Вернее, вошли Олег и Стефан, а меня опять внесли. Пантелеев снова хотел поднять меня на руки, но Стефан опередил его и так свирепо посмотрел, что

остановил возражения взглядом.

Стефан расположил меня на кровати, и сам устроился у изголовья, положив мою голову себе на колени. Олег стоял в дверях, понуро опустив плечи. Я еще слабо реагировала, и сознание, так и норовило куда-то уплыть. Но его действия не вызывали отторжения. Мне становилось лучше от его уверенных движений.

Я всхлипнула, когда Стефан начал гладить меня по волосам. Он перебирал пряди, иногда невесомо касаясь затылка. Обращался со мной очень бережно, как с маленьким ребенком. Чуть раскачивался всем корпусом, передавая мне умиротворяющие колебания. А когда начал меня мягко баюкать тихим хриплым голосом, то я ощутила, что дыхание выровнялось. Сама не заметила, как провалилась в сон.

Но это было неглубокое забытие. Я проснулась, все еще ощущая в своей кровати тепло тела чужого мужчины. Дверь в комнату была настежь открыта, и свет из холла лился в комнату. Тени обрисовывали две фигуры. Они спорили. Олег оправдывался. Стефан злился.

— Как ты мог так проебаться? — голос Стефана звучал очень угрожающе.

— Да, откуда я мог знать, что в клубе такое произойдет? Я ж понятия не имел, что она такая... ну, ненормальная... — Олег осекся, потому что в этот момент Стефан сделал несколько быстрых шагов и вплотную навис над ним.

— Она — нормальная, — устрашающе прорычал Стефан, — Ты привел в клуб, а значит, отвечаешь за нее и должен был следить за этим гандоном!

— Я понял, что облажался. Но с ней же давно, это, наверное... Просто, пойми меня. Стеф, она могла бы и сама предупредить, что ее нельзя трогать!

— А ты вот что пойми, — мужчина зашипел, понизив голос, — Просто задумайся... Ты в двенадцать мать обрел. А что с ней в двенадцать лет в детдоме могло такого произойти, после чего она мужиков шарахается?

Стефан, психанув, вышел.

Глава 9. «Забота»

I

Тихо лежала в одежде, как была. С глубокой тоской на сердце и ощущением такой непроглядной безнадежности, что хоть вой. Вздрагивая всем телом от разрывающих душу воспоминаний. На ум приходили какие-то несвязные видения из прошлого, которые чередовались с самобичеваниями и жалостью к себе.

То думалось о дрянных помывочных днях, когда проводили дезинфекцию в нашем блоке в детдоме и однажды обрили налысо всех девочек и выкинули моего красивого домашнего плюшевого зайца. То всплывал в памяти случай с одной нашей злобной воспитательницей — любительницей рукоприкладства. Как лет семь назад она караулила у дырявого забора мальчишек, отправившихся за территорию на ночную вылазку. Ей хотелось поймать их на горячем и сразу надавать тумаков. И как же она орала, когда вместо мальчишек ей на встречу из травы выползла змея. Как мы, дети, смеялись потом, что «гадюка встретила Гадюку и тоже бы орала, если бы умела разговаривать» и как потом остались без ужина за свой смех.

То, делала выводы, что такое в клубе могло произойти только со мной. Вернее, могло произойти с кем угодно, например, с Олесей или Светой, а случилось именно со мной. И что взрослая жизнь совсем не лучше, потому что сложнее и непонятнее. И был ли правильный вариант поведения? Может быть мне вообще не стоило туда идти или нужно было позвонить моему сталкеру. Хотя, это, пожалуй, перебор. Не уверена, что он смог бы помочь мне, а

может даже, наоборот, сделал что-то совсем ужасное.

Тот период в детдоме, когда я повстречала и потеряла своего единственного друга Костю. Окончание последней учебной четверти должно было завершиться большим праздником для выпускников. Я заканчивала девятый класс и собиралась поступать в кулинарный техникум. Поэтому этот год и для меня был последним. Торжественных событий, проводимых в нашем детдоме, можно было по пальцам пересчитать. Какой-никакой хор или сценку для администрации с нами организовывали, но не больше. А тут обещали целый праздник для нас — воспитанников! Раздали стихи, заявили, что будут угощения и даже танцы! И все это за счет какого-то непонятно откуда взявшегося спонсора. Никто не разбирался, все радовались.

За две недели в актовом зале приступили собирать декорации. Весь персонал находился в необычно возбужденном состоянии. Все разговоры, так или иначе, сводились к этому событию. Взволнованные воспитатели забывали орать на детей и начали иногда смотреть сквозь пальцы на некоторые шалости, которые до объявления праздника точно бы не спустили. Атмосфера стала мягче. Работники кухни и сами захотели подготовить номер-сюрприз, который пока держали в секрете.

Девочки мечтали о танцах и каких-то немислимых тортах, шепотом делились, какие будут делать прически. А ребята ждали обещанного шампанского и возможности закурить, наконец, в открытую, прямо на глазах у педсостава на правах взрослых.

Я, конечно, не могла остаться в стороне, тоже надеялась на какую-то сказку и жила эти недели, полная волшебного предчувствия.

За два дня до события ко мне неожиданно приехал курьер. Он привез большую картонную коробку, в которой лежали бежевые лодочки, маленькая сумочка со стразами, а в бархатном чехле хранилось безупречное выпускное платье. Голубое, искрящееся, воздушное, опоясанное черным бантом-лентой! Это был самый прекрасный в мире наряд! Сколько же было счастья, просто до слез! Я прижимала его к себе, обнимала, гладила. Я не замечала ни пораженных взглядов преподавателей, ни завистливого шепотка девчонок. После получения этого подарка я не спала нормально ни одну ночь. Все воображала, как буду настоящей принцессой на празднике! Очень волновалась, чтобы с платьем не случилось чего, постоянно проверяла мой шкафчик.

Своему тайному благодетелю я отправила свое фото в подаренных вещах. Пусть мы с ним не общались после того, как Костя попал в больницу, в отправителе сомнений не было. Тогда я перестала реагировать на его сообщения, но наряд вызвал такую бурю эмоций, что я бы, кажется, сошла с ума, если бы не поделилась. «Я так и знал, ты — красавица, ласточка» — почти сразу ответил.

А на следующий день объявился Костя! Он еще пока жил в детдоме записал мой номер, но своего телефона тогда не имел. А к этому времени уже давно выздоровел и, оказывается, желал встретиться. Поэтому, как только узнал про праздник, сразу написал мне! Он собирался секретно от всех явиться на вечер и поклялся, что тоже устроит нам незабываемое представление. Обещал, что затанцует меня до полусмерти, смеялся, что украдет на всю ночь, и что такой фантастический финал я запомню на всю жизнь.

Веселый и забавный, он был таким, как я его и запомнила.

Вот с этого момента моя радость была абсолютно полной!

Накануне на ужине девочки переговаривались, провожая меня неприятно долгими взглядами. Наконец, терзаемая внутренним злобным нетерпением, ко мне подошла Машка

Кабанова, видно она давно собиралась мне что-то высказать.

— Я платье твое видела.

— Понравилось? — я сразу подобралась, но старалась отвечать, не показывая страха.

— Нормальное, — процедила она сквозь зубы, — Ты так и собираешься в нем пойти?

Поняв, что Машка руки распускать не собирается и драки не будет, к нам с интересом стали подтягиваться другие девочки.

— А что? На тебя оно все равно не налезет.

— Зато тебе не перед кем тут выпендриваться! Ты никому не нравишься.

— Вообще-то, Костя завтра приедет, — спокойно заметила я, — буду с ним всю ночь танцевать!

Я видела, как ошарашила девчонок эта новость. С каким изумлением вытягивались скучные лица и округлялись глаза тех, кто долгое время издевался надо мной. Я неожиданно оказалась в центре внимания. Мне было так приятно, что я решила их «добить»:

— Скорее всего, вообще, уеду завтра с ним!

Машка с видом побитой собаки отступила.

На следующий день проснулась, чувствуя себя победительницей. В тот момент я была уверена, что взрослая жизнь, которая ждала меня буквально за поворотом, будет безоблачна и прекрасна.

А вечером, когда в саду играла музыка, светились гирлянды разноцветных фонариков, и так заманчиво пахло вкусностями и свободой, я полностью готовая пошла навстречу этому вечеру и моему будущему.

Но на выходе из нашей спальни комнаты ко мне подошла одна из новеньких воспитательниц и попросила сбегать в библиотеку за микрофоном, так некстати оставленным в коробках за стеллажами. Я, всегда привыкшая к повиновению, так рвалась на воздух, что впервые захотела послушаться. Однако, нашла в себе силы сдержаться и поскорее побежала в подвал, где находилось библиотечное хранилище.

Я даже не сразу поняла, что произошло, когда зайдя за стеллажи, услышала звук, похожий на запирающийся засов. Я еще долго рылась в коробках, которые сгрузили сюда во время подготовки, но обнаружив только провода, с чистой совестью пошла праздновать.

Каково же было мое удивление, когда я поняла, что дверь закрыта. Я с силой давила на ручку, упиралась плечом, но она даже не дрогнула.

Первые минут десять я сидела в растерянности, прикладывая ледяные ладошки к разгоряченным щекам. Я понимала, что недосчитавшись, меня точно придут искать. Когда этого не случилось, принялась стучаться и кричать. Я так долбила в эту чертову дверь, что до синяков поранила руки. В саду играла музыка, а про меня все забыли!

Я плакала, рвала на себе волосы, металась по библиотеке, снося стулья, в бешенстве переворачивая коробки. Этот праздник, который должен был стать лучшим днем моей жизни, оборачивался кошмаром. Я чувствовала, что из-за слез и истерики, наверняка выглядела безобразно, но не могла остановиться и захлебывалась рыданиями.

Никто не явился мне на помощь. Через пару часов пришло понимание, что меня нарочно заперли!

Обессиленная, я уснула на коробках. Выпустили меня только на следующий день и то после завтрака. Без особого удивления и сожаления на лицах.

Я пришла в спальную комнату, содрала с себя ставшее ненавистным платье и разорвала его. Буквально растерзала голыми руками. Мне никто ничего не сказал, все опасались не

только обращаться ко мне в этот момент. Они смотреть на меня боялись.

В изнеможении я опустилась на кровать и заметила оставленный вчера вечером телефон, на который час назад пришло сообщение:

«Это не страшно. Переживешь.»

А я тогда думала, что умру от переживаний.

Отчаянье. Обида. Злость.

Наверное, в тот момент я перестала его бояться. Наблюдатель больше не казался опасным психом, который сможет причинить мне боль. Потому, что больнее, чем сделал, он бы уже не смог.

Тогда я начала подозревать, что он действует не один — их целая шайка. Они все в сговоре! Та новенькая воспитательница, посланная за микрофоном, разнорабочий из пищеблока, который постоянно вертелся где-то поблизости, точно директриса, а может быть кто-то из знакомых ребят или даже сам Костя с ними заодно? Я стала сомневаться в каждом. Чувствовала, что оплетена их сетью. А может, я вообще участвую в каком-нибудь эксперименте, где бездушные машины изучают пороги допустимого? Или врачи-фашисты пытаются свести меня с ума? Не было другого объяснения, зачем давать надежду и так жестоко наказывать!

В какой-то прострации я сдавала последние для поступления экзамены. И только мысль о том, что скоро буду учиться в кулинарном и перееду жить в учебное общежитие, не давала окончательно потеряться. Удерживало стремление воспользоваться возможностью самой поменять свою судьбу к лучшему.

Наблюдатель как будто чувствовал мое настроение. Он затаился, не прислав больше ни строчки. Иногда мне хотелось думать, что он видит как мне плохо и тоже страдает, и я еще сильнее растревала себя. Худела, замыкалась в себе, один раз даже нагубила учителю. Сама от себя пришла в ужас и углубилась в книжки.

Вступительные испытания я прошла успешно, показав средний результат, вполне достаточный для зачисления.

После экзаменов подшивали наши личные дела и велели принести справку от врача. А ее выдавали по итогам медицинского осмотра. И если все врачи отнеслись к этой работе весьма формально, то очередь перед кабинетом гинеколога нагнала на меня жути. Это была вереница самых тихих и напуганных людей, которых я видела. Я не могла поверить, что это они — смелые, задиристые, наглые, мои знакомые девчонки из детдома.

Я присела ждать на скамеечку и через пару минут разобралась в чем было дело. Из кабинета по одной выходили бледные девушки. Некоторые рыдали и жаловались на мерзкую врачиху. Та, когда узнавала, что девушка не была девственницей, обзывалась, а одну даже отхлестала по щекам. Да и невинные девушки, с которыми старуха обращалась крайне грубо, плакали от унижения.

И я поняла, что просто не смогу зайти в этот кабинет.

Я не разденусь, и меня не будут трогать чужие руки. Я не вынесу.

Мне уже в коридоре стало плохо, а я даже кресла не видела. Что же случится на самом приеме?

Я пропустила вперед себя одну девочку. Затем еще двух. А потом просто ушла и два часа бесцельно слонялась по улицам.

Я отдавала себе отчет, что сейчас этим решением перечеркиваю свою мечту и будущее. Но и преступить через себя не могла. Наверное, нужно было бы связать меня или держать и

насиленно взгромоздить на это кресло, потому что живой я бы не далась.

Как же меня ломало после возвращения в детдомовскую спальню. Девочки, разгневанные моим уходом, почувствовали себя лично ущемленными и не могли спокойно реагировать на то, что я избежала унижительного осмотра. Им было необходимо восстановить справедливость и тоже окунуть меня в грязь. Естественно, они сразу же принялись злобно обсуждать причину моего странного поведения в больнице. До меня доносились слова: «Шлюха», «Костя» и «беременность».

А когда все пошли ужинать, к моей кровати подошла та самая воспитательница.

— Ты чего тут нюни распустила? Подписала медсправку?

— Нет. Не смогла. У меня месячные, — я шмыгнула носом. Меня саму выворачивало от своей лжи.

— Это обязательный документ. Без нее тебя не примут.

— Я знаю, — отвернулась.

На следующее утро мне доставили запечатанный конверт. В нем лежала одна единственная бумажка — Справка по форме 086/у, где напротив гинеколога красовалась подпись: «Здорова» и синяя печать.

Вот такое своеобразное проявление заботы.

Глава 10. «Алтабаев»

I

Я думаю, что заснула часов в шесть утра. Не смотря ни на что, спала крепко, видя чудесные сны.

Около полудня проснулась резко, будто разбуженная невидимой рукой. Одним махом сдернула себя с постели, пытаюсь промогаться. Разом вспомнила всё и поспешила в ванную. Никого в коридоре, не встретив, машинально посмотрела в сторону комнаты Олега. Через запахнутую настежь дверь увидела полностью разгромленное помещение. Развороченный шкаф с раскиданными вещами и проломленной стеной, перевернутый на бок письменный стол. Это была комната человека, который провел ночь в глубоких душевных терзаниях. Черное удовлетворение затопило мое сердце. Так ему и надо!

Завтракала или уже обедала наспех. Я торопилась на встречу со Светой и Игорем. Договорились посидеть у него дома и обсудить текущие дела и задания по нашей будущей работе. В последнее время Игорь был то очень занят, то настолько погружен в свои мысли, что и отвлекать не хотелось. А тут он сам предложил увидеться, как будто пришел, наконец, к какому-то решению.

В глубокой задумчивости я собиралась, чтобы встретиться с друзьями. Мне бы очень хотелось не вспоминать Марковича, но я не могла. Его фигура была неотделима от вчерашнего вечера. Он казался мне необычным, взрослым, загадочным и безумно привлекательным. Могла ли я ревновать его к невесте? Имела ли на это право? Нет. Но я ревновала. Я ощутила, как холодной змеей на сердце сворачивается зависть. Представляла, как сумела бы посоперничать с этой безликой Мартиной и превзойти ее.

Подбирая наряд, я очень критически рассматривала себя в зеркале. Ах, как бы хотелось вызвать в глазах Стефана восхищение и обожание. Наверное, это очень приятно чувствовать, когда такой серьезный мужчина о тебе беспокоится, ухаживает, желает. Я бы многое отдала, чтобы посмотреть, как меняется его красивое расслабленное лицо, когда горит от страсти, укутаться в его брутальный запах сандала и табака, еще раз испытать блаженное чувство защищенности от его объятий.

Я размечталась, не замечая того, что застыла перед зеркалом. Дико взглянула в отражение на свои раскрасневшиеся щеки. Рассудок говорил мне, что пустые ожидания ни к чему не приведут и такая как я никогда не заинтересует его. Но так хотелось!

Я поспешно вызвала такси и скоро приехала к дому Алтабаева.

— Привет! А где Света? — я удивилась, застав Игоря дома одного.

— У нее не получилось приехать, — беспечно отмахнулся от меня парень и повел в гостиную.

Квартира Игоря находилась в старом доме, но в хорошем районе. Довольно просторная двушка. Парень жил здесь один и поддерживал относительный порядок. Гостиная была обставлена достаточно минималистично, но в ней чувствовался стиль. Огромный кожаный диван, банкетка для ног, низкий столик, плазма, игровая консоль. На противоположной от окон стене висели грамоты в рамках. Из кухни доносился приятный мясной запах.

— Кулинарию, — улыбнулся он мне, — Мясо запеченное будешь? У меня даже вино есть.

— Игорь, ты, что, решил меня соблазнить? — пошутила я.

И по тому, как быстро и серьезно он взглянул мне в лицо, я ужаснулась. Неужели, что-то подобное он и навоображал?

— Нет, я рассчитывал, что мы разработаем план на декабрь и поедем, — сказал он неожиданно охрипшим голосом, — Но если ты хочешь считать это свиданием...

— Я пошутила, Игорь, — я не хотела, чтобы между нами возникло недопонимание, — Мне очень нравится, что ты — мой друг и начальник. Ко мне еще никто так искренне и доброжелательно не относился.

Мне показалось, что Игорь даже выдохнул. Надеюсь, что с облегчением. Я никогда не рассматривала его в романтическом ключе и если бы попыталась, то все только испортила. Вряд ли мы смогли бы общаться как прежде, не испытывая неловкости.

— Все равно предлагаю поужинать и, раз уж у нас не свидание, то я безо всякого стеснения буду по-дружески чавкать и, как начальник, ковыряться в носу.

Мы оба засмеялись, потому, что я знала, что Игорь безупречно воспитан и всегда вел себя, как джентльмен.

Мясо получилось превосходным. Сочным, розовым, душистым. Игорь открывал вино, зажав бутылку рубинового напитка между ног, когда сам завел разговор об отце и его неприятностях на работе.

— На самом деле я нашел несколько несостыковок в отчетах. Потом обнаружил довольно важные документы, которые пропустили и, представляешь, они вообще не были приобщены к делу. Я заметил в них интересную зависимость. Подтянул отцовские связи. Переговорил с несколькими оперативниками. И... — Игорь очень разошелся.

— Ты показывал это отцу?

— Бесполезно, — парень удрученно махнул рукой, — Он и слушать не стал, наоборот, хотел побыстрее от меня отделаться. Сказал не лезть в это дело. Но, понимаешь, то, что я нащупал, — это бомба! Я не могу поверить, что все время под самым нашим носом работала целая преступная организация. Одна из ниточек тянется в подпольное казино. Оно находится в спальном районе. На верхних этажах — «Driftbet» — липовая автошкола. «Ставка на маневр» — поняла название, да? И под этой же вывеской на самом деле скрывается — казино! Мне необходимо туда попасть. Я уверен, что там найду такие доказательства, что помогут убедить отца! — он с восторгом посмотрел на меня.

— Игорь, это же может быть очень опасно! Как ты не понимаешь? Наверняка, Антон Владимирович не зря не хотел, чтобы ты в это лез!

Перемещаясь по кухне, я взмахнула рукой рядом с ним, когда жестикулировала. Игорь внезапно перехватил мою руку и прижал к своей груди. Я застыла, задерживая дыхание.

— Осторожно, — еле успел выговорить он и показал глазами на бокал вина, находившийся в опасной близости от края стола. Однако от резкого движения бокал не удержался и опрокинулся на его светлые брюки. По ткани сразу начало расплзаться безобразное красное пятно.

— Игорь... О, Боже! Я такая неловкая. Это нужно срочно застирать.

— Это ничего, я сам.

Алтабаев побежал в ванную. Перекрикивая шум льющейся воды, он горячо убеждал меня:

— Я уже не отступлюсь. Когда я подобрался так близко...черт... — послышался непонятный шлепок. — Я сейчас. Дай мне пару минут.

Я убрала разлитую лужу вина. Бокал не разбился. Хоть на этот раз удалось не разнести чужое имущество.

Игорь все не выходил, и я, заскучав, прошла в гостиную. Я сразу же обратила внимание на его грамоты, а теперь как раз можно было бы их рассмотреть.

Там были школьные награды, несколько дипломов на иностранном языке, именной грант на обучение в Лондоне в рамочке, а в самом углу висел Диплом победителя, занявшего I место на Всероссийском художественно-экологическом конкурсе «Каждый по возможности. Вместе сила». Номинация «Фотография».

Я буквально физически почувствовала тошноту, подступившую к горлу. Перечитывала и перечитывала надпись. Я не могла поверить, что Игорь был на этом самом конкурсе! Наверное, он меня там видел! Руки затряслись. Неужели это он — мой наблюдатель?! Как можно в такое поверить? Я зажала себе рот, чтобы не издать ни звука. Еле стояла на ногах и начала медленно пятиться к стене, ища опору. Неожиданно стены за мной не оказались. Получилось так, что спиной я шагнула за неприметную с виду дверь маленькой кладовой комнаты. Я растерянно вертела головой: кладовка была залита красным светом, на маленьком столике в странных ванночках был налит какой-то раствор. А на растянутой веревке, как белье на прищепках, висели фотографии.

Мои фотографии!

На каждой была я!

Карточки в половину листа А4, за уголок прицепленные к веревке. На них мое лицо и мое тело!

Вот я, обернувшись вполоборота, стою у окна в институте. Вот застигнута врасплох на остановке в ожидании автобуса. А вот в доме Пантелеева, в моей спальне! На фото я за столом рисую или делаю уроки — съемка велась скорее всего через окно. О, Боже! Тут были даже мои фото, когда я, едва одетая, примеряла новый костюм и крутилась перед зеркалом. Это было в вечер нашего выхода на презентацию. Какой стыд! Это недопустимо! Разве это не преступление?

Значит я была права, когда чувствовала, что за мной кто-то наблюдает. Это было на самом деле!

Я потрясла головой, будто пытаюсь сбросить с себя морок. Нет, все равно не верю! Я зажмурилась и снова открыла глаза, но все оставалось на своих местах. В голове шумело так,

как если бы меня чем-то крепким приложили по затылку. Мне хотелось бежать куда глаза глядят, главное подальше и побыстрее. Но этому не суждено было случиться. Когда я обернулась, у двери стоял Игорь.

Парень молчал и не двигался, как манекен. На секунду мне показалось, что он остолбенел. На его лице застыло состояние крайнего испуга. «А он сам-то видел эту комнату?» — пронеслось у меня в голове. Мне тут же захотелось дать самой себе подзатыльник. Ну, естественно, он не мог не быть в курсе, ведь это же его квартира!

— Я тебе сейчас все объясню! Это совсем не то, что ты думаешь! — завопил Алтабаев, и его голос почти сорвался на визг.

— Игорь, у меня нет слов! И я не жду их от тебя, — я старалась говорить убедительно, но твердо. Я где-то читала, что психов нельзя пугать, а нужно демонстрировать уверенность. — Ты все объяснишь, но не сейчас. Дай мне уйти!

— Нет, ты потом напридумываешь себе непонятно чего и даже шанса мне не оставишь! Я не могу допустить, чтобы ты меня избегала. Пожалуйста, Женя! Я молю тебя!

Это было просто невыносимо. Я должна была вырваться любым способом. Я полностью отдавал себе отчет, что ситуация предельно безумна!

— Ты меня, что, будешь тут удерживать?

— Нет, что ты? Ни в коем случае! — от моего предположения Игорь пришел в ужас, — Женя, ты сейчас шокирована, но ты сама будешь смеяться, когда узнаешь правду! — он попытался расслабить меня и улыбнуться.

От этого стало только хуже. Его дрожащий голос, нелепая кривая улыбка, больше похожая на клоунскую гримасу... Я смотрела на Алтабаева и не находила в этом жалком, неуверенном в себе человеке моего друга.

Он сделал шаг назад и прошел в комнату, как бы приглашая меня последовать за ним. Показывать страх было нельзя. Выражать желание сбежать — опасно. Мне нужно было его успокоить.

Не чувствуя под собою ног, я вышла из кладовки и села на самый краешек дивана ближе всего к двери. Игорь встал на достаточно большом расстоянии от меня и отвернулся. Он надсадно дышал и сжимал руками лоб. Парень был очень расстроен и его поза не выражала абсолютно никакой агрессии. Но кто же скажет, что может случиться через минуту? «Если что-то пойдёт не так, я схвачу пульт или приставку и шарахну его, а потом попробую ударить» — решила про себя.

— Прости меня, Женя. Я — осел! Я виноват и на самом деле сильно. Лучше даже не прощай! — грустно начал он, — Все началось, когда я купил новый фотоаппарат. Я долго хотел именно эту модель, и вот эта оптика и сыграла со мной злую шутку. Потому что после того, как приобрел, все никак не мог найти тему, которая была бы достойна для запечатления.

— И что, оказалось, что это — я? — уточнила скептически ухмыляясь.

— Оказалось, что — ты, — согласился Игорь без малейшей тени улыбки, — Мне все хотелось найти идеальную модель, такую же, как и сам фотоаппарат. Когда я в первый раз встретил тебя на ужине, мне показалось, что ты — играешь. Что ты не можешь быть такой, наивной, что-ли... извини, — он быстро отвел глаза и продолжил, — Я сделал тогда незаметно пару снимков и потом, когда распечатал дома, то — обомлел! То, что я увидел на кадрах, поразило меня. Ты не позировала, не представлялась кем-то другим. Ты была такая живая. Живая и красивая! И самое главное было то, что ты, Женя, даже не осознаешь

насколько ты красива! Я захотел тебя целый альбом. Я подумал, что будет здорово через пару лет, когда большой город изменит тебя, подарить тебе этот альбом, чтобы ты помнила себя настоящую. Ты первое время ходила такая рассеянная и погруженная в свои мысли, что делать незаметные снимки не составляло труда. А в последствии, когда мы уже начали плотно общаться почти перестало удаваться. Я никак не мог поймать тебя в нужный момент — ты сразу меня замечала. Тогда я решил подобраться к твоему дому и сфотографировать тебя, когда ты точно этого не ожидаешь! Я сам сейчас понимаю, как ужасно это звучит. Но это правда.

— Игорь, то, что ты сейчас рассказываешь... я не знаю, как это назвать! Это просто возмутительно! — я кипела.

— Да-да! Я согласен! — горячо подтвердил Алтабаев, быстро кивая головой, — Но я никогда не хотел причинить тебе вред! Те фото перед зеркалом вышли случайно! Я не знал, что ты будешь переодеваться. Клянусь, я не смотрел. Честно. Я даже не снимал ниже твоих ключиц. Я просто не мог остановиться, не знаю что на меня нашло. Помутнение какое-то! Это было только один раз. Господи, я подумать не мог, что так все получится...

Вся его сгорбленная фигура с понурыми плечами выражала полное сокрушение и раскаяние.

— Я знаю, что сам все испортил. Ты, наверное, больше никогда не будешь мне доверять. Просто скажи мне сейчас что-нибудь. Женя! Одно твое слово!

Я молчала, а на нем лица не было.

— Игорь, а когда ты купил этот фотоаппарат? — осторожно спросила я, пытливо глядя ему в глаза.

— Полгода назад, — он не ожидал от меня такого вопроса.

— А почему ты мне рассказываешь только про фотографии? Это же твое помутнение... или, я не знаю, как назвать... давно же началось. Так ведь? Можешь не отпираться! Я посмотрела твои грамоты и дипломы...

— А они тут при чем? Я не понимаю.

— Странно, потому что я думала, что мы будем говорить начистоту. Я видела! Видела твой диплом со Всероссийского конкурса. Тот, где я тоже участвовала! — я направила в угол свой обличительный палец.

— Да? — его взгляд выражал полное недоумение.

Алтабаев даже подошел к диплому и снял его со стены, чтобы рассмотреть поближе.

— Женя, я не знаю, почему ты меня именно о нем спрашиваешь. Я тогда учился в Англии и присылал домой фотографии. Это мое давнее увлечение. Одну из них отец отправил на конкурс. И она выиграла. Вот и все. А ты почему заинтересовалась? Ты тогда тоже фотографией увлекалась?

Я растерялась.

— Ты был в Англии и не ездил на сам конкурс?

— Говорю же тебе — нет! Я не понимаю, почему это сейчас тебе так важно, но я получил грант и по правилам приезжал за два года только два раза. Оба на летних каникулах. Я бы не стал рисковать учебой ради какого-то конкурса, пусть даже и Всероссийского.

Я сидела, сжав виски холодными пальцами, и смотрела в пол. Мне нужно было сосредоточиться, потому что, если Игорь не обманывал, то это многое меняло.

— Это хорошо, что мы сразу поговорили, — наконец решилась я. Игорь все это время терпеливо мялся в углу, не смея ко мне приблизиться, — Но...

— Нет, Женя, пожалуйста! — он кинулся мне в ноги, не давая закончить фразу — Не бросай меня! По крайней мере сейчас! Я — дурак! Я — вислоухий осел! Но сейчас мне так нужна твоя помощь в этом деле с казино! Я один не справлюсь! Хочешь сожгу все эти фото. Я выкину, разобью этот кретинский фотик!

Он схватил, лежащий на диване фотоаппарат, и кинулся открывать окно.

— Игорь, не нужно! Не поступай так!

В парне была такая бешеная решимость, что я подошла к нему и постаралась мягко забрать из его рук дорогую технику.

Игоря сотрясала дрожь. Онемевшие пальцы были крепко сомкнуты на объективе. Я разжала их по одному. Алтабаев не сопротивлялся.

— Как же ты будешь разоблачать преступность, если не сможешь делать качественные снимки? — я поджала губы, чтобы не улыбнуться, — Я не отказываюсь от своих слов и помогу тебе с казино. Но после этого дела мы больше не будем вместе работать. Никогда. Ты понял?

Глава 11. «Казино»

I

К нашей «операции» в «Driftbet» мы готовились тщательно. Я бы даже сказала дотошно. Во мне боролось несколько чувств: радость и облегчение, потому что пока, на этот короткий миг я сохранила общение с другом; смущение, вызванное ужасным поступком Игоря и грусть, от предстоящего неминуемого разрыва.

Игорь не показывал ни досады, ни разочарования, он будто принял условия игры и смирился.

— Так, давай еще раз пройдемся по роли, — требовательно, но не грубо.

Он уже в десятый раз терзал меня, заставляя снова и снова повторять один и тот же текст.

— Я — Оксана Петрова. Представляюсь, как Окси. Твоя подружка. Взбалмошная поверхностная, смешливая и глупая, но красивая, — тут я скривила страшную рожицу, а Игорь при всей серьезности не смог удержать смешок, — Я — нигде не учусь и не работаю, но считаю, что жить с парнем — это тоже работа. Про своего парня знаю, что ты сын владельца торговых центров где-то за МКАДом и Окси этого достаточно. Вот.

— Как меня зовут?

— Серееееженька... — протянула я с придыханием.

— Отлично! Окси, ты — просто конфетка! — он улыбнулся одними губами, но все лицо по-прежнему носило печать напряженности, — Ты ничего не забыла?

— Нет, я помню расположения игровых помещений и туалетных комнат. Через час после прибытия ты пойдешь в сторону технических помещений, а я останусь следить за охраной и если увижу какой-нибудь нехорошие движения в твою сторону, то пойду наперерез, разыграю обморок и попрошу вызвать мне скорую.

— Еще? — он недовольно хмурился.

— Если охрана не переключилась на меня полностью, а разделилась, то говорю, что позвоню семейному доктору и наберу твоему старшему брату и продиктую ему адрес, куда приезжать, и он нас вытащит. Но этим пользоваться только в крайнем случае.

— Да, в самом крайнем! Но ты не волнуйся, такого не произойдет. Там в охране всегда два человека дежурят. Если хотя бы одного задержишь, то считай, что дело сделано. Главное, кричи громче и помни кодовое слово. Я, как услышу: «Врача!», сразу срываюсь, все

сворачиваю и, как ни в чем ни бывало, выхожу, будто искал собачку.

— Вот увидишь, я справлюсь! Неужели это, правда, может быть уж настолько опасно? — я старалась говорить убедительно и, всматриваясь в глаза парня, искала подвох.

— Не знаю, — как-то рассеянно протянул Алтабаев и неожиданно спросил, — Как зовут собачку?

— Ааааа... Споки? — тут он меня подловил, — Ой, нет-нет — Смоки?!

— Да, Смоки! Еще раз все на ночь прочитай! И запомни через час, после нашего прибытия, ты выходишь в туалет и незаметно отпускаешь Смоки к служебным помещениям. Вернувшись к столу, притворно охаешь, но, как будто не в силах оторваться от игры, поэтому собаку иду искать я, а ты продолжаешь игру за меня. Смотри, пока меня нет, делай большие ставки (бюджет позволяет), отвлекай, привлекай внимание. Главное, что?

— Главное, покер — нет! рулетка — да!

— Умница! Пока меня не будет, не суйся в непонятные углы, будь на виду в центре зала у рулетки.

— Игорь, у нас же еще два дня до большой субботней игры, я все запомню наизусть. И, вообще, это же в столице заведение! Если бы там было так уж страшно, то люди бы там не собирались.

— Ну, знаешь, Женя, было бы корыто, а уж свиньи найдутся. Так что не обманывайся! Знай — там опасно! Люди, которые собираются в этом подпольном казино, не из простых и нам просто нельзя ошибиться! Но, если все сделаем четко, то все будет хорошо. — строго подвел итог Алтабаев, — А сейчас собирайся, едем тебе за платьем!

— Как это?

— Женя, давай без этих штучек! — он в нетерпении закатил глаза, — У тебя есть вечернее платье?

— Есть у меня нарядное платье, — проворчала я.

Мне даже как-то стало обидно от его тона.

— С пайетками? В пол? Может быть с открытыми плечами или декольте?

На это я промолчала. Он все правильно понял.

— Не упрямясь. Собирайся, пожалуйста, — сказал Игорь уже мягче.

Мы приехали с Игорем в уже знакомый мне торговый центр. Только в этот раз я была в самых дорогих и гламурных магазинах. Алтабаев оказался очень взыскательным критиком. Он цеплялся к любой мелочи. То платье было слишком откровенным, то наоборот слишком закрытым и строгим. То наряд, по его мнению, был слишком простецким и дешевым, то привлекал слишком мало внимания, то слишком много.

После двух часов поисков, бесконечных переодеваний и мотания нервов девушек-консультантов, мы, наконец, нашли то самое платье. Изумрудное, струящееся, из натурального шелка, с открытой спиной. Оно делало мою фигуру совершенной, будто выточенной из куска мрамора. К нему подобрали полушубок из белоснежного песка. Это сразу придало образу мягкости и очарования. Еще Игорь настоял на классических лодочках на высокой шпильке и почти разозлился, когда я начала отказываться от покупки белья.

Впрочем, новое белье я все-таки приобрела, но уже сама. Оказалось, что швы на моих хлопковых трусиках были слишком заметны под нежной невесомой тканью платья, поэтому я приобрела бесшовные стринги. Правда, за такую безумную сумму, что и сказать страшно. Платье не предполагало бюстгальтера, но меховая накидка давала себя чувствовать себя вполне комфортно. И все равно в ярком свете примерочной я не узнавала себя. Кто эта

дерзкая, уверенная незнакомка, смотрящая на меня моими зелеными глазами?

Я понимала, что это игра на один вечер, но все равно очень сильно волновалась. Особенно когда поняла, что все придирки Игоря, потому что парень сам нервничал.

Собачку, померанского шпица, по кличке Смоки (вроде бы даже запомнила), Алтабаев договорился взять у очередной девушки кого-то из братьев. Игорь внимательно осмотрел меня, но, даже несмотря на его взвинченное состояние, заметно было, что остался доволен. Парень справедливо заметил, что не хватает украшений, но обещал это решить, позаимствовав на вечер из мачехиной шкатулки.

Когда я приехала домой с пакетами, то в дверях столкнулась с Олегом. Кроме «Привет» и «Пока» все дни, что прошли после ужасного вечера в его клубе, мы не сказали друг другу не слова. Он, собиравшийся уезжать, видимо, передумал и, подхватив мои сумки, понес их в мою комнату и оставил у самого входа. Он даже не прошел за мной в спальную, как будто что-то удерживало его на пороге.

Олег стоял в коридоре, не решаясь сделать шаг в комнату или покинуть коридор. Просто молчал.

— С кем ты сейчас проводишь время после учебы? — спокойно спросил он.

— С Игорем, у нас дела. Мы работаем над новым проектом, — ответила я, встав на середину комнаты и гордо задрав подбородок.

Меня раздражало его показательное избегание. Я не могла не заметить, что после того, как узнал про меня несколько новых фактов, то шарахался, как от прокаженной. Мне по-прежнему хотелось как-то наказать Олега, как-то задеть. Хотелось показать, что есть люди, которые могут нормально со мной общаться, просто это не он.

— Вот как? — протянул парень. Но мне показалось, что на самом деле он не был удивлен, — Опять статья?

— Типа того, — я кивнула, — Скорее расследование.

— Ой-ой! Просрочку в магазине нашли? — захохотал он в притворном изумлении, — Нет, вы раскрыли бандитский заговор в студенческой столовке: преподавателям больше компота наливают, чем студентам из Воронежа?

— Подпольное казино, — выпалила я, прежде чем поняла, что давно уже нужно было остановиться.

— Что? — его брови изогнулись и поползли на лоб.

А я уже сама была не рада своей тупой болтливости.

— Ничего. Забудь, — пробормотала я быстро.

— Женя! — Олег все-таки шагнул в комнату, — Не надо тебе в такое ввязываться. Не ходи с ним никуда.

— С тобой только можно? — эту фразу я с удовольствием выплюнула ему в лицо.

— Женя. Прости. Ты, наверное, злишься на меня за клуб, и это справедливо. Но сейчас послушай меня и откажись от... чего бы вы там ни задумали... Этому кретину нельзя доверять.

Олег не стал настаивать. Договаривал он, вообще, горячей скороговоркой и, под конец смутившись, вышел, прикрывая за собой дверь.

Вот это да! Два раза «Женя» и ноль раз «Чудо» — ну и что это, если не чудо?

Утро субботы в день большой игры выдалось тягучим и задумчивым. Я долго блуждала в сумерках по комнате, то складывая в одну кучу все вещи, которые мне были необходимы для сборов, то раскладывая их по кровати. Все еще находясь в полудреме, машинально вертела в

руках онемевший телефон и вздрогнула, когда раздался звук пришедшего сообщения.

«Только попробуй и ты пожалеешь»

А следом еще одно:

«Я запрещаю тебе идти туда»

Я зябко поежилась и передернула плечами. Отличное «доброе утро»! Как будто нормально со мной общаться нельзя. Этот мой наблюдатель вел себя все более властно и подавляюще. Еще ни разу я не пробовала ему противостоять. По большей части мои жалкие протесты, если и возникали, то просто игнорировались. Он держался так, как будто играл роль строгого отца. Только вот он одного не учел: папа мой умер, да и я давно уже выросла.

Конечно, на меня произвели впечатления его угрозы. И, конечно, я не собиралась отказываться от намеченного плана. Поэтому решила не нарушать традицию моего одностороннего молчания и оставить сообщения без ответа.

Подготовка к вечеру должна была занять много времени, так что собираться, чтобы все сделать идеально, нужно было сразу после завтрака.

На кухне подозрительно тихо сидел Олег, необычно рано поднявшийся для выходного дня. Когда я вошла, он оторвался от смартфона и провожал все мои перемещения по кухне долгим изучающим взглядом.

— Даже не будешь никак комментировать мой выбор? — я кивнула на свои тарелки с блинчиками и яичницей.

— Не буду, — хмуро отозвался Олег.

— Совсем на тебя не похоже. Плохо спал? — елеиным голосом уточнила я.

Я не знаю, почему никак не могла прекратить его цеплять. Мне это приносило какое-то особое удовлетворение.

— Да, плохо. Одеялко ночью сползло, а ты так и не пришла его поправить, — вяло огрызнулся.

Я в ответ на это только громко фыркнула.

— Ты куда-то собираешься? Займешь ванную на нашем этаже?

— Я уже все. Мне выезжать нужно, но я тебя ждал. Уже час сижу.

— Зачем?

Я не испытывала ни малейшего укола совести, пусть бы и два часа сидел. Но мне на самом деле стало любопытно.

— Сегодня у Олески в рехабе первый день, когда друзьям посещения разрешены. Стефан очень просил приехать к ней, боится, что иначе она может сорваться. А это другая область. Назад я вернусь только завтра. Остановлюсь на ночь в гостинице, — тут он выдержал приличную паузу, — Ты не передумала на счет этого вашего с додиком «расследования»?

— Нет, не передумала, — меня покоробил его пренебрежительный тон.

— Я могу тебя как-то отговорить от этой затеи? — спросил он, меняя тон на более мягкий.

Я посмотрела в его глаза и увидела в них такое искреннее беспокойство, что незаметно до боли ущипнула себя ногтями за запястье. Нет уж, на этот раз я не куплюсь!

— Олег, какое тебе вообще до этого дело? Вот тебе Олеся — друг, и мне Игорь — друг. А друзей не подводят, верно?

— То есть, если я не поеду к Олесе, то ты не пойдешь никуда со своим задротом? — он лукаво улыбался.

— Прекрати Игоря так называть! И нет, ты опять все переворачиваешь! Я даже обсуждать больше ничего не хочу.

— Ок, — он кивнул и поднялся, — Позвони мне тогда, как будешь дома. Даже, если будет совсем поздно.

Все-таки это было странно, что уже два человека настойчиво отговаривали меня от похода в казино. Только вот, если Олегу я сама проговорила, то осведомленность сталкера принесла новое смутное беспокойство.

Сборы заняли все оставшееся до приезда Игоря время. Волосы после крупных бигудей удалось уложить блестящими ровными волнами. Кожа из-за применения скраба и масок светилась свежестью и здоровьем. Я использовала самый минимум косметики: только стрелки и алую помаду. Под платье и меховую накидку это подошло самым изумительным образом.

— Ты, знаешь, говорят, что красота — это открытое рекомендательное письмо, заранее завоевывающее сердце*. Но я думаю, что сегодня ты способна завоевать весь мир! — такими словами меня приветствовал вошедший Алтабаев.

— Нам не надо мира, Игорь, хватит и той информации, что успеешь найти, — тихо сказала я, покраснев под его взглядом.

— А вот и твоя Смоки, — заметив мое смущение, парень быстро протянул мне собачку. Это был очаровательный белоснежный песик. Комочек непередаваемой милоты и радости. Так и хотелось его потискать! Я сразу взяла его на руки и, поднеся к лицу, ласково подула на шерстку между ушек. Смоки довольно зажмурился и твякнул, кажется, что-то признательное.

— Смотри, что у меня есть! — Игорь полез в карман и достал красную бархатную коробочку.

Когда он открыл ее, я увидела, что на белой гладкой подушечке лежал комплект: сережки и кольцо. В белом золоте с камнями насыщенного травянисто-зеленого цвета. Они так прекрасно переливались при теплом приглушенном свете холла, что я даже не представляла, как же камни засверкают на самом вечере в казино.

— Это что, настоящие изумруды? — поразила я.

Он удовлетворенно кивнул.

— Игорь, а это не слишком?

— Ну, что ты, Женя — в самый раз. Вот, если бы ты пришла без украшений, то это было бы — слишком! Слишком подозрительно.

— У тебя точно не будет проблем из-за этого? — максимально серьезно спросила я Игоря, когда его подрагивающие пальцы, касались моей шеи, пытаясь застегнуть замок украшения.

— Это на один вечер, а завтра я все положу обратно в сейф.

Всю дорогу до казино я оглаживала свою шею и ключицы, кольцо хотелось трогать постоянно. Крупные камни приятно охладили кожу и даже как-то успокаивали.

— А ты знаешь, — обратился он ко мне, пока мы еще были в пути, — что изумруд — магический камень? Он открывает способности видеть будущее, а также узнать правду. Древние прорицательницы даже клали его под язык, и тогда их предсказания полностью сбывались.

— Ну, тогда успех нам сегодня гарантирован! — я ободряюще улыбнулась парню.

* А. Шопенгауэр

Вход в казино предваряло небольшое помещение, где находился обменник. Здесь нужно было поменять деньги на фишки. Минимальный лимит сегодняшнего вечера составлял триста тысяч с каждого гостя, а максимальный не имел предела. Игра предстояла действительно крупная.

У меня чуть глаза на лоб не полезли, когда нам озвучили сумму. В этот момент я, кажется, слишком сильно сжала Смоки, отчего песик рассерженно твякнул, возвращая меня к реальности и заставляя вспомнить о правилах игры. Игорь же и бровью не повел, а оплатил нам фишек на шестьсот тысяч. Что ж, назвался груздем, полезай в кузов. И мы полезли...

— Большие мальчики — серьезные ставки, — прокомментировал для меня Игорь.

Нас провели темным коридором, который переходил в ярко освещенный огромного размера зал. Высота потолков составляла этажа три, не меньше. Ну, ничего себе — подпольное казино! Не очень-то ребята и скрывались!

Вначале от нервозности я слишком быстро припустила вперед, но Алтабаев твердо поймал меня за руку и, положив мою ладонь поверх своего локтя, успокаивающе погладил. Дальше мы продвигались уверенно, размеренным легким шагом.

Вокруг все было оформлено в багряных и золотых тонах. Всеми оттенками охры переливалась великолепная многоярусная люстра. Мебель была тяжеловесная, украшенная витиеватыми резными вензелями. Центр зала занимал стол с рулеткой. Около него уже собралось немало гостей. По краям зала были установлены столы с зеленым сукном, на некоторых были нанесены, может быть даже мелом, непонятные для меня обозначения. Там сидели игроки с картами в руках. Наверное, преферанс и покер. Один крупье так ловко перетасовывал колоду карт, что я загляделась.

Больших трудов стоило мне казаться непринужденной. Из-за масштаба сегодняшнего мероприятия, кроме игры гостям предлагали небольшой фуршет с легкими закусками и алкоголем. На самом деле это было очень кстати, ведь я сильно проголодалась, потому что кроме завтрака не смогла больше впихнуть в себя ни крошки. «Может ли быть более раскованным человек, чем во время еды?» — подумала я, направляя тарталетку с икрой себе в рот. Смоки, неотрывно глядя на исчезающие из-под его носа явства, обиженно облизнул свой маленький смешной носик. Пришлось угостить и его.

Когда я веселилась над тем, как умильно песик поглощает лакомства, то краем глаза заметила несколько обращенных на меня взглядов. А ведь уже при входе в зал я про себя подметила несколько повернутых в мою сторону голов. Сейчас полученный интерес был уже слишком явным. Меня бросило в жар. В другой раз я бы несомненно сбежала, но сегодня только расправила плечи и, захватив бокал красного вина, присоединилась к Игорю, делавшему ставки у рулетки.

Это было самое шумное место в помещении. Не повышал голос только крупье. Четко поставленным голосом он отдавал команды и запускал в путешествие по ступенчатому циферблату белый шарик. Некоторым он приносил удачу, а другим — разочарование. Один прикладывал руки к груди и с губ срывался почти молитвенный стон, а второй зло взвизгивал, не сумев скрыть раздражения. Кто-то уходил, но на его место пропихивались сразу двое вновь прибывших.

Я беззастенчиво разглядывала игроков, явившихся в этот час по зову страстей и представлявших собой весьма забавное и в тоже время печальное зрелище. Массивный

лысеющий мужчина с отдышкой утирал сбегающие за воротник дорожки пота белым шелковым платком. А позади него, держась за спинку стула, стояло такое прелестное и юное создание, что по возрасту годилось мужчине разве, что только в дочери. Эта девушка, «эскортница», как шепнул мне Игорь, каждый раз когда, когда мужчина выигрывал, наклонялась и целовала его в блестящую лысину. А если его постигал проигрыш, то утешающе похлопывала по плечу. В один момент он не выдержал и с прытью, которою в нем никто бы не смог заподозрить, вскочил, вывернул ей руку и, отпихнув от себя, снова сел к рулетке. Девушка, постояв минутку в стороне, видно, не сильно обидевшись, снова подошла и встала за его спиной.

Почти напротив нас стояла пара «наоборот». Это была стареющая, элегантная дама, одетая с большим вкусом, я бы даже сказала, роскошно, а сопровождал ее парень моложе более чем на двадцать лет. Освещение зала было безжалостным и не давало обмануться на этот счёт. Дама вела себя сдержанно, а вот ее кавалер был словно в горячке. Он размахивал руками и ударял себя по коленям кулаком, с такой силой, что к ночи они точно превратятся в сплошной синяк. Женщина не спускала с него глаз. Ловила каждый жест и выкрик, следила зорко и неотрывно и только морщилась на его взрывы эмоций, но терпела. Она убивала здесь время, которого ей оставалось и так не много.

Присутствовали и заядлые игорки. Даже я, своим неопытным взглядом, могла их безошибочно распознать. Это были разные люди, внешне не имеющие ничего общего ни по возрасту, ни по виду, но со схожими чертами поведения. Они были чересчур бледны, слишком сконцентрированы исключительно на игре. Их грудная клетка не двигалась, не давая возможности совершить вдох и выдох, все время, пока шарик, совершал свой бег по цифрам.

Но находился среди этой пестрой толпы и один очень неприятный тип. Он был одет в рубашку, темные брюки и костюмную жилетку. Его толстые волосатые пальцы украшали крупные золотые перстни. Он посматривал на меня плотоядно и, когда наши взгляды пересеклись, то сделал такое движение ртом, как будто облизнулся. Это было отвратительно!

Игорь ставил то на черное, то на красное. Несколько раз выиграл. Наверное, столько же проиграл. Он довольно равнодушно следил за тем, что происходило за игорным столом. Я же, на деле разобравшись, как тут все устроено, не на шутку увлеклась. Только после того, как Игорь в который раз нетерпеливо посмотрел на часы, поняла, что пришло время действовать.

Ноги стали ватными, а на лбу выступила испарина, но я, прошелестев одними губами: «Сереженька, милый, я отлучусь припудрить носик», оторвалась от стола и двинулась в сторону уборной. Покрутившись у зеркальной стены минут пять и расстегнув пряжку на одной моей туфельке, я вышла, но направилась не в центр зала, а взяла сильно левее, к той стороне, где должны были находиться технические помещения. Я знала, что на мероприятиях с крупными ставками камеры внутри помещения не вели запись, работало только наружное наблюдение. Казино всем высокочтимым гостям гарантировало полную конфиденциальность. Поэтому сегодня следить за порядком призваны были одни лишь сотрудники службы безопасности. Так что если мы сработаем чисто, то у охраны останутся только наши словесные портреты и подозрения. Но в тот момент меня это не сильно успокаивало.

Добравшись до затемненного коридора, ведущего к нужным нам помещениям, и, встав к

проходу спиной, я сделала вид, что только что обнаружила расстегнувшийся замочек. На негнущихся ногах я присела, стараясь сделать это максимально элегантно. Одной рукой я возилась с замочком, а второй пыталась отпихнуть Смоки подальше от себя. Собачка первое время ничего не понимала и скакала вокруг меня, но скоро ей это поднадоело и она, весело виляя хвостиком, понеслась исследовать новое пространство.

— Вам помочь? — голос прозвучал прямо надо мной.

Это произошло в тот момент, когда я, удостоверившись, что собачка отбежала на приличное расстояние и скрылась за поворотом, уже собиралась подниматься. Сначала передо мной возникли начищенные мужские ботинки, и все равно вопрос прозвучал слишком неожиданно. Я выпрямилась, с трудом удержавшись, чтобы не упасть. Когда я покачнулась, мужчина, это был тот мерзкий тип, которого я встретила у рулетки, попытался схватить меня за предплечье. Но я так резко дернулась, что он поймал только воздух.

— Не прикасайтесь ко мне, — громко и четко произнесла я. Даже самой понравилось.

— Я лишь хотел быть полезным, — попытался оправдаться мужчина.

Но я смерила его самым презрительным взглядом из всех, на которые была способна, и поспешила к Игорю.

И вот тут я разыграла настоящую драму. Прямо посреди очередной партии я картинно посмотрела на свои пустые руки, под ноги, заглянула под стол и, схватившись за сердце, во всеуслышание объявила:

— Сереженька, дорогой! — мой голос прозвучал максимально противно, — Мне, кажется, что я сейчас умру!

— Мммм? — Игорь делал вид, что увлечен игрой.

— Смоки?! Мой Смоки! — уже во весь голос вопила я, — Он пропал! Ах, мы встретили противного мужчину у туалета. Он напугал нас! Может быть, это вообще был его план! Ах, милый, иди, верни мне Смоки!

Мне самой было смешно от моего нарисованного образа. Я убивалась, хватала Алтабаева за руки, добавив в голос трагизма, причитала, что не смогу жить без милого песика, и требовала «хоть из-под земли мне его достать».

Сначала Игорь пытался стойко не обращать на меня внимание, но все же сделал вид, что сдался и раздраженно проворчал: «Да, кому нужна эта псина? Он просто убежал! Сейчас найду», пошел к уборным.

Я попросила у официанта холодного шампанского и, выпив его залпом, как бы желая прийти в себя, рассеянно коснулась рукой фишек. Взяла три штуки наугад и поставила на красное. Я вертела головой во все стороны, выискивая охрану, но все было спокойно. Даже слишком.

«Красное», — объявил крупье и специальной лопаточкой пододвинул ко мне еще пять кругленьких жетончиков.

Тогда я все восемь фишек снова поставила на красное. «Красное», — снова невозмутимо объявил крупье. На меня посмотрели с любопытством, когда он пододвинул ко мне небольшую горку фишек. Недолго думая, обеими руками я передвинула все жетончики на пятнадцать черное. Завертелось колесо.

Волей-неволей, но все-таки было что-то в этой игре такое, что подчиняло и завораживало. Я как будто выпала из реальности.

«Пятнадцать красное», — услышала я и отмерла.

Краем глаза я увидела, как сотрудники службы безопасности принялись что-то слишком

суетиться и собрались у входа в том самом коридоре. На сколько же времени я выпала? Нехорошее предчувствие тянуло душу. Неужели они что-то заподозрили и теперь перекрывали проход? Как долго это уже продолжалось?

Ребят в черной одинаковой форме уже скопилось человека четыре, хотя Игорь уверял меня в малочисленности охраны. Беспокойно забилося сердце. Мне нужно было спешить, чтобы Игоря не успели обнаружить.

Я пошла к туалетным комнатам. Чтобы не привлекать лишнего внимания, специально замедляла шаг, стараясь выровнять дыхание и усмирить бешено колотящееся сердце. Один из охранников достал рацию и что-то в нее докладывал, прикрывая рот рукой. Ох, только бы не опоздать и все не испортить! Сомневаюсь, что нам выпадет второй шанс.

— Я... мне, кажется... мне плохо, — простонала я, приблизившись к парням в форме.

Чувствовала себя я и правда паршиво. Вот-вот и хлопнулась бы в обморок. Я никак не могла сконцентрироваться и вспомнить, что же делать дальше? Они стояли твердо, широко расставив сильные ноги, и не посмотрели в мою сторону, не услышали. Я, держась за стену, придвинулась еще ближе.

С другого конца зала к ним наперерез практически бежали еще пара охранников. Да... нехилая выходила заварушка.

— Ребят, у меня кружится голова, — сказала я уже громче.

— Позовите ВРАЧА! Мне нужен ВРАЧ!

Это слово я особенно выделила, выкрикнула в коридор, где должен был быть Алтабаев.

Попутно, я пыталась вытащить из сумочки телефон. Но его было так трудно выцепить непослушными пальцами.

Чтобы не светить машину, мы с Игорем приехали на такси. И сейчас самым лучшим было бы сразу вызвать автомобиль, чтобы запрыгнуть в него, как только мой друг появится. Но проделать все это одной рукой оказалось чертовски трудной задачей.

Наконец, мужчины отреагировали и повернулись ко мне.

— Что случилось? — голос старшего прозвучал недовольно.

То, что он тут начальник, я поняла сразу по его позе. Он один не повернулся ко мне полностью, а так и остался стоять в пол оборота. На непроницаемом лице ничего не возможно было прочесть, но вся его настороженная поза выражала готовность проявить агрессию.

— Сейчас босс подъедет. Но колоть надо сразу же! — это он уже бросил остальным.

Я похолодела. Про кого они говорят? Разгадка лежала на поверхности, но я не могла до конца в это поверить.

Я машинально посмотрела в телефон. На экране высветился уже ненужный сервис такси. Загрузилась карта с обозначением улиц и домов. Геолокация определила мою точку. Может мне сделать скрин экрана и отправить его брату Игоря? Мы не готовились к такому исходу, не проработали детали!

— Шеф, эта с ним. Они тут вдвоём терлись и разнохивали весь вечер, — подступил почти вплотную ко мне один из качков.

Я почувствовала всю реальность нависшей надо мной угрозы.

— Я собачку потеряла, — дыхание сбивалось, я паниковала, но продолжала что-то лепетать, — Мне плохо. ВРАЧА вызовите! Я переволновалась. Помогите найти песика...

Я сама не понимала, что плела, потому что в этот момент старший кивнул и меня, больно схватив за руки, потащили в сторону служебных помещений.

— Вы не имеете права! Вы за это ответите! Вы знаете, кто я такая? — я блефовала.

На это никто даже не отозвался.

Они действовали быстро и грубо. Не церемонились и ничего не боялись. Никто из гостей не заметил происшествия с очередной глупой размалеванной девицей! А даже если и заметили, то никто не рвался мне на помощь.

В этот момент одна из дверей открылась, и из боковой комнаты поддерживая под локти, практически вынесли человека. Он не мог идти сам и при каждом шаге оседал на пол. Но его волокли дальше. Он был одет в костюм Игоря. Я содрогнулась. Все лицо было в крови. Когда мы поравнялись, он поднял на меня взгляд и там было столько сожаления, что я не выдержала и отвернулась.

Я чувствовала, что плачу. Слезы просто текли по щекам и капали на красивое зеленое платье. Никому ничего сообщить я не успела и, если Игорь, еще надеялся спастись, то я уже знала, что подвела его.

— А вот и твой песик! Смотри-ка быстро нашелся! — хохотнул старший, указывая на Алтабаева.

Я ненавистно взглянула ему в лицо. Меня бросили на пол одной из комнат. Я не увидела, куда отвели Игоря.

— Самое время говорить, девочка, — нависла надо мною черная фигура охранника.

— Пошел ты, — прошипела я.

Шеф в один шаг преодолел расстояние между нами, отстранил своего парня и дал мне оглушающую пощечину. В голове зазвенело. Перед глазами все плыло. Я никак не могла сфокусировать взгляд.

— Дура! Что вы тут забыли? Ты думала, что вам все сойдет с рук, что мы тут в игры играем? — заорал он мне прямо в лицо, и я почувствовала вонь из его рта.

— Да, я так и думала! Разве это не казино?

Он просто оторопел от моей дерзости. Оглядев безумным взглядом комнату, он размахнулся и нанес удар ногой в живот. Я дико взвизгнула. Меня скрутило от невыносимой боли. Под ребрами просто адово горели все органы. Начало мутить. Было такое ощущение, что меня пронзили насквозь.

В тот же миг пришло осознание, что страх пропал. Голова заработала четко и не понятно откуда пришла мысль, что я что-то упускала, что был какой-то выход. Причем совсем рядом, что-то очевидное, что должна была нащупать.

— Я знаю вашего шефа, — лихорадочно сглатывая, выпалила.

Мужчины подозрительно переглянулись, они не верили мне.

— Нет, не этого шефа, а настоящего. Босса. Марковича. Просто скажите ему, что я здесь.

IV

Услышав мою просьбу, старший загоготал. Ему вторили грубые голоса других охранников.

Нет-нет! Я же не могла ошибиться? Я точно вспомнила этот адрес, который определился приложением такси. Я поняла, что уже видела его раньше, там, в кабинете Пантелеева в бумагах. По документам проходили и это здание и два соседних. Я напрягла мозги. Право владения принадлежало моей матери, а договор аренды на 50 лет был оформлен на Марковичей.

Так чего же они ржали как кони? Я рассматривала их ненавистные рожи.

— Ты, что думаешь, сука, мы тут лохи совсем?

Главный охранник присел ко мне, схватил за волосы и больно потянул на себя.

— Да, Марковичей полгорода знает. Только вот они вряд ли в курсе твоего существования.

— Скажите ему, — упрямо твердила я, — Я — Женя Стрижева. Немедленно позвоните ему. Я требую!

— Требовать ты, сука, только добавки можешь!

И он так страшно замахнулся, что я зажмурилась и вся подобралась в ожидании удара. Но боли не последовало.

— Дядь Толь, — вмешался самый молоденький из охранников, перехватив его руку, — Смотри какая хорошенькая! Чего ты так разошелся? Попортишь еще девочку. Она во как трясется! Имя свое уже назвала.

Он подбирался ко мне все ближе.

— Женя и так нам все расскажет, правда ведь? — он пытливо посмотрел мне в глаза.

— Аааа, хороший коп и плохой коп? — я поделилась вслух своей догадкой.

— Нет, Женя, — вздохнул он как-то вынужденно, встал совсем рядом, потянулся рукой к горловине моего платья и широким размашистым движением дернул, — Хороших копов здесь сегодня нет.

Ткань с треском разошлась, грудь почти оголилась и все парни, находящиеся в комнате, одновременно сделали шаг вперед. Я почувствовала порыв ледяного воздуха, и кожа на груди покрылась мурашками.

Страх вернулся с удвоенной силой. Я, извиваясь на холодном полу, попробовала отползти. Тот, младший, навалился первым. Его жесткие руки мгновенно оказались у меня под юбкой. Это было хуже моего самого ужасного кошмара.

Я не впала в ступор. Меня не накрыла истерика. Я отчаянно сопротивлялась, как озверелая, царапалась, молотила кулаками и отпихивалась ногами, желая сбросить эти беспощадные руки.

Я пропустила момент, в который все изменилось. Кровь так стучала в ушах, что я не слышала, когда большая черная фигура появилась в проеме, а только почувствовала вибрации стены от того грохота, с которым дверь распахнулась.

Около меня пролетело и приземлилось тело старшего охранника. Он только крикнул, стиснув зубы от боли. По его подбородку текла кровь. Я отпрянула от него в противоположную сторону. Он забарахтался, силясь подняться.

— Даже не вставай, тварь! — припечатал его знакомый голос. — Вы что тут, олухи, устроили?

Пробираясь ко мне, Маркович вошел в раж. Он сыпал ударами направо и налево. Тело еще одного сотрудника службы безопасности обмякло, когда кулак Марковича встретился с его челюстью. Брызги крови и слюны разнеслись по комнате. Последний самый молодой охранник сам отбежал и прислонился к стене.

Все время экзекуции я сидела еле живая от испуга, прижимая к себе превратившееся в разодранные лоскуты платье. Я отвернулась и смотрела только в пол, лишь вздрагивала, когда до меня доносились звуки ударов.

— Что, блядь, здесь происходит? — четко произносит Стефан, и охранники начинают трястись, уловив металл в его голосе.

— Так мы поймали. Они тут с дружкой шныряли, подсматривали. Это от конкурентов,

наверное.

— Она называла вам мое имя?

— Да, но мы подумали... Мы должны были убедиться...

Стефан красноречиво смотрит на него, как на помешанного. Старший теряется и замолкает.

— Так, съебали отсюда, быстро!

Никто не спорит. Каждому хочется убраться подальше.

А Стефан идет ко мне, я еще не вижу его, но чувствую. Он руками, испачканными в крови, хватается за предплечье и разворачивает к себе.

— Тебе не следовало приходить сюда, ласточка, — я дергаюсь, как от удара, и быстро поднимаю взгляд и смотрю прямо в лицо. А он глаз отвести не может от моей шеи, от бешено бьющейся венки под тонкой розовой кожей, но продолжает, — Почему ты не слушаешься, ласточка?

Я захлебываюсь пониманием того, что передо мной он — мой сталкер, мой наблюдатель. Ужас и облегчение. Бросаюсь ему на шею, кладу голову ему на грудь, прижимаюсь всем дрожащим телом и шепчу:

— Это же правда ты? Я думала, что схожу с ума. Забери меня. Увези меня отсюда, я не могу тут больше...

Он молчит, обхватив меня за талию и больно вдавив пальцы. Я не вижу, но наверняка они побелели. Напряжение и какая-то мука застывают в его лице. Но что-то неумовимо меняется, его глаза быстро приобретают хищный прищур. И с сомнением и холодом он произносит:

— И теперь меня не боишься?

Глава 12. «Близость»

I

Я смотрю на него, но вижу по-новому. Мрачность его грозových глаз уже не отталкивает, а завораживает меня. Он расслабляется. Его большие ладони успокаивающе поглаживают меня по спине.

— Конечно, боюсь, — я смотрю на него исподлобья, как маленькая недоверчивая девочка. — Почему ты сразу не сказал кто ты?

— Я не мог, — он перебирает волосы и, зарывшись в них, ласково массирует мой затылок.

Это так приятно и так интимно, что я откидываю голову и нежусь, буквально растекаясь в его объятиях. Это неопиcуемо, когда после такой нечеловеческой встряски можно взять короткую передышку. Меня будто пережевало огромное чудище, но не проглотило, а выплюнуло.

А он смотрит мне в глаза и улыбается. Переводит взгляд на мои губы, шею и, наконец, замечает разорванный ворот платья. Мгновенно хмурится, и чувственные губы сжимаются в одну тонкую линию.

— Я мчал как угорелый, когда мне сообщили, что задержали в казино двух смертников, которым жить надоело, а потом отключились. В этих помещениях глушилки и связь не работает! Ты понимаешь, что я мог не успеть?!

— Прости, — я опускаю глаза, замечая в каком непотребном состоянии мой наряд, вся зажимаюсь и краснею, — Спасибо, что спас меня.

Стефан усмехается.

— Я бы себе никогда не простил, если с тобой что-нибудь случилось. Но ты же на ровном месте в неприятности вляпываешься. Я больше тебя не отпущу.

Говоря это, он слишком сильно сжимает мое запястье, и когда я охаю, то, опомнившись, ослабляет хватку. Подносит близко к губам, целует и перекидывает мои руки себе вокруг шеи.

— Как не отпустишь? А что будет?

— Все.

Смотрит на меня долго, не мигая. Его зрачок расширяется так, что, кажется, сейчас поглотит радужку.

— Теперь будет все.

Он ловко подхватывает поля шубки и сводит, прикрывая мое оголенное тело, легко подхватывает на руки и, ногой отворив дверь, выносит из комнаты.

— Подожди, а как же Игорь? — я словно вынырываю из морока.

— Да, не будет его тут никто держать. Приведут в порядок и домой отвезут.

— Ты не выглядишь удивленным... Подожди! Так ты все знал?

— Ну, не все. Твой Игорь со своим расследованием залез, куда не следует. Я как чувствовал, что что-то подобное может произойти. Давно уже мои люди срисовали, что он интересуется фирмой. Попытка клинья подбить, информацию собирал. Мне же сразу все слили. Как слон в посудной лавке. Было бы даже смешно наблюдать, если бы он так на уши не присел и не втянул тебя.

— А как же его отец? Его могут уволить.

— Алтабаев выговор тот стерпел, потому что сам в деле уже по горло увяз. Без его участия и половины бы не было. Но все же папаша не такой дурень, как его сынок. Мало того, что засветился конкретно, так еще и в двух соснах заблудился. Его отец специально все прикрывал, чтобы не рубить сук, на котором сидит. А тут вы на мою голову в следопытов решили поиграть.

Я обиженно поджимают губы, пока он прячет меня в автомобиль и дает распоряжения подбежавшему помощнику.

— Что еще? — Стефан останавливается, заметно, что его так и тянет увезти меня, но он терпеливо ждёт ответа.

Он не сводит с меня настороженных глаз.

— А Смоки? — вижу, что не понимает, — Ну, собачка... Я с ней пришла.

— У тебя же, вроде, нет собаки — хмурится он, но отдает приказ заняться и собакой.

— И вот это Игорю нужно отдать, — я снимаю украшения и, чувствуя, как тяжесть камней давит на кисть руки, протягиваю в открытое окно.

Его помощник торопится исполнить и тянется к моей руке. Я в непонятном испуге автоматически отшатываюсь. Стефан грубо отбивает его ладонь и берет сам.

— Еще раз протянешь свою лапу к моей невесте, вырву с плечевым суставом, — негромко предупреждает он, но я все равно слышу и растерянно хлопаю глазами, — Понял, что с этим делать?

Тот напряженно и сдержанно кивает. Стефан вкладывает в руку парня серьги и кольцо и похлопывает по плечу.

— Свободен, — а сам запрыгивает в автомобиль.

— Куда ты меня везешь?

— Домой, ласточка.

Мне холодно в непрогретой машине, и я кутаюсь шубку, которая уже какая угодно, но не белая. Стефан замечает и делает обогрев на максимум.

Мне столько вопросов хочется задать ему, но я молчу. Просто отключаюсь, как только становится теплее.

Прихожу в себя только на парковке в подземном гараже. Наверное, мы находимся в том жилом комплексе, где были в прошлый раз с Олесей.

Сколько же сейчас времени? Три? Четыре часа утра?

Стефан обошел автомобиль и открыл мне дверь.

Мы молча ехали в лифте. Он подошел к знакомой двери, открыл замок и пропустил меня вперед.

Я сбрасываю туфли и прохожу в просторную кухню-гостиную. Горит только верхний свет на барной стойке, а вся комната погружена в полумрак.

— Все еще холодно?

Стефан быстро скользит глазами по моей фигуре. Шуба сейчас выглядит неуместно и нелепо, но другой одежды у меня нет.

— Я сделаю тебе чай.

Он неторопливо подходит к ящикам, плавно достает чайник, насыпает заварку. Время тянется медленно и тягуче, как сироп. Пока кипит вода, он оборачивается, прислонившись поясницей к столешнице, и не сводит с меня глаз. И мне чудится во всем его облике столько недосказанности, что я сдерживаю себя изо всех сил. Его неподвижность обманчива. Я знаю, что он быстр и очень силен, а еще я знаю, что он защитил меня сегодня.

Не в состоянии усидеть на одном месте, начинаю бродить по комнате. Рассматриваю темные сумерки за окном и безлюдный двор. Замечаю свернутый кое-как плед на широком кожаном диване. Две книги на тумбочке. На корешке одной из них: Рик Янси «Ученик монстролога», вторая лежит развернутой. Подхожу и машинально перелистываю страницы.

Меня не напрягает его молчание. Его желания я вижу и так, по тому, как он складывает руки у себя на груди, сцепливая в жесткий замок. Как сводит челюсти и одним движением головы откидывает прядь волос со лба. Он тормозит себя, сдерживает. И это пугает меня.

— Я тебя совсем не знаю, — произношу я дрогнувшим голосом.

— Ты знаешь меня лучше всех, ласточка — напоминает Стефан о нашей переписке.

— Да. Но я не думала, что ты такой.

— Ну, извини, что разочаровал тебя, — Стефан жестко стискивает зубы, шумно выдыхая, — Ты бы хотела, чтобы на моем месте был кто-то другой?

— Нет, я бы этого не хотела, — отвечаю очень тихо одними губами.

Я понимаю, что мне удалось сказать именно то, что он хотел услышать по тому, какое ненасытное пламя разгорается на дне его глаз. Сколько же там разлито жарких обещаний и лихорадочных призывов. Взволнованная, я опускаю голову, чтобы больше не встречаться взглядами. Его тело, как будто каменеет, мышцы, обрисованные темной тканью, становятся четкими и рельефными. Выверенными движениями Стефан наливает чай. Как зачарованная, не отрываясь, смотрю на его руки в закатанной до локтя рубашке, на то, как он размешивает сахар и протягивает мне чашку.

Нерешительно пересекаю гостиную и подхожу к нему. Слышу его медленное и тяжелое дыхание. Забираю чашку, которую мужчина отпускает, только в тот момент, когда наши ладони соприкасаются. Его кожа такая горячая, что я всерьез боюсь обжечься. Меня

обволакивает тепло его крепкого тела. Я чувствую запах табака и сандала.

— Я с ума по тебе схожу ласточка, — хрипло произносит Стефан, и в голосе его я слышу мольбу.

Он ведет носом от макушки по щеке к шее, где бьется венка и нежно, почти невесомо гладит ее подушечкой указательного пальца.

И тут меня сбивает с ног пониманием, что я не просто терплю его прикосновения. Сейчас все по-другому. Я ими наслаждаюсь.

Я отшатываюсь и резко отворачиваюсь в полном раздразе.

— Ну, что ты, ласточка? Что тебя так напугало? — он переходит на хриплый шепот, — Это же я. Не убегай.

И я замираю. Ну, как же я убегу, если сам сказал, что не отпустит? Стефан прижимает меня спиной к своей широкой груди, и я чувствую, как напряжены его мышцы. Я не делаю попыток отстраниться, и он сразу же этим пользуется. Ведет руками по вверх по животу к груди. Властным движением захватывает плечи, откидывает шубку и рывком разворачивает к себе лицом. Дыхание мое прерывистое и неглубокое. Стефан крепко прижимает меня за талию. Он больше ничего не делает, только сжимает в объятьях и смотрит. Не в силах преодолеть молчаливый призыв, я вскидываю голову и вижу, как в его глазах плещется расплавленное серебро.

— Стефан, не смотри на меня так, — шепчу ему.

В этот момент мужчина наклоняется и накрывает мои губы своими. Ловит ртом мой удивленный возглас. А во мне волнами поднимаются изумление, тепло, доверие, упоение. Внутри меня эмоций — крышеснос. И Стефан все это пьет с моих губ, как коктейль. Первоначально это были невесомые касания. Он будто пробует, но, не встретив сопротивления, углубляет поцелуй. Приоткрывает своими губами мои. Захватывает нижнюю и проводит по ней языком, посасывает. Я чувствую, как мои щеки алеют, и сердце начинает стучать гулко, быстро-быстро. Ноги подкашиваются, голова кружится. Как хорошо, что он меня держит.

— Какая ты... нежная, — бормочет он между поцелуями.

Стефан отрывается, только чтобы взглянуть в мои затаенные поволокой глаза. И снова исступленно терзает мой рот. В какой-то момент он стискивает меня слишком сильно. Мои раненные ребра отзываются моментальной протяжной болью, от которой я скручиваюсь и издаю жалобный стон. Стальной обруч рук раскрывается, и он в испуге смотрит на меня.

— Черт, прости-прости.

Огорчается Стефан и тут же хватается за надорванный ворот платья и в один миг раздирает его. Огромный лоскут зеленой материи кружится и опавшим листом ложится у моих ног. Я сдавленно охаю и, испытывая дикий стыд, закрываю руками почему-то не грудь, а лицо. Мне страшно, я не понимаю, что он творит.

— Пиздец, — сквозь зубы рычит Стефан.

Я отшатываюсь и собираюсь отступить. Мужчина не дает сделать ни шагу. Он осторожно, но крепко удерживает меня за бедра и легонько похлопывает по спине, как поглаживают, успокаивая, молодую строптивую кобылку.

— Тише-тише, милая. Посмотри на меня, — требует он.

— Я никогда тебя не обижу, — и поджимает губы.

Мрачная тень ложится на его лицо, словно ему больно от мысли, что я могу его бояться.

— Ты дашь себя осмотреть врачу?

Я медленно убираю руки и нахожу место, куда устремлен его взгляд. На ребрах проступили красные пятна от удара ботинком старшего охранника.

Я затравлено смотрю на него и молчу. Зачем он спрашивает, если знает, что нет?

Стефан понимает меня без слов. Осторожно сжимая по бокам, ощупывает мои ребра, еле касаясь, проводит ладонью под обнаженной грудью. Я передергиваю плечами, как в ознобе, и издаю какой-то булькающий звук. По телу бегут табунами мурашки. Все его прикосновения я переживаю слишком остро. Так и должно быть?

— Болит? — очень серьезен и сосредоточен.

— Щекотно, — фыркаю я.

— Хорошо, — кивает головой, — Трещины нет. Сейчас принесу мазь от ушибов.

Он уходит и возвращается с огромным черным махровым халатом и какой-то аптечной склянкой.

— Ты, наверное, хочешь сначала в душ?

Я соглашаюсь, и направляюсь в ванную.

Но, когда хватаюсь за ручку двери, мужчина останавливает меня.

— Я помогу, — он пытается пройти со мной или только делает вид, что пытается.

— Ты шутишь что-ли? Как ты себе это представляешь?

Захлопываю дверь пред его носом. Я крайне возмущена. Но внутри себя мне спокойнее, что Стефан, встретив отпор, не стал настаивать.

Душ расслабляет меня. Я стою под горячими струями в пене сандалового геля и думаю о непредсказуемости жизни. Вот, если бы мне пусть даже вчера утром кто-нибудь сказал, что в следующий раз я буду мыться в ванной Стефана, то я бы покрутила пальцем у виска. Но вот я здесь, и сейчас это кажется таким нормальным и даже правильным.

Когда вылезаю, то рассматриваю в зеркале след от удара. На розовой распаренной коже он выглядит еще безобразнее. Я не очень верю в чудодейственные свойства его средства, но послушно намазываюсь. Завтра все равно будет чернящий синяк.

В гостиной Стефана не оказывается. Я прохожу по коридору, завернутая в огромный халат. Его полы волочатся за мной как шлейф, а рукава пришлось закатать. Безусловно, эта вещь принадлежит Стефану, и мне становится лестно и даже радостно от осознания того, что у него попросту нет второго, женского халата.

Нахожу библиотеку или кабинет, потом натыкаюсь на пустую комнату с персиковыми стенами, а следом идет комната, через приоткрытую дверь которой раздается сопение. Потихоньку заглядываю туда и замечаю Стефана, лежащего на огромной кровати. Поверх одеяла, не раздеваясь, на спине, заложив обе руки за голову, он крепко спит. В вырезе расстегнутой рубашки мерно поднимется и опускается его смуглая мускулистая грудь.

Как он мог уснуть? Мне даже обидно становится. Сам же сказал, что не отпустит, а теперь спит. Я же могу... сбежать, например. Хорош сторож!

Только тут, в спальне меня накрывает пониманием, что я уже сутки нахожусь на ногах. Я никуда не хочу бежать. Аккуратно забираюсь на кровать и ложусь под одеяло на свободную сторону кровати.

На следующее утро просыпаюсь очень медленно. Обнаруживаю себя словно спеленатой крепкими объятьями Стефана. Ночная нега все никак не отпускает. Долго лежу с закрытыми глазами без движения, не решаясь начать новый день. Чувствую на шее, куда он уткнулся носом, горячее дыхание.

Сложно лежать неподвижно. Тело в одном положении затекает. Осторожно поворачиваюсь, отчего мужчина дергается, рывком прижимает к себе, и просыпается. Стефан встряхивает головой, будто резко вынырнул из бассейна. Видит меня, и морщинка, залегшая между бровями, разглаживается. Он разжимает руки и откатывается на спину.

— Сейчас душ приму и будет завтрак, — говорит он, поднимаясь с кровати.

— Хорошо бы, — мурлычу я.

Но есть на самом деле не хочу. Как только из виду скрывается его огромная фигура, на меня снова накатывает приятная истома, и я погружаюсь в дремоту.

Окончательно просыпаюсь, когда он вновь появляется в дверях, одетый в домашние спортивные штаны, топлес, с мокрыми чуть растрепанными волосами, вертя в руках вчерашнюю баночку с мазью. Когда я вижу его плоский, стянутый корсетом мышц живот, то мне хочется весело присвистнуть. Останавливает то, что я не умею свистеть, и я просто сглатываю пересошим горлом.

Он приближается, возвышаясь надо мной, заслоня солнечные лучи, струящиеся из окон. Свет преломляется, и в воздухе становятся заметны парящие пылинки на фоне его темного могучего тела. От молчания мужчины становится жутко, и сердце ускоряет ритм. Стефан забирается в кровать и я мгновенно оказываюсь под ним. Он садится, и вот я уже зажата между его расставленных бедер. Он по-хозяйски распахивает на мне халат до самого низа живота. Стефан наклоняется и капля воды, стекающая по его шее, падает мне на грудь. Я ойкаю, а в его глазах нет и тени улыбки. Он смотрит пристально и напряженно.

Я впервые имею возможность рассмотреть его, не таясь, при свете дня. Прямой нос с еле заметной горбинкой, чувственный яркий рот. Дерзкий разлет бровей говорит о непокорности. Лицо у него мужественное, даже суровое, но безумно привлекательное. Боже, он всегда был таким красивым?

Сначала Стефан, поглаживая, проводит подушечкой пальца по синяку. Потом откручивает крышку и начинает старательно втирать мазь в поврежденную кожу. Я наклоняюсь и замечаю, что все выглядит, не так страшно, как я вчера думала. Но от его «лечения» где-то внутри меня начинает разгораться пожар. Я чувствую, как розовеет кожа там, где он меня касается. Грудь начинает ныть от напряжения, соски становятся острыми. Меня охватывает такое сладкое томление, что я не в силах больше терпеть, чтобы не выдать себя.

— Уже не болит, — мой голос внезапно охрип, и я ерзаю, собираясь подняться.

Стефан рвано выдыхает сквозь сжатые зубы и не дает пошевелиться. Его горячие пальцы продолжают пытку. Тогда я, сама не зная что творю, тянусь к нему сама и обхватываю руками его крепкую шею.

— Ты нужна мне. — произносит он неожиданно низким чувственным голосом, — Не на время, а навсегда. Когда я это понял, то сначала ходил сам не свой. Потому что это правда — все, что про меня говорят. Я — нехороший человек, ласточка. Мне приходится принимать сложные решения. Моя жизнь по ту сторону закона и правил. С таким как я, может быть, вообще не стоило бы быть женщине, но я уверен, что твое место рядом со мной. Я не могу больше ждать, скажи мне сейчас, ты — моя? — нас разделяет только его рваное дыхание, — Да, я злой, жестокий. Если бы я захотел, то ты бы стала моей, прямо сейчас, вот здесь, в этой постели. Но я хочу, чтобы ты сама сказала!

Я приникаю к его губам и шепчу в них, как в бреду: «Твоя...твоя... твоя». Он наклоняется ко мне и я замечаю, как его охватывает безумие.

Стефана срывает. Он покрывает тысячу легких поцелуев мое лицо, обводит языком мочку уха. Халат черной тряпкой летит в угол комнаты. За ним следом отправляются его брюки. Он оглаживает меня по плечам и ведет ниже, затрагивая холмики груди. Выгибаюсь в его руках и запрокидываю голову, а он улыбается так сладко и прикусывает мой подбородок.

Когда он вбирает в рот мой сосок и бьет по нему языком, комната наполняется моими стонами. Такое чувство, что с каждым движением его языка через меня пропускают разряд тока. Моя голова мотается из стороны в сторону, и исчезают все мысли. Абсолютно пустая голова. Сейчас я не думаю, я чувствую.

Его огненная рука спускается к животу. Мое тело становится тяжелым, я настолько разомлела от его ласк, что вряд ли смогла бы сейчас назвать свое имя.

Мне хочется одного, чтобы он продолжал и делал это быстрее. А Стефан, наоборот, не торопится. Он очерчивает языком выемку пупка и переключается на другую грудь. Низ живота опалает жаром. Я вся — сплошная лава!

— Ласточка, ты такая чувственная... такая красивая... — бормочет почти бессвязно.

Его рука ныряет мне между ног. Он ведет вверх от колена к бедрам. Ноги начинают дрожать, а Стефан довольно посмеивается. На его висках выступил пот, но он все также медлителен. Так же внимательно следит за каждой моей реакцией.

Мою промежность обжигает холодным воздухом, когда он раскрывает меня и пальцами раздвигают мои нижние губки. Его указательный палец кружит вокруг входа, но не проникает. Он собирает шелковую влагу и находит клитор. Первое же касание и мои стоны переходят во всхлипы. Пара легких движений и словно судорога скручивает тело.

— Стефан! — вне себя кричу я его имя.

В этот же момент я чувствую его напряженную плоть там, где только что были пальцы. Одним слитным плавным движением Стефан проникает в меня и уверенно разрывает девственную преграду.

Я почти не реагирую. Мне больно, но терпимо. Я еще парю на волнах непрошедшего оргазма.

— Я так и знал, что буду у тебя первым, — самодовольно рычит он.

Я возмущенно молочу кулачками по его плечам, а он хохочет и начинает двигаться во мне.

Его лицо вмиг становится таким серьезным и сосредоточенным, что я тут же уплываю в свои ощущения. Незнакомое чувство завершенности и восторга переполняет меня. Он чуть убыстрится. Делает еще несколько порывистых толчков. На его лбу выступает и пульсирует венка. Стефан быстро выскальзывает и бурно изливается мне на живот.

В комнате пахло сексом. Я лежала на спине ошеломленная, оглушенная. А рядом на боку Стефан, рассматривал меня вальяжно и невозмутимо, задумчиво водил рукой, лаская то ключицы, то шею, то поправлял локон, но смотрел при этом в лицо. Он словно никак не мог остановиться меня трогать, делал это даже как будто неосознанно.

— Так все это время мне ты... писал и... «присматривал» за мной? — было нелегко начать.

Стефан же был безмятежен и расслаблен, что совсем не помогало.

А мне необходимо было поговорить, все разложить по полочкам, обозначить.

— Да, я все время был неподалеку, — как бы нехотя сообщил он.

— Значит, я давно тебе... нравилась? — приподнялась на локте, чтобы лучше

разглядеть его.

На лице мужчины играла задумчивая улыбка.

— Всегда.

Он сказал это легко, как будто выдохнул. А меня привело это в состояние крайнего раздражения. Вот, видит Бог! я не хотела поднимать эту тему, но меня так взбесило его сытое, довольное состояние, что я не выдержала.

— А как же твоя невеста? Она в курсе твоих чувств? — едко спросила я.

— Нет никакой невесты, — ответил слишком ровно.

Я открыла и тут же закрыла рот. Я ожидала, что Стефан пообещает ее бросить. Я надеялась на это. А он, оказывается, принимает меня за полную дуру и намерен все отрицать. Ну, тогда я дура и есть!

В районе солнечного сплетения я ощутила такой сильный приступ боли, словно удар под дых. В тот момент мне самой захотелось убиться об стену. Или уж лучше Стефана. На этот раз мне нужно было как-то поквитаться с ним. Впервые захотелось причинить кому-то нечеловеческие муки.

По стремительно сменяющимся эмоциям на моем лице Стефан, вероятно, понял, что я нуждалась как минимум в дополнительных пояснениях.

— Мартина* — это ласточка на родном языке моей мамы, — он усмехнулся и взъерошил мне волосы. — А ты, оказывается, истеричка.

И мне стало очень тепло от того, что он сказал и что выбрал слово «мама» и как нежно это прозвучало. Но я не была готова так легко перестать злиться.

— Нет, не истеричка. У меня только панические атаки, — сказала я, глядя на него с укором.

Вместо слов он подхватил меня на руки и вынес в коридор. Его лицо сделалось непроницаемым, и по нему вновь ничего невозможно было прочесть.

— Куда мы идем? — растерялась я.

— Мы идем мыться.

Стефан поставил меня в ванную к себе спиной и включил душ. Обернувшись, я увидела, что Стефан сосредоточенно вспенивал мочалку и, заметив, что я за ним наблюдаю, достаточно властно повернул меня обратно лицом к стене. А мне так хотелось смотреть на него.

Больше он не произнёс ни слова. Но когда первый раз медленно провел мочалкой по моим плечам, то я вздрогнула. А Стефан заскользил ею вниз по спине и, дойдя до поясницы, поднялся обратно. Все его движения были размеренными, умиротворяющими, было заметно, что к мытью он подходил так же обстоятельно, как и ко всем другим вопросам.

Но мне не становилось спокойнее. Дыхание сбивалось и голову снова заволокло приятным туманом. Стефан каждый раз доходил до ягодиц и вновь поднимался к плечам, чтобы с каждым новым движением опуститься чуть ниже и еще ниже. До ямочек на пояснице, до косточки, завершающей позвоночник, до середины попы. Наконец, он полностью на ней остановился, сконцентрировался. Неспешно распределял пену по мягкому месту, иногда как бы случайно попадая пальцем между ягодиц, но не раздвигая. Я услышала, какими судорожными сделались его выдохи. Мужчина старался удержать контроль.

Он чуть пододвинул мою ногу в сторону и в образовавшуюся между бедрами щель сунул мочалку. Осторожно прошелся ей между ног и вернулся обратно. Сердце было готово выскочить из груди, а от осознания сладости и порочности его действий меня накрыло такой

волной возбуждения, что я не удержала стон. Расценив его как призыв, Стефан поднял одну мою ногу и согнутую в колене поставил на бортик ванны. На этот раз я распахнулась гораздо откровеннее.

Он сжал в кулаке мочалку над моей раскрытой попкой и пенная прохладная струйка потекла между ягодиц. Я задохнулась от ярких ощущений и непроизвольно прогнулась в спине, встречаясь напряженными сосками с показавшейся ледяной гладью стены. А Стефан еще усилил мое восприятие, откинув мочалку и, следуя пальцем по складочкам по направлению стекающей пены. Этот контраст теплого душа и холода; явного, яростного, опаляющего желания моего мужчины и его непоколебимого молчания подействовал на меня, как взрывная волна. Желание поглощало, подчиняло, лишало разума. Вспыхнувшее внутри меня пламя разгоралось в самом низу живота, обещая сжечь нас дотла. Я изгибалась в его руках, бесстыдно подалась бедрами к мужчине.

— Стеф... не могу больше, — жалобно захныкала я.

Но также молчаливо и повелительно Стефан удержал меня одной рукой за талию. А вторую руку он подставил под воду, чтобы смыть пену. Кажется, я догадалась для чего, и у меня пульс зашкалил от предвкушения.

Он проник в меня сразу двумя пальцами и я забилась, задергалась, как страдающее животное. По моему телу словно проходили судороги удовольствия. Он входил в меня пальцами, а я чувствовала каждую фалангу. Остро, порочно и немислимо прекрасно. Он истязал меня своей лаской, дарил ни с чем несравнимое наслаждение. Я прислонилась разгоряченной щекой к кафелю, царапала стену прижатыми руками.

Я жаждала, чтобы он взял меня по-настоящему. Я желала его. Словно цветок на встречу солнцу, я раскрывалась под его натиском.

Наконец, он сжалился и вытащил пальцы, заменяя их членом. Но как бы Стефан не растягивал меня пальцами, я все равно оказалась не достаточно готова к его размеру. Внутри меня все так набухло, что он еле протиснулся и замер. Нетерпеливо повела бедрами.

— Пожалуйста... пожалуйста... — я уже молила его о продолжении. На глазах выступили слезы.

— Сейчас, ласточка, потерпи чуть-чуть, — сцепив зубы, пообещал он, — Ты такая нежная...

И он осторожно задвигался. А мне хотелось быстрее, жестче, сильнее.

Мы упивались друг другом. Я трепетала. Я теряла себя, таяла.

Стефан, впиваясь пальцами в мои бедра, начал наращивать темп. Да, вот теперь было так как мне нужно! Резко, с оттяжкой, без поблажек.

Оргазм, неотвратимый и сокрушающий, потряс меня. И меня словно выкинуло из реальности. Горячие спазмы сжимали и отпускали, медленно затухая.

Только уловила, как щелкнули его зубы, смыкаясь, когда он вышел и прижался пульсирующим органом к моей пояснице. Спину опалило его семенем.

Я, вымотанная, откинула голову на его плечо и повисла на его руках.

Стефан наскоро омыл меня душем, укутал в полотенце и вынес на кухню.

— Завтрак остыл, — флегматично отметил он, усаживая меня перед столом.

— Ммм... — я выдала что-то неопределенное. Пока могла общаться только так.

Я развалилась в кресле, буквально растеклась. Не чувствовала силы ни в одной из мышц. Тело предавало меня.

А вот мужчина наоборот, расправив, широкие плечи, улыбаясь собственному ворчанию о загубленной глазунье и подсохших вафлях, как новенький гаджет, показывал 100 %-ную зарядку и гремел тарелками.

Зазвонил его телефон, но Стефан не вышел поговорить в другую комнату, а поднял трубку и продолжил готовить. Зажав телефон между щекой и плечом, моментально изменившимся строгим голосом кого-то консультировал по работе:

— Да, Руди, но проследи сам лично. Нет, сделка по прежнему важна. Перечисление по безналу. Анжела-умница в курсе, все сделает, — потом помолчал, видимо его долго расспрашивали, — Да, это не ошибка. Нет, Руди, я не познакомлю тебя с невестой и сам до завтра не появлюсь. Рассчитывай на свои силы.

Увидев, что Стефан меня не таит, я перестала вслушиваться. Повела носом в сторону вкусно пахнущего завтрака, пару раз моргнула и уронила голову на грудь. Стефан в один шаг перемахнул разделявшее нас расстояние и оказался рядом, тревожно заглядывая мне в лицо.

— С тобой я теряю голову и все время делаю что-то не то... — проговорил он с досадой. — Извини, ласточка, я все не так планировал. Я хотел тебя беречь.

— И работу ты из-за меня прогуливаешь... — сонно пробормотала я. — А у тебя сделка и... Анжела — умница...

Он расхохотался заливисто и открыто, запрокидывая голову и показывая белые зубы.

— Ревнивая злючка! Мне никогда не было это важно по-настоящему. Все, что меня окружало было лишь средством для достижения своей цели. Я сейчас смотрю на тебя и понимаю, что ты лучше моих снов. И боюсь как-нибудь не сдержаться, — он обнял меня со спины и положил ладонь мне на живот, — и свадьбу придется играть раньше августа. А я еще не дошел до своей цели, недостаточно силен и не смогу тебя защитить.

— Значит, у нас все по-настоящему?

— Да, ласточка, у нас с тобой все серьезно и все по-настоящему.

*Мартин — ласточка (сербск.)

Глава 13. «По-настоящему»

I

Вечером мы смотрели старые фильмы, валялись на диване в гостиной и обедались пиццей. Я то проваливалась в сон, то снова открывала глаза и неизменно обнаруживала себя в объятиях Стефана.

Моя голова лежала на его груди и он, зарывшись рукой в мои волосы, поглаживал мягкими, невесомыми движениями.

— Утром поеду на работу.

— Хорошо. А я? — я не была удивлена, потому что слышала, как мужчина договаривался по телефону.

— А что ты?

— Мне тоже в университет надо. И... ой, меня же искать будут! Может, даже уже ищут! — я неожиданно вспомнила, что так ничего и не сообщила Олегу.

Выскочив из объятий Стефана, побежала в спальню, чтобы найти телефон.

— Никто же не знает, что я здесь, — закричала я ему оттуда.

Я перебрала все вещи, перетряхнула сумочку, заглянула даже под кровать, но телефона так и не обнаружила.

— Потеряла, — растрепанная, озадаченная, я сидела на полу рядом с кроватью, из-под

которой только что вылезла, — телефон потеряла.

А надо мной возвышалась фигура Стефана, заложившего руки в карманы домашних брюк. Он стоял подле босыми ногами на полу и отрешенно наблюдал за моими безуспешными поисками.

— Твой телефон у меня, — бесстрастно заметил он, — Еще вчера, пока ты была в душе забрал.

— Как? Зачем? — я задрала голову, чтобы увидеть его и сдула прядь, упавшую мне на лицо.

— Пока так нужно.

— Стефан, ведь и правда получается, что никто не знает, где я. Мне надо...

— Тебе ничего не надо. Только то, что я сейчас скажу, — оборвал он и присел на корточки, чтобы быть вровень со мной, но все равно оказался выше. Тон его был, пугающе строгим, каким обычно разговаривают с неразумным ребенком. Стефан словно снисходил, чтобы объяснять мне такие простые вещи.

Мужчина протянул к моему лицу руку. Я с трудом сдержала себя, чтобы усидеть на месте и не дернуться. А Стефан подхватил непослушную прядь, пропустил между пальцами и убрал мне за ухо. В этом интимном жесте я уловила предостережение. Картины того, как он этими же самыми руками избивал охранников в казино, моментально всплыли пред глазами.

— А Игорь? — ахнула я, окончательно приходя себя, — Он ведь даже не видел, как мы вчера уходили. Как он? Он, наверное, места себе не находит от беспокойства!

Все эти особенные события, произошедшие со мной накануне, заглушили голос рассудка и отправили разум в спячку. Ко мне как будто только что начала возвращаться реальность. словно пелена с глаз спала.

— Нормально. Поверь, ему сейчас не до тебя, — процедил сквозь зубы, отворачиваясь.

А я видела по его реакции, что Стефан что-то специально не договаривает мне.

— Что с ним? Он в порядке? Ты обещал, что его отпустят!

— Хватит беспокоиться об этом кретине! — моментально свирепея, Стефан ударил раскрытой ладонью по полу. Я вздрогнула и отвела взгляд. Тогда мужчина захватил пальцами мой подбородок и повернул к себе, — Забудь о нем. Он же не думал о последствиях, когда тащил тебя в казино.

В горле мгновенно пересохло. Такой Стефан пугал меня.

— Стеф... — я шумно сглотнула, и сама потянулась и накрыла своей ладонью его руку. Мне тогда показалось, что моя покорность усмирит его, — Скажи мне, Игорь же дома?

— В больничке. Ребята должны были просто объяснить ему, чтобы не лез не в свое дело и немного перестарались. Через неделю дома будет. Ему даже полезно, — попробовал улыбнуться Стефан. Улыбка вышла кривая, больше напоминающая оскал.

— Стефан, — прохрипела я. От этой дикой новости у меня пропал голос, — Я должна поехать к нему, навестить.

— Хватит, — жестко перебил он, — Завтра у тебя будет новый номер. Но звонить можно будет только мне. На учебу пока ездить тоже не будешь. Я запрещаю тебе выходить из дома. Ты поняла меня, — он поймал мой взгляд, — Никто не должен знать, где ты. Это временно. Это для твоей безопасности, — безапелляционно заявил мужчина.

— А если... — я даже мысль не закончила, потому что Стефан, не дослушав, поднялся и направился в кабинет.

— Ложись спать. Мне нужно посмотреть пару документов, — бросил через плечо, удаляясь.

Проснулась и сразу поняла, что в квартире одна. Не знаю приходил ли спать Стефан, ничто не говорило о его ночном присутствии. Может быть заработался до утра?

Мысль, что он намеренно избегал меня, неприятно жгла изнутри. Да и сам вчерашний разговор оставил горькое послевкусие. Я как-то совсем по-другому представляла себе отношения.

На всякий случай я позвала его по имени и, когда никто не отозвался, пошла проверить входную дверь. Массивная и темная, она оставляла впечатление пуленепробиваемой мощи. Я подергала задвижки и пощелкала замками, но так и не смогла открыть. Наверное, существовал какой-то еще потайной механизм, о котором знал только хозяин. Стефан запер меня.

Конечно, я бы не стала сбегать, по крайней мере, пока мы не поговорим, и пока он нормально мне все не объяснил бы, но вот это недоверие... Оно ужалило меня, как укусы ядовитой змеи. И сейчас яд сомнений с током крови разносился по венам.

Я планомерно обошла все комнаты. В гостиной на диване, где мы валялись, лежал сложенный плед. Все следы праздного пиршества уже были убраны. На кухне на столе под накрытой тарелкой лежал оставленный очевидно для меня омлет. «Очень мило», — поморщилась я. Все во мне выражало протест.

В кабинет я заглянула только для порядка, а вот в следующей пустой персиковой комнате — зависла.

В просторной комнате не было никакой мебели, не считая одинокого кресла. Окна без занавесок выглядели как будто голыми. Само кресло было повернуто так, что, сидя в нем, имелась возможность удобно рассматривать только одну противоположную стену.

В прошлый раз, когда я сюда заглядывала, то не придавала этому значения. Та стена не просматривалась из коридора, а только, если зайти в само помещение. Я шагнула в комнату.

На персиковых матовых обоях в разного формата рамках висели мои картины, те самые, которые я долгие годы рисовала для своего наблюдателя. Рисунки занимали всю стену, а в центре висела та, первая конкурсная работа, та, с которой все началось.

«Ладно...», — проворчала я себе под нос. Как не хотелось это признавать, но неожиданная находка смягчила мой настрой.

Весь день я провалялась на диване, переключая каналы и изредка заглядывая в холодильник. За окном уже давно стемнело, а Стефан так и не появился. Мне стало совсем тоскливо, когда я заметила, как начали гаснуть окна в доме напротив.

Мог ли Стефан вообще не вернуться сегодня? Мог ли забыть про меня?

И когда я уже совсем в этом уверилась, хлопнула входная дверь. Я хотела остаться на диване или в идеале вообще уснуть, чтобы при возвращении мужчина не увидел, как сильно я ждала его. Однако ноги сами спрыгнули на пол и понесли меня в коридор. Замирая от нетерпения, облегчения и восторга, я застыла, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, не в состоянии произнести ни слова. Мужчина, стоя ко мне спиной, вешал в прихожей куртку и одновременно снимал обувь, давя на пятки мысками ботинок.

С легкой полуулыбкой Стефан обернулся, разомкнул руки и поймал меня, тут же бросившуюся ему в объятия.

Он уткнулся носом в мою макушку, жадно вдыхая воздух, и горячо зашептал: «Ласточка, работать не мог. Весь день представлял, как приду и сделаю это». Стефан наклонился и

нашел мои губы. Припал к ним в требовательном, жадном поцелуе. Его губы упругие и гладкие действовали удивительно настойчиво. Он вобрал мою нижнюю губу, дразняще прошелся по ней языком. Одной рукой прижимал меня крепко, но бережно, а другой зарылся в волосы, поглаживая затылок горячими пальцами. Я отвечала ему неистово, вкладывая всю свою боль, страх и нежность.

Я не поняла, как мы оказались в постели. Стефан любил меня долго, безудержно. Утомленные страстью, уснули под утро, переплетая наши тела.

На следующий день Стефан покинул меня так беззвучно, что, проснувшись, сначала подумала: «А не было ли все сном?».

Мы так и не поговорили. Разговор не состоялся ни в этот вечер, ни на следующий. Стефан, занятый многочисленными рабочими делами, обычно возвращался глубоко за полночь, уставший и голодный до моего тела. Уходил чуть забрезжит рассвет, задерживая задумчивый взгляд на моем лице, глядя пальцами мою скулу в тихой, прощальной ласке.

Я уже четыре дня маялась бездельем, запертая в этой квартире, ставшей для меня золотой клеткой, не решаясь требовать иного. «Давай не сейчас!» — обычно говорил Стефан, на робкие попытки начать разговор и набрасывался на меня с такой безумной жаждой, которая сметала на своем пути все.

Очередной бездарный день подходил к концу, полный разочарования в самой себе. Телефон мне Стефан, несмотря на обещание, так и не вернул. Время я узнавала по значку часов на ноутбуке с доступом лишь к ограниченному количеству сайтов, чтобы предотвратить передачу данных и исключить любую возможность общения, которым мой мужчина так любезно разрешил мне пользоваться.

Еду он обычно приносил из ресторанов, а когда однажды заказал доставку продуктов, то сделал это к подъезду и спустился за ними сам, не забывая запереть за собой дверь.

Что-то очень обидное и унижительное содержалось в этой его скрытности, в том, как он прятал меня, прикрываясь моей же безопасностью.

Было около шести вечера, когда Стефан пришел домой и застал меня лежа в ванной с бокалом вина за просмотром фильма.

Он присел на бортик ванны и, не боясь намокнуть, властно притянул меня к себе за шею и впился жгучим, собственническим поцелуем.

Я только успела просунуть руку между нашими телами и попыталась отстранить мужчину, уперевшись ладонью в грудь. Я бы не смогла долго противостоять его напору, но чувство собственного достоинства заставило меня решиться оттолкнуть его.

— Что-то интересное смотришь? — он удивился моей холодности и кивнул на экран ноутбука.

Было заметно, что спросил только лишь из вежливости. Сегодня он вернулся домой пораньше и теперь наверняка рассчитывал получить награду.

— Нет, — ответила как можно суше.

Стефан выпрямился, заложив руки в карманы.

— У меня была куча сделок, но я отложил все важные встречи, потому что спешил к тебе. Мне самому не нравится, что ты сидишь тут одна, но это все ради твоей же...

— ...безопасности, — зло продолжила я за него, — Я не думаю, что есть какая-то угроза моей жизни. Стефан, я скорее умру тут от скуки.

— Ты не доверяешь мне, ласточка? — очень тихо спросил мужчина.

Я не знаю, почему не уловила в его голосе момент, который предшествует буре. Заметила только, как потемнели его глаза, и желваки заходили на скулах.

— А ты? Ты мне доверяешь? Ты ведешь себя, как больной извращенец!

Вместо ответа он до боли сжал пальцы на моем запястье и рывком поднял из ванны.

— Что это значит, ласточка? — прорычал Стефан, — Не ты ли мне говорила, что ты — моя? Теперь твой дом здесь. Ты всегда будешь со мной. Поздно передумывать!

Меня поразила его одержимость. Я вырвала руку и буквально выпрыгнула из воды. Мокрая и голая, я стояла перед ним на коврике. Меня била дрожь. От ярости, обиды и испуга я уже говорила то, чего вовсе не думала и не хотела высказывать.

— Это тюрьма, а не дом! Ты называешь меня невестой, но сам даже не спросил: хочу ли я такую бесправную роль в семье?

— Тебе-то откуда знать, какая должна быть семья? — с подчеркнутым высокомерным равнодушием спросил Стефан, — Все равно будет так, как я скажу.

Мучительная тяжесть сдавила грудь. Жестокость его слов причинила почти физическую боль. Меня замутило.

Вот, значит, как Стефан на самом деле ко мне относился! Да, я моложе, наверное, глупее, и гораздо менее опытна, но я не его собственность. Мое детдомовское прошлое, на которое он так открыто намекал не давало ему никакого права так грубо и бесчеловечно уничтожать меня.

— Лучше бы я никогда не встречала тебя! От кого ты меня так прячешь? Даже у Пантелеева я была более свободна, чем с тобой! — я щедро сыпала обвинениями. У меня их накопилось, как у дурака махорки.

— Я изо всех сил старался сделать твою жизнь комфортной. Ты даже не представляешь, ласточка, как далеко я готов зайти ради твой защиты! — он проговорил это чудовищно ласковым голосом. А сам нависал надо мной, как скала, подавлял. Мужчина наклонил свое лицо к моему и замер в жутковатой опасной близости, но больше не трогал, — Неужели ты тут настолько страдаешь? Так займись обычными бабскими делами! Закажи себе уже в конце-концов что-нибудь из одежды. Твой «дорогой» Пантелеев рассказывал, что он даже трусы тебе покупал! Такую свободу ты хочешь?

Вся краска бросилась мне в лицо. Я вспомнила, как радовалась в первый день своего приезда, когда действительно на кровати для меня подготовили в числе прочего и комплект трусиков.

У меня перехватило дыхание. Я замахнулась и залепила ему такую пощечину, что руку обожгло огнем. Но Стефан даже глаза не прикрыл и продолжал стоять каменным идиолом. Через мгновение по его грозному лицу как будто прошла судорога, а в глазах поселилась такая тьма, что я в панике отшатнулась. Мужчина молча развернулся и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Я завернулась в полотенце и выскочила из ванной комнаты следом. Квартира уже была пуста. Я снова осталась одна.

Можно было сказать, что я была расстроена или разочарована. Но это было бы не правда. Правда заключалась в том, что я была просто опрокинута, разрушена нашим разговором.

Я лежала на кровати, завернутая в одеяло как в кокон, страшась неизвестности, не ожидая чуда, но надеясь на него всеми силами развороченной души. Забылась на ночь тревожным сном и проснулась, как ошпаренная горем. Без энергии, без эмоций, без

будущего.

В голове звучали его жестокие слова. Я чувствовала себя молодым, неразумным, взявшим разбег, животным, которому сделали подсечку. И вот зверь лежит со сломанной шеей, мучается, но не умирает.

Я жаждала его прихода и одновременно страшилась возвращения Стефана. Поэтому, когда после обеда я услышала звук открываемого замка, то, как помешанная, бросилась в прихожую, не заботясь о том, как выгляжу и какие слова скажу.

Навстречу мне из прихожей вышел рыжий незнакомый парень огромного роста, но уже Стефана в плечах. В обеих руках он держал пакеты, а сам рассматривал меня с осторожным любопытством золотисто-карих глаз.

Я поколебалась лишь долю секунды и, нервно озираясь, быстро попятилась назад, чтобы забаррикадироваться в комнате. Неужели произошло то, от чего защищал меня Стефан?

Отступая, я запуталась в полах длинного халата и наступила на один конец. Пояс обвился вокруг моей ноги, и при следующем шаге я полетела на пол, шлепнувшись на попу и приложившись затылком о стену. В глазах потемнело.

— Не подходи! — взвизгнула я и закрыла лицо рукой. Второй рукой я попыталась запахнуть халат.

— Ой, детка, ты чего?

Он присел передо мной и мазнул по мне сочувственным, но веселым взглядом, чуть вытягивая шею, чтобы как можно глубже увидеть через раскрывшийся на груди вырез.

— Это я — Руди, — и он поднял брови в притворном изумлении, так, будто я должна его узнать.

— Ну, Ру-ди — Ру-дольф! — повторил он для меня по слогам, как для умственно неполноценной, — Я — партнер Стефана и, надеюсь, что друг.

— Хватит пялиться на меня, Ру... Ру-ди, — заикаясь выдавила я из себя.

Я сделала попытку подняться по стене, но ноги не держали. Тогда парень, мигом вскочив, протянул руку. Я, отказываясь, мотнула головой, но он сам схватил меня и приподнял. Задержав мои пальцы в своей ладони, Руди продолжал огорошивать меня:

— Мы сейчас с тобой прокатимся, ты только не шуми. Но почему-то мне кажется, что ты намерена покричать?

В этот момент придавленная его близостью, я почувствовала, как завертелась пред глазами комната, и сознание готово было вот-вот уплыть. Я никак не могла освободить свои пальцы из его тисков. Я понимала, что во всем этом есть что-то странное и противоестественное. Ощущение стесненности в груди было непереносимо, а рука, которую он сжимал, онемела почти по локоть. Я старалась сделать вдох, но ничего не выходило. Чтобы не облегчать парню задачу, я должна была прийти в себя.

— Отпусти... — прохрипела я.

Тогда Руди обеспокоенно опустил глаза, как будто только сейчас понял, что все еще держит меня и разжал пальцы.

— Стефан передал тебе вот это.

Парень отошел к пакетам и, порывшись, вынул и протянул мой сотовый и новую сим-карту.

— А в остальных — одежда, — я с опаской перевела свой взгляд на эти пакеты, — Стефан ясно дал понять, что я должен тебя привезти. Извини, детка, но придется его слушаться.

Меня еще немного покачивало. Я молча забрала вещи и закрылась в спальне. Не было никаких сомнений: передо мной был именно мой телефон. Значит, все-таки этого парня прислал действительно Стефан. Настороженно развернула вещи — вполне обычная удобная одежда — куртка, джинсы, футболка и клетчатая рубашка. Но все равно тяжелое предчувствие не отпускало меня.

В дверь постучали.

— Мартина, ты скоро? Нужно поторопиться.

Я посмотрела на хлипкую задвижку, сопоставила с размерами парня и нехотя принялась одеваться. Меня немного покорило, что Руди назвал меня чужим именем, но предусмотрительно решила не возражать. Интересно, что еще ему наговорил Стефан?

На выходе из комнаты, я, видно, слишком резко появилась и столкнулась нос к носу с парнем, стоявшим под самой дверью.

— Слушай, я бы хотел тебя попросить: не рассказывай Стефану, что ты тут упала... ну и все прочее, — с видом заговорщика он многозначительно поднял брови, — Мне не хотелось бы оказаться на месте... ну, тех... из казино... А то, когда дело касается тебя, Стеф становится совсем неуправляемым. Ну, договор? — и он опять протянул мне руку.

Я шарахнулась от него как от прокаженного в другой конец коридора. На самом деле меня мало интересовала судьба каких-то ребят из казино. Даже если это те самые охранники, что набросились на меня и избивали Игоря. Особенно, если это они!

— Ладно-ладно, я понял... — он шел следом и бубнил себе под нос, — Просто, вот, знаешь, как-то не хочется умирать таким молодым и красивым! Может, тогда хотя бы поцелуешь, чтобы уж было за что?

Я смерила его таким взглядом, что он сразу заткнулся и молчал целую дорогу до подземной парковки и дальше весь путь в машине. Однако от меня не укрылось, что при всем его напускном дружелюбии, парень не забыл заблокировать двери автомобиля после моей посадки.

Мимо нас пролетали рабочие кварталы столицы. Шикарные современные офисные здания сменяли старинные особняки. Мы остановились почти в центре на тихой с виду улице перед не новым, но крепким двухэтажным зданием. Оно производило впечатление нежилого помещения. На первом этаже пыльные окна были закрыты кованной решеткой.

Руди проводил меня до входа и, когда я замерла на пороге, втолкнул внутрь.

На первом этаже располагалась огромная пустая комната с высоким потолком с лепниной. Я провела рукой по стене с облупившейся штукатуркой. В помещении царила неживая тишина. Мне стало не по себе. Зачем меня привезли сюда?

Чувствуя нарастающее волнение, я прошла через арку. Далее следовало несколько комнат поменьше. На второй этаж вела ветхая, но красивая лестница с чугунными балясинами. Словно ведомая непреодолимой силой, я продвигалась вглубь здания. Во всех попадавшихся на пути помещениях гулял ветер.

В замешательстве я заглянула в последнюю комнату на первом этаже. У приоткрытого окна стояла черная массивная фигура Стефана. Он курил в форточку и обернулся, услышав мои несмелые шаги. Обвел таким поглощающим взглядом, задержавшись на открытых участках тела, что мне захотелось исчезнуть. Наверное, сигарета опалила ему пальцы, потому что он очнулся, дернул рукой и выкинул бычок на улицу.

Меня затрясло, как при ознобе. Я не выдержала бы больше ни одной минуты

неизвестности.

— Ты теперь будешь держать меня здесь? — затравлено спросила я.

— Что? — он явно был в замешательстве, — Нет! Конечно, нет! Как тебе такое могло прийти в голову?

— Тогда... Зачем я тут?

— Это твое кафе. Будущее кафе. Ты же всегда хотела. — Он говорил немного раздраженно, как будто хотел сказать что-то другое, но был вынужден мне отвечать, — Я решил, что это немного отвлечет тебя от ... бунта, — тут он позволил себе чуть усмехнуться. — Конечно, я не настаиваю, но это место по расположению идеально. А внутри и снаружи сделаем так, как пожелаешь, все по твоим эскизам.

Только теперь я обратила внимание, что на подоконнике перед ним лежал развернутый план здания. Я смотрела на Стефана, не отрываясь, и не понимала, что чувствовала. В тот момент все переживания вихрем кружились во мне в лихорадочном безумном танце и нужно было время, чтобы они осели, и тогда я бы смогла их осознать.

— Пойдем, — мужчина подал мне руку, — рассмотрим здесь все.

Я протянула замерзшие подрагивающие пальцы, и они утонули в тепле его огромной жесткой ладони.

— Смотри, вот тут можно сделать зал с посадкой на диванчики, а там барную стойку.

У меня не было слов.

— А где бы ты разместила кухню? — он чуть притормозил и наклонился. Его пепельно-серые глаза загорелись азартом и хитрецей.

— Может быть, вот в той стороне? — указала я пальчиком на восточную часть здания.

— Да, там будет практично, — сразу же подтвердил мой выбор Стефан.

А дальше я вела его за собой сама. Таскала по всем комнатам, рассказывая, где и что будет находиться. Я расслабилась и согрелась. Стефан кивал и во всем со мной соглашался.

После того, как как мы сделали полный круг, раскрасневшаяся, полная делового огня, я снова оказалось в этой последней небольшой комнатке на первом этаже.

— Тебе понравилось? — вкрадчиво уточнил зачем-то Стефан. Хотя по моему виду, кажется, и так все было понятно.

— Очень! — выдохнула я.

— А здесь... — я на минутку задумалась.

— Может быть, ты хочешь свой кабинет? — вкрадчиво уточнил мужчина, а я неверяще уставилась на него. О таком я даже мечтать не могла! — Если ты будешь хорошо себя вести, ласточка...

От его тона у меня перехватило дыхание и заныло сердце. Очень медленно он поднес к губам мою руку и поцеловал каждый пальчик, заглядывая в глаза.

— Ты плохо себя вела, ласточка, — пауза, — сейчас мне придется тебя наказать.

Он очень ласково это сказал, но теперь я уже знала, что это значит.

Я судорожно сглотнула. Сердце пропустило удар и в бешеном все нарастающем ритме застучало снова.

— Руки на подоконник, — холодно скомандовал мужчина.

Я не верила, что все это происходило со мной. В невыразимом волнении я сделала шаг к окну и оглянулась на Стефана. Нижняя губа предательски затряслась и я закусила ее до боли, чтобы хоть как-то отрезвить себя. Мужчина выжидал спокойно, не торопя, своим молчанием одобряя мою покорность. С дико колотящимся сердцем я сделала еще шаг и снова через

плечо посмотрела на него. Я все ждала, что он остановит меня и скажет, что это шутка, но мужчина мрачно молчал. Его губы были плотно сомкнуты, а ноздри трепетали при каждом выдохе. В глубине глаз плясало ледяное пламя.

Стефан подошел и, направляя мои руки, взялся ими за решетку на окнах.

— Не отпускай и не оборачивайся, — предостерег мужчина и встал позади меня.

Он пугал меня все сильнее. Я поразилась тому, насколько велика была его власть над моим телом, но и тогда не смогла послушаться.

В такой наклоненной позе я простояла недолго. Стефан рывком, не расстегивая, стянул с меня джинсы, и они остались болтаться скомканные вместе с трусиками на одной ноге. В приступе невероятного, жгучего стыда я всхлипнула и сжала ноги.

Стефан успокаивающе погладил меня по ягодицам. От его прикосновений кожа покрылась мурашками. Я посмотрела на вытянутые впереди руки. Маленькие почти невидимые волоски приподнялись, а пальцы побелели от силы, с которой я вцепилась в оконную решетку. Я боялась боли.

Сзади звякнула пряжка расстегиваемого ремня. В воздухе сконцентрировалось такое напряжение, что все вокруг неминуемо полыхнуло бы от любой случайной искры. Внезапным спазмом свело низ живота, когда холодная сталь пряжки соприкоснулась с кожей ягодицы. Но ремень только мимолетно скользнул, как бы нечаянно задев меня.

Следом я услышала, как звонко и страшно щелкнул ремень, рассекая воздух. Но только порыв легкого ветерка достиг оголенной кожи. И второй мучительный, почти болезненный спазм прострелил между ног. Я дернулась, как от удара и против воли выгнулась.

Стефан приблизился и будничными движениями зафиксировал мои запястья ремнем и снова отступил за спину.

Коленом он вклинился между моих бедер, разводя их широко в стороны. Мужчина встал между моих раздвинутых ног и задрал мою футболку. Прошелся пальцами по напряженной спине, и я почувствовала, как разомлели натянутые, как тетива мышцы, как заныли мои нижние половые губки, требуя его внимания. А я уронила голову на вытянутые руки, стараясь не проронить ни звука.

Колени тряслись, кружилась голова, я почти повисла на ремне.

Звук расстегиваемой молнии на ширинке оказался музыкой для моих ушей. Стефан все еще не спешил. Но, когда он осторожно приставил головку члена к моему лону, из моего горла вырвался сладостный еле различимый стон. Голову заволокло туманом, мне хотелось только одного, чтобы мужчина прекратил сдерживаться и дал мне почувствовать себя внутри.

— Расскажи мне теперь, ласточка, как ты передумала! — он мстил мне.

Он качнулся вперед, почти проникая меня, но только мазнул и тут же снова покинул лono. Я застонала громче от неудовлетворенного желания и досады. Бурлившее в моей крови возбуждение требовало немедленной разрядки, но коварный тиран не дотрагивался до меня даже пальцем. Я трепетала, содрогаясь всем телом, терлась о его выпирающий орган и покраснела от того, как мокро скользит его огненный орган по моим складочкам, не задевая самого главного.

— Кто будет послушной девочкой? — наконец спросил он.

— Я... я... Я! — обреченно проскулила я.

Я готова была пообещать ему все.

И только рваное поверхностное дыхание выдавало чудовищную степень напряжения

Стефана.

Полностью удовлетворенный ответом мужчина резко наполнил мое изнывающее лоно, сразу срываясь на бешеный темп.

Я застыла в немом крике, все еще боясь, что он передумает и остановится. С очередным сильным толчком в сознании вспыхнули мириады звезд. Острое невыносимое удовольствие накатило на меня. Сокращения сотрясли тело. Я горела и осыпалась на землю ослепительными искрами.

Стефан догнал меня через пару стремительных, коротких рывков.

— Просто вынос мозга, ласточка...

IV

Еще не схлынули последние волны удовольствия, как я почувствовала, что по моему лицу струятся непрощенные, безмолвные слезы. Грудь жгла обида.

— Ласточка, — настороженно позвал меня Стефан.

Я не реагировала, так и продолжала плакать, уткнувшись лицом в руки.

Поняв, что произошло, на ходу застегивая ширинку, мужчина кинулся к решетке освободить мои привязанные руки. От ремня на них остались багровые полосы, а сами конечности сразу же закололо болезненными иголочками, и я застонала, прижимая их к себе.

Стефан притянул меня, растирая мои белые обескровленные пальцы. А я никак не могла совладать с собой. Крупные соленые капли падали с кончика носа на грудь, футболку, на руки Стефана. Он развернул меня к себе лицом.

— Я сделал тебе больно? — его голос дрогнул.

Я замотала головой.

— А что? Что тогда? Давай поедem к врачу! — он первый раз повысил на меня голос.

Я не двинулась с места, а он, наверное, не решался насильно меня куда-то тащить.

— Ласточка, скажи, я тебя так обидел? — спросил он уже тише.

— Ты меня... наказал. Я все поняла. Я больше не буду, — говорить удавалось только между всхлипами, — Мне ничего не нужно. Хочу побыть одной.

— Ох, ласточка! — он прислонил мою голову к своей груди и гладил по затылку.

А я уткнулась ему носом в солнечное сплетение и зарыдала, уже не сдерживаясь, во весь голос, горестно и надрывно.

— Маленькая моя... нежная ласточка... — жарко шептал он, наклонялся и целовал закрытые веки, а я позволяла.

Тело само льнуло к нему, искало утешения, близости крепких объятий. Я постепенно успокаивалась в его руках.

— Испугалась меня?

— Да, — со слезами в голосе произнесла я и почувствовала, как губы опять задрожали. — Очень сильно. И вчера в ванной тоже.

— Прости-прости меня, милая! Я перегнул. Я совсем не этого хотел! Я даже сам не понял, как так вышло. Если бы сказала, хоть слово против, но ты молчала, и я не смог остановиться. Я не знал, что ты так серьезно все воспримешь.

Он гладил меня по волосам, шее, спине. Я слушала, как размеренно бьется его сердце и выравнивается дыхание. Он словно вводил меня в какой-то транс.

— Ты думал, что это игра? — Я подняла тяжелые от слез ресницы и взглянула на него, — Стефан? Ты так забавлялся со мной?

— Я люблю тебя. Больше всего на свете, — и прижал так сильно, что у меня ребра сдавило, — Ласточка, паршивый из меня парень вышел. У меня крышу сорвало, когда я увидел себя твоими глазами: принуждаю, мучаю, как злой дракон заставляю сидеть в башне. А я бы хотел всему миру рассказать, что ты — моя! Мне так херово было после того разговора. Вот думал, что сделаю подарок, ты займешься кафе и отвлечешься, а я пока все улажу. И опять накосячил... Только не бросай меня, ласточка... — прошептал мне в висок, и от его горячего дыхания заколыхались прядки волос у лба.

— Не дождешься... — проворчала я, постепенно приходя в себя, — Только вот я не уверена, что смогу заниматься кафе. Во-первых, это слишком дорого! Честно, это перебор для меня. Во-вторых, у меня скорее всего не получится ничего, никакого опыта нет. В третьих, это так неожиданно, до Нового года еще две недели! Стефан, не нужно выкидывать деньги, просто ради моего развлечения. Если так нужно какое-то время тихо дома посидеть, то я и так посижу.

— Подарок, — упрямо повторил Стефан и нахмурился, — Я сам решаю, что и когда тебе дарить. О цене тоже буду сам думать. У нас так принято, привыкай.

— У кого «у нас»?

— У нас с тобой.

Он подхватил меня на руки и вынес из здания к парковке.

Руди ждал нас у автомобиля. Я не знала сколько он стоял на улице, но через приоткрытую форточку он вполне мог слышать нас. Мы поравнялись с его сумрачной долговязой фигурой, и мои щеки опалило стыдом. А он буквально впился пронизательными карими глазами в мое заплаканное лицо, когда Стефан устраивал меня на заднем сидении.

Усаживаясь, я заметила, как парень поправил зеркало, чтобы навести обзор на мое место. Наши взгляды встретились в отражении. Мой, настороженный и смущенный, и его, пристальный, неодобрительный. Это не укрылось от Стефана.

— На дорогу смотри, — зыркнул на него глазами Стефан.

— Да, я так... чтобы выезжать.

Мой мужчина сел со мной рядом, и я спрятала голову у него на груди. Мы плавно тронулись с места. Стефан приобнял, накидывая на меня край пальто. Мне было так удобно, что я безмятежно задремала и проспала всю дорогу до дома.

— А почему Руди? — спросила задумавшегося мужчину, когда мы поднимались в лифте, — Его правда зовут Рудольф?

Стефан заметно напрягся, его руки непроизвольно сжались в кулаки, а глаза помрачнели и сузились в маленькие щелочки.

— Нет... потому что — олень! — едко проговорил он.

Стефан захватил с собой все чертежи здания и на следующий день свел меня с бригадиром строительной бригады и дизайнером помещений, чтобы те помогли мне в осуществлении задуманного. Мы общались с ними по электронной почте. Один раз приезжал с документами Руди, правда, Стефан не пустил его дальше прихожей и быстро выпроводил. Телефон остался у меня с новым номером, но зато безо всякой блокировки сайтов. Не смотря на то, что я не была зарегистрирована и не имела друзей в соцсетях, все равно дышать стало свободнее. Дверь Стефан стал запирает так, что я могла выйти в любой момент и даже отдал вторые ключи.

У нас не было близости с того самого момента, как мы вернулись из поездки в кафе.

Стефан дотрагивался до меня при любом удобном случае, все время находил повод прикоснуться, поправить какую-то деталь одежды и часто бросал на меня немигающе долгие взгляды, а ночами оплетал не только руками, что и просыпалась я как в капкане, зажатая его ногами, чувствуя попой его непроходящее возбуждение. И вместе со всем этим он не трогал меня, не торопил, не требовал. Зато всегда находился рядом. В какую бы сторону я ни пошла, все время оказывалось, что именно там случилось то, что ему нужно.

В новой заказанной шелковой пижаме я валялась на диване в гостиной, работая за ноутбуком над планом кафе. В этот раз Стефан смотрел какой-то только что начавшийся матч по кабельному и, положив мои ноги к себе на колени, щекотал мои ступни и поглаживал пальчики, но как только его рука поднималась выше, и принималась разминать икру, то я отдергивала ногу.

— Ты, работай, не отвлекайся, — недовольно проворчал он и снова переключился на пальчики.

В этот момент в дверь позвонили. Мужчина посерьезнел и направился в прихожую. В дверях стоял Руди. Присыпанный снегом, огромный, нагло ухмыляющийся, нагруженный коробками пиццы и пакетом с чипсами и пивом, он встретился с хмурым недружелюбным Стефаном.

— Что, помешал? — он попытался откровенно протиснуться или хотя бы рассмотреть гостиную, скрытую от него широкой спиной моего мужчины.

— Да! Хватит заваливаться сюда по любому поводу, — буркнул Стефан, но нехотя отступил в сторону.

— Да, матч же, — неопределенно пожал плечами парень и прошел в квартиру.

Я скинула с коленей ноутбук и побежала переодеваться. Выбрала первое попавшееся из купленного: плиссированную юбку и простую футболку. Когда я вернулась, Руди уже развалился, заняв добрую половину дивана, запустив пальцы во влажные, потемневшие от растаявшего снега волосы. Я нерешительно замаялась на пороге.

— О, зеленоглазка! — парень мазнул по мне рассеянным взглядом, — бокальчики под пиво организуешь?

— Я сам, — бросил Стефан, — Посидишь с нами? — это уже было мне.

Я кивнула и прошла садиться в дальний от парня угол. Он тут же придвинулся ко мне и утупился в мои голые, с острыми коленками ноги. Я сразу же подобрала ноги, а Руди перевел взгляд на грудь. Я вспыхнула от того, что тут же вспомнила прошлую неловкую ситуацию с распахнувшимся халатом при нашем знакомстве. Руди смотрел так, как будто рукой проводил. Мне становилось все более неловко от того, с каким пронзительным вниманием он уставился на мои руки с несошедшими следами от ремня, задержался на шее, очертил губы. Изучающе, оценивающе. Я поерзала и оглянулась в сторону кухни, где хлопал ящиками Стефан. Он, поймав на себе мой взгляд, поднял найденные бокалы над головой и ободряюще подмигнул: мол, сейчас присоединится. Когда я повернулась назад, Руди в упор посмотрел мне в глаза, многозначительно и насмешливо.

— Потеряла папочку, да? — участливо спросил он.

Поняв, что не ослышалась, я от неожиданности так резко плотнула воздух, что закашлялась. Парень наклонился, чтобы еще что-то сказать, но вернувшийся Стефан, весьма напряженно и угрожающе встал вплотную к дивану. Руди поспешно сделал вид, что наклонился только для того, чтобы похлопать меня по спине. Стефан смерил друга уничтожающим взглядом, и парень сразу же убрал руку. Мужчина сел между нами и

поставил мне на колени миску с чипсами. От пива я отказалась, а ребята вовсю зазвенели бутылками и начали следить за игрой.

При каждом опасном приближении к воротам парни вскакивали, размахивая ручищами, так и норовя перевернуть пиво или пиццу. Руди болел очень азартно и эмоционально, а Стефан более внимательно и сдержанно.

— Ты видел это? Нет, ты это видел? — заорал Руди, как безумный, хватая Стефана за шею и тыча пальцем в экран, когда их команда забила.

— Видел-видел! — Стефан хохотал, очень открыто и по-мальчишески задорно.

Сначала я вообще ничего не понимала, но как-то незаметно и сама увлеклась зрелищем. Стефан, видя мою заинтересованность, начал смешно комментировать матч мне на ушко. Воздух дразнящими порциями ласкал розовую нежную кожу. В один момент я захотела задать мужчине вопрос, и мы одновременно повернулись друг к другу. Это было мимолетное, почти невесомое касание, внезапно пробившее меня, как удар тока. Пульс ускорился, и в комнате будто стало жарче. Стефан всего лишь еле скользнул по моим губам, а я от неожиданности засмеялась ему в рот. И мы зависли, не в силах обратиться к экрану. Его глаза расширились от удивления. Сомнение и колебание, промелькнувшие на лице мужчины, сменились твердой определенностью. Когда я прикрыла дрогнувшие веки, он чуть приподнял подбородок и жадно втянул носом воздух. Недовольный нашим притихшим видом, Руди непонимающе выглянул из-за спины друга и возмущенно посмотрел на нас.

В невыразимом смущении, я перевела взгляд на экран. Начался второй тайм, и ребята снова увлеклись матчем. При этом Стефан продолжал искоса бросать на меня голодные, хищные взгляды, от которых все внутри замирало.

Теперь я замечала все: продольные складки, залегшие у него между бровей, то, как он постоянно нырял в миску на моих коленях. Наблюдая за игрой, он всякий раз как бы случайно задевал рукой мою грудь, захватывал горстью чипсы и сыпал себе в рот. Глотал, почти не прожевывая, и тянулся снова. Когда миска опустела, он, сбрасывая ее с моих ног, пропустил руку между плотно сжатыми бедрами и выразительно посмотрел в глаза.

Сама ситуация, когда Руди в любой момент мог повернуть голову и застать нас за непристойностями, заставляла щеки гореть от стыда и плавиться тело.

Стефан придвинулся ближе и положил руку на спинку дивана за моей спиной. Его ладонь свесилась и пальцы коснулись чувствительно соска. Каждый раз, когда я делала вдох, то ощущала его осторожные, умелые прикосновения. Я постаралась задержать дыхание, но стало только хуже. Потому что, когда в следующий раз сделала длинный судорожный вдох, он успел ущипнуть меня за возбужденный сосок, который бесстыдно торчал из-под футболки. Я так распалилась, что непроизвольно издала какой-то глубокий гортанный звук, и тут же закрыла ладонями рот.

— Так, Руди, досмотри матч дома, — рыкнул на непонимающего друга Стефан.

— Блядь, Стеф, серьезно? — он осуждающе посмотрел на нас.

Демонстративно громко парень поставил бокал на столик и вышел, пнув лежащую на дороге диванную подушку. На его губах играла презрительная усмешка.

Не успела за Руди хлопнуться дверь, как Стефан уже стоял, возвышаясь надо мной. Захватил мои щиколотки и одним резким волнующим движением притягнул к себе. С задравшейся юбкой я проехала попой по кожаной глади дивана и оказалась под ним. Глаза в глаза. Стефан гипнотизировал меня расширившимся донельзя зрачком. Его глаза стали темнее ночи, опаснее грозового осеннего неба. Два бездонных колодца ключевой воды. Он

опустился на мои губы в зовущем, сладком, хмельном поцелуе от которого опьянел разум, а тело приобрело вес.

— А Руди? — наивно попробовала переключить Стефана.

Я разрывалась между неуверенностью и желанием раствориться в любимом мужчине. Любимом? И пульс шпарил за сотню.

— Черт с ним, — отмахнулся мужчина.

V

Утром я долго нежилась в кровати. Между ног тянуло после жарких ночных ласк Стефана. Я почему-то думала, что уже достаточно осведомлена о постельной стороне жизни, но то, что творил с моим телом этот мужчина, заставило меня подняться к небесам и парить в невесомости. Когда он вчера подмял меня под себя, задрал юбку и отодвинул полоску трусиков, то я чуть с ума не сошла, из-за того, что вдруг осознала, что мы все еще находились на том самом диване в гостиной, на котором недавно сидел его друг. И резкий уход Руди и то, что парень, весьма прямолинейно намекнул, что понял наши намерения и что, возможно, представил, подстегивало еще сильнее. А когда Стефан опалил горячим дыханием низ живота, лизнул мой лобок, припал к половым губкам в диком, разнузданном, влажном поцелуе, таком же откровенном, как до этого впивался в мой рот, то я ощутила, что потеряла себя, умерла и родилась заново в его сильных надежных руках. Я выгибалась, хрипела и кричала его имя. А когда все закончилось и он положил голову мне на живот, шептала его имя, перебирая пальцами непокорные жесткие пряди его волос.

Улыбаясь и сладко потягиваясь, я направилась умываться и вспомнила, как вчера, после второго или третьего раза любви, я сидела в ванной позади Стефана, доверчиво прижимаясь к его спине голой грудью, обвив его торс голыми ногами, и кайфовала, вспенивая его густые темные волосы. А он повернулся ко мне и неожиданно серьезно сказал:

— Если ты предашь меня, я тебя убью, ласточка...

— Ты думаешь, что я буду тебе изменять? Что я полюблю кого-то другого?

Он тряхнул головой.

— Нет, ласточка, измена — это повод разорвать отношения, но не предательство, — очень грустно сказал мужчина. — Предательство — это если ты согласишься другому больше, чем мне...

Я бы еще долго валялась в постели, перебирая в памяти милые сердцу моменты нашего воссоединения, но новые обстоятельства требовали моего участия. С этим кафе появилось много забот. Я почти определилась с концепцией заведения, и теперь мне не терпелось приступить к разработке меню. Если внешний вид блюд был придуман еще со времен учебы в техникуме, то вот вкусовую составляющую требовалось сочинить с нуля. Раньше у меня не было необходимых ингредиентов, а теперь катастрофически не хватало времени.

Я обрадовалась, когда Стефан позвонил и сказал, что сможет приехать на обед.

— Проходи скорее на кухню, — крикнула я ему из глубины квартиры, когда безошибочно определила в прихожей его шаги, — Тебя ждет десерт! Надеюсь, ты голоден.

Тигриной походкой он приближался ко мне и довольно мурчал:

— Да, ласточка, ты даже себе не представляешь, я бы целиком тебя... — он осекся, потому что в этот момент я отступила, с гордостью указывая рукой на барную стойку.

— Что это? — обиженно поджал губы Стефан.

А я прыгала вокруг него, радостно хлопая в ладоши.

— О, Стеф, попробуй, пожалуйста! Вот это — пирожное «Мои черничные ночи», это торт — «Мед в голове», это — «Зеленые яйца с ветчиной», это — «Лакричная пицца»*!

А вечером Стефан опять задержался на работе допоздна. И на следующий день тоже. Мне некогда было особенно грустить, но стало очевидно, что мужчина воодушевился нашим примирением, расслабился и сконцентрировался на своих делах. Два раза за неделю он приносил мне букеты, а под конец недели объявил, что после новогодних праздников все будет окончательно решено, и я смогу выйти на учебу! Я была почти счастлива. Однако вопросов по кафе нужно было решить еще такое огромное количество, что казалось, время просто утекало сквозь пальцы. Этому я посвящала все дни, а ночи были наполнены нежностью и страстью.

В пятницу днем мне позвонил Стефан:

— Слушай, Ласточка, я сегодня не приеду ночевать, — и замолчал.

— Что-то случилось? — мне показалось, что мужчина что-то не договаривал.

— Ничего, о чем бы тебе следовало беспокоиться, — и опять длинная пауза, — Ты не испугаешься одна в квартире?

Я, конечно, надулась.

— А что, ты тогда останешься со мной?

— Нет, это исключено, — его голос прозвучал достаточно сухо, — Но я могу оставить под дверью охрану, если тебе так будет спокойнее.

— Вряд ли... Не стоит... А как же продукты? Ты же обещал привезти малину. Мне нужно сделать еще два рецепта!

— Я помню, милая. Руди завезет тебе сумки вечером.

— Хорошо, — я готова была пойти на компромисс, — Просто, возвращайся скорей и... знай, что я люблю тебя.

— Сразу, как только смогу, ласточка...

Вечером и правда приехал Руди, нагруженный пакетами. Он только кивнул мне, так как болтал по телефону, который зажимал между ухом и плечом, и я знаками попросила его перенести все продукты на кухню. Сначала я не обратила внимание на его трескотню, но после того, как в разговоре пару раз мелькнуло имя Стефана, я невольно прислушалась и стала следить за его словами:

— Анжел, конечно, на всю ночь! — и я напряглась, я уже ненавидела эту девицу, — Стефан специально снял гостиницу, так что в этом году корпоратив будет еще лучше! Ты только не ржи, но босс специально заказал тебе стриптизеров. Нет, я в городе задержался. Потому что босс задание дал, — и он стрельнул взглядом в мою сторону, а я, пялившаяся на парня во все глаза, стремительно отвернулась, — Начнете без меня, а я через два часа уже на месте буду. Только в сопли не напейтесь, как в тот раз.

— Ну, что, кавказская пленница, все сидишь? — спросил он меня, после того, как отбил звонок.

— Как видишь, — я зябко передернула плечами.

Мне очень хотелось расспросить Руди подробности, но я удержалась, потому что решила, что не унижусь до подобного.

— Дашь водички? — он облокотился поясницей о барную стойку и взглянул на меня исподлобья.

— Ты, вроде, спешил?

— Одно твое слово, зеленоглазка, и я у твоих ног на всю ночь!

— Босса не боишься?

— Очень боюсь. Но что делать, если он далеко, а ты тут, рядом одна.

«...Он зла Мазепе не желает;

Всему виновна дочь одна.

Но он и дочери прощает:

Пусть богу даст ответ она,

Покрыв семью свою позором,

Забыв и небо и закон...» **

Я фыркнула и протянула клоуну кружку воды.

— А, может, подружки у тебя есть, такие же, как ты?

— Какие такие?

— Такие же доступные, — выплюнул он мне в лицо.

— Часто отказывают? — он зря надеялся, что я проглочу.

— Если хорошо попросить, то нет. Ладно, зеленоглазка, целоваться не будем, спешу.

Он легко оторвался от барной стойки и уехал. А я осталась посередине кухни с пакетами, приближающейся ночью и новой тоской.

Два часа промучившись без сна на сбитой в комок простыне, в пустой кровати, я достала сотовый и, ведомая непреодолимым порывом, зашла на страничку студенческого форума.

Там по-прежнему кипела жизнь. Пестрела новостями доска объявлений. Большое обсуждение собрало сообщение с анонсом лекций известного биолога из гарвардского университета, приехавшего на прошлой неделе.

Вчера вышел большой новогодний выпуск журнала, за издание статьи в котором мы так отчаянно соревновались.

Все это казалось сейчас таким призрачным и далеким. Я поймала себя на том, что скучаю по тем временам, когда все было так запутанно, но все равно не настолько сложно, как теперь.

Я долистала он-лайн версию журнала до середины и увидела на развороте Светкину статью о волонтерстве и приюте для животных. Я была очень-очень рада, что она победила! Я прочитала ее от корки до корки несколько раз. Материал был превосходным и очень содержательным. Он полностью соответствовал требованиям. Подруга заслуженно заняла первое место.

На эмоциях я нажала на угловую иконку с конвертом и обнаружила десятки писем. Было много вопросов и извинений от Игоря. Их я просто бегло просмотрела, зато зависла на сообщении от Светы.

Девушка писала о том, что очень переживает о моем исчезновении, беспокоится, и просила прислать ей хоть пару слов в ответ, если со мной все в порядке. А еще сообщала, что 22 декабря будет с Игорем отмечать в нашем кафе свою победу в литературном конкурсе, и, если я все же каким-то чудом прочту ее сообщение, то или должна прийти или знать, что я разбила ей сердце.

Меня бросило в холодный пот. 22 декабря было сегодня. Меня закрутило от внезапного ощущения потери и образовавшейся пустоты.

Я уже собиралась закрыть страницу и покинуть форум, когда увидела мигающий значок конверта. Мне кто-то только что отправил сообщение.

* Перечисленные названия, относятся к известным произведениям кинематографии.

** А.С. Пушкин, «Полтава» — в данном отрывке поэмы идет речь о красавице Марии которая от самозабвенной любви, сбежала из своей семьи к старому гетману Мазепе.

Глава 14. «Обман»

I

Руки сами потянулись к подсвеченному конверту в углу экрана. Писал Олег. Я жадно вчитывалась в сумбурно набранный текст. Между строк проступала его обычная плохо контролируемая ярость. Он сообщал, что не беспокоится, не вспоминает и не ждет обратно. Краски мои и кисти выкинул в сарай и надеется, что они там сгниют. И ему совсем не интересно, что у меня за причина скрываться. И лучше б я сдохла. А если только появлюсь у них на пороге, то он сам меня с лестницы спустит.

И не успела я закрыть сообщение, как прилетело следом:

«Я вижу, что ты в сети»

А потом:

«Я не хочу тебя больше видеть никогда»

И почти тут же еще:

«Завтра в 18:00 будь в парке напротив универа. Около пруда. Я просто посмотрю, что ты в порядке, и уйду»

Я в испуге, как будто меня застали за преступлением, быстро закрыла сайт и легла спать.

Пробудилась поздно, когда короткий зимний день перевалил за середину, с сильной головной болью, растрепанная и уставшая так, будто и не спала вовсе.

Я подошла к окну и вспомнила, что последний раз на улице была почти неделю назад, если считать перебежку от машины до кафе и обратно. Тусклое солнце едва пробивало тяжелые тучи. Рассеянный белый свет превращал город в монохромные кадры синематографа. Страшно захотелось на воздух.

Я совершенно не жаждала разговора со Стефаном. Но понимала, что это неизбежно. Я представляла его сейчас в гостинице, может быть пьяного или даже в обнимку с Анжелой. Наверное, он вчера хорошо повеселился. Наверное, и не вспоминал обо мне. И, видимо, у него есть куча аргументов, чтобы себя оправдать, или даже совсем не думает, а считает, что у нас все хорошо. А Руди, скорее всего, тоже остался очень доволен и теперь будет смотреть на меня и ржать, вспоминая их новогодний отрыв. Боже, как же все это мерзко!

А мне бы только вырваться отсюда и побродить где-нибудь часок, проветрить голову.

Я несколько раз набирала сообщение Стефану и снова стирала его. Промаявшись, все же решила на звонок. Через пару длинных гудков в трубке раздался его хриплый усталый голос:

— Ласточка, если у тебя все в порядке, то давай вечером? Я приеду, а сейчас не могу говорить. — На заднем плане послышались какие-то голоса, эхом отражающиеся от стен, как будто мужчина находился в каком-то немаленьком помещении.

— Я... мне не так срочно... — я почувствовала себя ужасно глупо, — Я тут просто подумала, что мы могли бы сходить прогуляться или мне можно было бы выйти...

— Занят, — прервал достаточно резко, но прежде, чем он отключился, я успела услышать протяжный женский вскрик.

У меня подрагивали руки, и хотелось разрыдаться. Я почувствовала полное бессилие. На

меня девятым валом надвигалась ощущение брошенности и ненужности. Я посчитала, что ничем не заслужила такую грубость.

В холодном гневе я в вновь вытащила телефон и зашла на студенческий форум. Нашла нашу ночную переписку с Олегом и, долго не раздумывая, отправила:

«Возьми с собой мои принадлежности для рисования».

До шести оставалось еще два часа, этого времени мне было вполне достаточно, чтобы успеть на другой конец города, не то, что в парк у института.

И, тем не менее, я так тщательно собиралась, что вышла позже намеченного времени. Я до последнего надеялась, что Стефан успеет появиться и застанет мои сборы, и остановит, и приведет элементарные, разумные причины, и поцелует. Я ему поверю, и снова все будет хорошо. Но он не приехал.

А потом я отвлеклась, глубоко задумалась и проморгала нужную остановку. Спихватилась только на следующей. Решила не тратить время на ожидание транспорта в обратную сторону, а пошла до парка пешком. И с каждым шагом на меня накатывало непонятное чувство тревоги. На самом деле я вовсе не хотела видеть Олега. И теперь сама не понимала, как так вышло, что согласилась на эту встречу. Ладно, я ускорила шаг, хорошо было бы вернуться раньше в квартиру Стефана.

Вечерело. Вдоль пустынных аллей кружила легкая поземка. Даже случайные прохожие выбрали в этот субботний вечер другой маршрут. Только в самом начале парка на скамеечке сидел одинокий сгорбленный старичок. Деревья, до весны укрытые толстым слоем снега, застывшей мерзлой стеной ограждали парк от шумного проспекта. Тут были места, где создавалось впечатление выезда за пределы большого города. Только отдаленные автомобильные гудки напоминали насколько это обманчиво.

Почему-то очень захотелось плюнуть на все и поехать назад к Стефану. Я даже достала из кармана телефон, вдруг мужчина уже вернулся и искал меня.

Новых вызовов не было.

Я оказалась уже у самого прудика, так никого и не встретив по дороге. Опоздала на сорок минут и, конечно, уже не застала Олега. Но от этого только испытала невероятное облегчение.

Раз уж приехала, то решила сделать один кружочек вокруг воды. Когда я повернула ближе к углу, от которого вела тропинка к университетской метеостанции, то краем глаза заметила, как плечистая мужская фигура отделилась от дерева и направилась прямым ко мне.

Темный человек шел быстро, ссутулившись, настороженно озираясь. Голова была скрыта капюшоном толстовки, торчащим из-под пальто. И все же это был Олег. Я обратила внимание на его пустые руки.

— Привет, Женя, — проговорил не злобно, но как-то недоверчиво, будто еще до конца не осознал, что действительно видит меня перед собой, — Хорошо выглядишь.

Он оценивающе осмотрел мою новую явно недешевую куртку и остановился взглядом на обуви. Все это покупал для меня Стефан перед поездкой в кафе.

— Привет! Да, у меня все в порядке.

— Вижу, — он сплюнул к ногам, — Мы уже и не знали, что думать. Ты так внезапно исчезла. Отец к Игорю в больницу ездил. Я думал, что он его там доломает, но этот ушлепок молчал, как рыба об лед. А ты, смотри-ка, живая и невредимая...

Последнее он сказал с таким укором, как будто для него и, правда, было бы лучше, если

бы со мной случилась какая-нибудь беда.

— Чем живешь, Чудо? Где же обитаешь?

— Я живу у своего молодого человека, — я не видела смысла это скрывать и с удовольствием наблюдала, как расширились от удивления его глаза.

Олег присвистнул, но от колкости воздержался. Зная его характер, я понимала, как тяжело ему сдерживаться. Я не знала, можно ли говорить про Стефана, но решила, что скорее всего нельзя, потому что иначе мужчина сам бы известил Олега.

— А ты привез мои кисти?

— Там. В машине. — Он неопределенно махнул головой в сторону проспекта, — Спешешь что ли?

— Да, я домой хочу, — и на самом деле в этот момент вдруг поняла, что уже не злюсь так сильно на Стефана и сильно по нему скучаю. И Пантелеев и его отец были и остались для меня совершенно чужими людьми.

— Домоооой... — передразнил меня парень достаточно враждебно, — Ну, тогда двигай резче за причиндалами своими, — и сам зашагал вперед к какой-то неприметной тропинке между деревьями, — Срежем здесь.

Как только мы чуть отошли от освещенной аллеи, Олег неожиданно развернулся, крепко схватил меня за руки и нос к носу прошипел:

— Не дергайся!

Я попыталась выдернуть руки, но сзади ощутила, как меня прижало еще одно тело, и чьи-то пахнувшие табаком руки начали рвать ворот куртки. Недоумение длилось одно мгновение, а дальше я принялась отчаянно сопротивляться. Изловчившись, мне удалось наступить на ногу противнику, нападавшему со спины, и затылком нанести удар в лицо. Он грязно выругался и выпустил из захвата. Тут же получилось вывернуться из рук замешкавшегося Олега. В другом нападавшем я опознала Матвея. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. «Мой Стефан их убьет» — промелькнуло где-то на грани осознания. Секундной сумятицы в рядах противников мне хватило, чтобы отбежать на несколько метров и крикнуть. Но все равно оказалось не достаточно, чтобы оторваться от преследователей. Шершавая ладонь Олега легла мне на рот, а Матвей, заливая снег кровью из носа, с еще большей яростью накинулся на мою куртку.

— Чего ты орешь, дурrrrrра! — угрожающе прорычал Олег, — Думала, что сможешь всех наебать и скрыться с наследством? Отец мне все рассказал, но я не верил, что ты окажешься такой сукой. А теперь сам убедился. Так что не ори, ни твой ебарь и никто другой тебе сейчас не поможет.

Я почувствовала, что Матвею все же удалось разделаться с моей одеждой. Обнаженную кожу плеча студил ледяной декабрьский ветер. Матвей размахнулся и со всей силы вогнал мне в основание шеи непонятно откуда взявшийся шприц. Они все еще держали меня, а я уже теряла ощущение собственного тела. Из меня как будто разом выкачали все возможности для борьбы, словно выдернули из розетки. Голова сделалась такая тяжелая, что я слышала, как ворочаются мысли.

Олег больше не закрывал мне рот.

— Ты... пожалеешь... — прошептала я.

— Да. Конечно. — Ядовито согласился Олег.

— Стефан, — прохрипела я, напрягая последние силы, — Маркович — это мой... мой парень... с ним живу...

Матвей и, правда, напрягся.

— А что она такое пиздит? Олег, я на такое не подписывался, — он готов был отступить.

— Вот, Чудо! Ты что повелся? Она надумала нас пугать, так хоть бы узнала прежде, чем гнать. Он уже неделю, как пропадает в рехабе. У Олеськи срыв случился. Нет его в Москве. Я в офис навевался вчера, так мне...

Дальше я уже не слышала. Парни волочили, собирая все подснежные кочки, мое бесчувственное тело.

Свет больно резал глаза. Голова трещала. Боль огненным обручем сжимала виски. Во рту была такая засуха, что я с трудом сглатывала. Пошевелив одеревеневшей шеей, я обнаружила себя лежащей на больничной кровати на матрасе, застеленном клеенкой, даже без постельного белья. Полностью обездвиженная по рукам и ногам пристегнутыми ремнями. Стены в грязно-синую квадратную плитку. Окно небольшое, расположенное слишком высоко. Палата, рассчитанная на четырех человек, но другие койки оставались свободными. И запах... Ни с чем не сравнимая смесь хлорки и фенола. Меня сразу затошнило, но сухость во рту не дала рвотным позывам разыграться.

События вчерашнего дня всплывали в памяти черно-белыми хаотичными всполохами. Болезненно поморщилась, восстановив большую часть вечера. Это все Олег! Это он все подстроил и заманил меня в ловушку. Боже! А Стефан меня предупреждал.

Ситуация складывалась совсем нехорошая. Я продолжала осматриваться. Меня оставили в своей одежде, но без куртки, обуви и, самое главное, без сумки, в которой находился мой телефон. Никаких личных вещей в помещении не было.

Я пребывала в одиночестве не больше минут тридцати. В коридоре послышались приближающиеся шаги. Разговаривали несколько человек. Один из голосов показался мне очень знакомым, но из-за сильной головной боли, я никак не могла определить, кому же он принадлежит.

— А если она будет вести себя... шумно?

— Не волнуйтесь, это крыло было законсервировано еще десять лет назад. Пациентов здесь не бывает от слова совсем. Нам обещали провести капитальный ремонт, но так и не согласовали смету. Если бы вашей спонсорской помощи...

— Ну, позже, — оборвал все тот же властный голос.

— Когда она уже придет в себя? Я спешу.

— Мы все понимаем, Сергей Михайлович. После капельницы, которую мы поставили должна уже вот-вот.

В палату шагнул Пантелеев-старший и лысый пожилой мужчина с усами, одетый в белый больничный халат. Наверное, врач, с которым тот беседовал в коридоре. Пантелеев окинул комнату строгим, презрительным взглядом и остановился на мне. Увидев мои раскрытые глаза, он кивнул врачу на дверь, и тот бесшумно удалился.

— Проснулась, Евгения?

Мужчина подошел ближе и в рассеянности хотел присесть на соседнюю койку. Но вовремя опомнился, брезгливо скривился и остался стоять.

Я не ответила на его приветствие.

— Ну, зачем же ты так? Будешь обижаться?

Я посмотрела не него и даже губы сжала от решимости молчать.

— Очень зря! Я же вижу, что ты узнала меня. Но, ничего, Женя, это ненадолго. К

сожалению, ты не оставила нам выбора. Хотел бы я, чтобы все сложилось по-другому. Но, я сам человек подневольный... А если честно, то ты своим исчезновением поставила меня в тупик. Долго бы я еще бился над этой загадкой. Хе-хе-хе, — он гаденько рассмеялся, — Олег оказался догадливей.

— Да пошел ты и твой вонючий сынок! — я не выдержала его самодовольного тона.

— Женя! Ну как можно так говорить? — он укоризненно взглянул на меня, — Это ты здесь будешь лежать, обколотая лекарствами, пока не потеряешь память и не начнешь ходить под себя. Так что через месяц посмотрим, кто будет вонючим. Правда?

— Сволочь! — я дернулась на кровати, ремни впились в кожу, но я не сдвинулась ни на сантиметр.

Пантелеев опасливо посмотрел на меня и отошел подальше.

— А, знаешь, твой план тоже был не плох. Отсидеться по-тихому и потом прибрать все к рукам. Хе-хе-хе. Только ты действительно думала, что с такими деньгами можно так легко расстаться и тебя никто не будет искать? Рассчитывала, что о тебе забудут? — он говорил очень вкрадчиво, но от его голоса у меня бежали мурашки ужаса по телу.

— Мне не нужны эти деньги, я готова в любой момент подписать что угодно! Давайте договоримся, пожалуйста, — я заплакала, но старалась не переходить на совершенные рыдания и сдерживалась.

— А потом ты передумаешь и снова сбежишь? Нет, Женя, — сказал он так грустно, что даже я поняла, что это конец, — это не наш вариант. Мой план вернее. Не знаю, поверишь ли, — этот ненормальный опять воодушевился, — но у меня до последнего не было четкого плана. А потом Олег рассказал мне, что обнаружил у тебя в карте психическое заболевание. Представляешь, какая это была удача! Это полностью развязало нам руки.

— Вы — псих! Самый настоящий! И Олег ваш такой же... — я заорала, не смотря на саднящее горло. Голова готова была разорваться от резкой вспышки боли. Крик забрал все последние силы.

— Ну-ну-ну, не расстраивайся. Скоро тебе будет уже совсем все равно! Как только можно будет признать тебя недееспособной, и меня назначат твоим опекуном, я заберу тебя домой. Ты не умрешь здесь. Это все временно.

— Лучше б ты убил меня, паскуда, — прохрипела я.

— Женя, что ты такое говоришь! — он посмотрел на меня, так, будто на самом деле был изумлен, — Смерть — это совсем крайняя мера! За кого ты меня принимаешь? Убийство — это всегда след, это всегда риск! Зачем, если можно подождать всего месяц? Войну всегда выигрывает терпеливый. И тебе не будет больно. Препарат из Европы, очень дорогой. Для лечения шизофрении, нового поколения. Ты скорее всего вообще ничего не почувствуешь, — его губы тронула легкая улыбка, а я поразились тому, какие же у него неестественно мертвые, страшные глаза.

Как же я раньше не замечала этого?

— Ну, ладно, это, наверное, наш последний адекватный разговор. Я сейчас выйду через ту дверь и совсем скоро престану для тебя существовать. Врач говорит, что ты даже не вспомнишь меня. Тебя вообще больше ничто не будет тревожить. Это даже счастье в какой-то мере. Помнишь, ты говорила мне, что жизнь в большом городе не для тебя. Так не сопротивляйся, прими свою судьбу, Женя. Я, конечно, и не думаю, что ты меня поймешь. Я сам загнан в угол. Но если бы ты была на моем месте, то поступила бы точно так же... Не буду его затягивать... Прощай, Женя!

Он удалился с абсолютно прямой спиной, ни разу не обернувшись.

Я лежала, повернувшись лицом к стене, глотая бессильные, соленые слезы. От боли свело грудину. У меня в голове никак не укладывалось новая реальность. Было чувство, что я оказалась в фантастическом фильме ужасов. Разве так можно поступать с человеком? Это же так страшно, так невыносимо, так безысходно.

Я никак не могла сконцентрироваться и определить, что же мне делать. В голове плотно засела и прокручивалась на репите одна только фраза, произнесенная Пантелеевым: «Скоро будет уже совсем все равно». Даже не отреагировала вновь отворившуюся дверь. На тумбочку рядом с моей головой шлепнулось что-то дребезжащее. Я в испуге обернулась назад. Надо мной стоял, ухмыляясь и разглядывая с нездоровым любопытством, огромный грузный детина в несвежем костюме медбрата.

— Обед, — осклабился он, скользя по моим привязанным ногам близко посаженными, маслянистыми глазками, — А после — укольчики.

Мороз продрал по коже. Я сразу почувствовала к нему такую сильную неприязнь, что побоялась, как бы она не отразилась на моем лице. Я поняла, что не хочу сдаваться. Мне нужно вырваться отсюда любым путем. Подкупом, угрозами, обманом. Любым.

— Хорошо, спасибо, — попыталась говорить ровно, придав голосу твердость, — Я — Женя.

— Хах, — так и залился он не понятно с чего, и складки жира под спецодеждой заколыхались, — Забавная...

Я напряглась, чтобы не дать реакцию.

— А вы кто?

— Твоя сиделка и хранитель твоего благополучия — Толя, — представился он после минутного раздумья, — Будем вместе куковать, пока до кондиции не дойдешь.

Он подошел к койке вплотную и деловито потрогал ремни на ногах, чуть дотрагиваясь до самих ног. То же проделал и с руками.

— Крепко, — довольно проговорил он.

Я опять содрогнулась и даже глаза прикрыла от отвращения.

— А это удобно? Вы же — медицинский работник, вас, наверное, все по имени-отчеству зовут?

— Не удобно трусы через голову надевать, — прыснул боров и опять затрясся всем своим дебелим телом, — И какать стоя...

От невероятной дебильности ситуации мне хотелось заистерить, заорать во все горло. Поэтому сделала несколько медленных выдохов и вдохов.

— А что, вместе, значит, мы с тобой тут заложники? — я заметила, как обиженно вытянулось его лицо, — Ты сам-то обедал или только меня кормить будешь?

Я старалась говорить дружелюбно, не понимая пока, какой тон мне выгоднее выбрать.

— Еще чего? — возмутился Толя, — Пока можешь, сама себя обслуживать будешь. Я не нянька, а квалифицированный медик.

Он отстегнул одну мою руку и поставил мне на грудь пластиковую тарелку с какой-то бурдой в консистенции пюре и дал пластиковую ложку.

— Самообслуживание, — опять хохотнул он.

— Ты — веселый, Толя, — и его глазки недобро сверкнули, когда я произнесла его имя вслух, — Можно мне сначала воды?

Он молча подал бутылку. Я пила жадно, немного проливая на подбородок. Пить лежа

было непросто. Бутылку держать одной рукой тоже почему-то выходило слишком трудно. Настолько она показалась мне тяжелой.

— А ну, хорош, — выхватил воду, — А то обоссешься!

А уж принимать пищу в распластанном положении — то еще удовольствие, но я знала, что это жизненно необходимо. Без еды, с пустым желудком у меня не было бы никакого шанса вырваться. Раз лекарства должны сломать меня только через месяц, то я еще поборюсь и найду выход.

Я запиховала в себя непонятную серую жижу и надеялась, что если сразу не стошнит, то удастся задержать в себе.

— Спасибо, — сказала, когда соскребла последнюю ложку, — Толя, а много ли ты здесь получаешь?

— Что получаю, все мое. Тебе-то что? — он вдруг с ненавистью уставился на меня.

— Я, думаю, что мы могли бы помочь друг другу. Тебе хорошо заплатят, если бы получилось передать от меня... хотя бы записку. За меня волнуется один друг. Или какую-нибудь вещь... — я увидела, как в непонимании и обиде вытягивается его лицо, и дрожат два подбородка, что не предвещало для меня ничего хорошего. Это сбивало и я начала тараторить, уговаривая и совсем сбиваясь, — И это ничем тебе не грозит... Никто ничего не узнает...

Толя закивал головой и полез в тумбочку. Достал оттуда бобину скотча и начал ожесточенно обматывать его вокруг моей головы. Через минуту я уже не могла пошевелить губами.

— Ну, что так лучше? Знаю я вас, мажористых выблядков. Скоро ты даже слюни свои не сможешь контролировать, а все еще думаешь, что чем-то распоряжаешься! Привыкла, что все можно купить? Ненавижу таких сук! Я тебя насквозь вижу, как облупленную. Не рассчитывай, что удастся со мной договориться.

Я ошарашено замотала головой. А он схватил шприц и со всего размаха всадил его мне в бедро. Было настолько больно, будто к ноге поднесли зажженную свечу. Слезы выступили от яркой волны скрутившей тело. Казалось, что мышцы отрываются от тела. Я попробовала выдохнуть носом, но это не помогло, только усиливая впечатление удушья. В комнате становилось темнее, как будто резко за вечерело. Я сделала попытку абстрагироваться и представить, что все происходит не со мной. Боль начала отступать и вскоре ощущалась, как рябь на озере, где-то на поверхности пугающе опустевшего сознания.

Очнулась, когда стало совсем темно. Глаза резало от пересыхания. Было такое ощущение, что все это время я пролежала с открытыми глазами. Белый больничный свет, горевший только в коридоре, через приоткрытую дверь едва проникал в палату. Я видела ножищи Анатолия, раскиданные на крайней к двери койке. Его лицо было освещено смартфоном. Он сидел, привалившись к стене спиной, уткнувшись в телефон.

Пошевелиться я была не в состоянии. Совсем не чувствовала тела. Толя даже не заметил, что я очнулась. Через некоторое время я обнаружила, что мои губы шевелятся помимо моей воли. «Я смогу» — вот, что я хотела произнести. Это было последней мыслью, за которую зацепилось сознание перед тем, как отключиться.

Дверь запахнулась, и в комнату вошел пожилой, но довольно бодрый и жилистый мужчина. Одетый в такую же форму, как и у Толи, только более опрятную.

Он опустил спортивную сумку на соседнюю кровать.

— Эт, Толь! Ну, ты чего! А если б не я, а Иваныч зашел! Вы — молодежь, совсем без

своих игрушек не можете. Спрячь скорее, — он указал глазами на телефон Толи.

— Не, Вов, не паникуй! Кому это надо... — вяло отозвался Толя, но, все же, пряча телефон в карман, — Нах она ночью-то сдалась?

Старик поиграл челюстью, но не возразил.

— А чего девчонка, какая попалась? не буйная?

— Да, расслабься. С ней проблем не будет. Легкие деньги. Даже не верится, чем и кому такая овца может помешать...

— Как знать — как знать... Не наше это дело, Толя. Ты весь препарат ввел?

— Да, накачал под завязку. До завтра в отрубке будет, — он уже собирался.

— Ну, иди-иди, отдыхай.

Когда за Толей закрылась дверь, старик подошел ко мне ближе и вяло пробежал глазами по пристегнутым конечностям. Через минуту он вытащил из спортивной сумки надувную подушечку и плед и захрапел как трактор.

А я не провалилась в такой желанный сон. Раскатистый храп действовал на меня раздражающе. Почему-то начало казаться, что с каждым его «грррр...» и «хррр...» по мне пробегают тысячи маленьких букашек. Я настолько отчетливо чувствовала их мерзкие лапки, что не знаю, как сдержала крик. Я зажмурилась, чтобы сбросить наваждение и с силой прикусила губу. Боль медленно возвращала мне реальность и способность соображать.

Ах, если бы только Стефан знал, где я... Он бы приехал, он бы всех их наказал! Он бы меня никому не отдал. Я сама попалась, как последняя дура, на удочку Олега! Мой мужчина велел сидеть дома, а я зачем-то поверила Пантелееву?

На самом деле так же сильно, как физические страдания, меня мучил страх, что Стефан не придет. Или даже специально бросит меня здесь. Я не была уверена, что мою встречу с Олегом он не расценит, как предательство. Я очень терзалась, ведь совершила именно то, о чем он предупреждал. Предлагая Толе деньги, я рисковала и тяготилась воспоминанием о том самом разговоре, который вначале опрометчиво не приняла всерьез.

Нужно было срочно выбираться, пока меня не превратили в полный овощ. Однако тот факт, что я очнулась в два раза раньше, чем планировали эти коновалы, вселял некоторую надежду.

Если медбрат Толя оказался жирным придурком с раздутым самомнением, то старичок пока оставался темной лошадкой. Я прикрыла глаза, желая, чтобы новый день принес избавление.

Следующим же утром я поняла насколько ошибалась. Санитар Вова оказался гнусным дедом с садистскими наклонностями. Он отхлестал меня, когда проталкивал серую липкую кашу мне в глотку. И когда я давилась, от того, что желудок отказывался принимать пищу, то со всей дури лупил ладонью по голове, щекам, губам, куда попадала его рука.

Он брал мою кровь на анализы, оставляя синие пятна на коже и загоняя иглу так, что мне почудилось, что в его бледных безжизненных глазах зажегся огонек удовольствия от гримасы боли на моем лице.

Анатолия, пришедшего днем на пересменок, я встретила с облегчением. С его появлением Владимир опять превратился в мирного старичка. Он сухо попрощался и покинул нас.

Толя опять развязал мне одну руку и позволил самой пообедать. Давали похожую на вчерашнюю бурду похлебку. В этот раз я еле попадала ложкой в рот, но снова доела все до последней капли. Толя терпеливо ждал, пока я закончу, и уже за одно это я была ему

благодарна.

— Ты так накинулась на это хрючево, как будто ничего вкуснее не пробовала, — веселился он.

— Я ела и хуже, — выдала сквозь зубы.

Язык еле ворочался. Слова давались с трудом. Голова прояснилась, но вот выговаривать их оказалось чертовски затруднительно.

Парень посмотрел на меня как будто безразлично, поэтому я решила закрепить успех и продолжила:

— Я из детдома. Не мажор... не мажорка. Тоже хотела в медицинский поступать, но не вышло.

— Хах... — залился он идиотским клокочущим смехом, — А чего ж не вышло?

— Мозгов не хватило. Вы ж все с головой, а для меня слишком сложно. Темный лес, — по его поощрительному молчанию я почувствовала, что нашла верный путь. — У меня вот сегодня пробирки брали, а я вообще не секу. Я слышала, что хороший медбрат двух докторов стоит. Ты-то, наверное, разбираешься...

— Ну, так ясен пень! — он выпятил вперед сиськастую грудь, — Посмотрят концентрацию препарата в крови. Будут увеличивать, а то чего-то ты живчиком таким скачешь... как на курорте тут, да?

И снова затрясся от хохота.

Ну, надо же! А ведь Толя был прав. Мне же действительно поднимут дозу. Значит, нужно было действовать как можно быстрее, иначе просто не будет шанса.

А потом он даже сводил в туалет, но выйти наотрез отказался и смотрел на меня все время, пока я сидела на унитаза. «Скоро мне будет уже совсем все равно», — повторяла я про себя, как молитву, и все же почти радовалась, что мне нужно было сходить только по маленькому. Я сцепила зубы, стараясь подавить гордость и стыд.

Когда протискивалась обратно мимо его фигуры, заслонившей три четверти дверного проема, то меня повело в сторону, и я почти задела грудью его живот. А Толя жадно сглотнул и поправил в штанах член. Я сделала вид, что ничего не заметила.

У кровати я совершенно обессилела. Мне пришлось перегнуться через матрас и попытаться, извиваясь, взгромоздиться на ложе. Как только я распласталась на койке, изворачиваясь и подтягивая ноги, то обнаружила за спиной тяжело дышащего Толю. Я дернулась, а он шлепнул меня по ягодице и тут же вогнал шприц с жидкостью.

Он перевернул меня, как пушинку, и начал пристегивать к койке. Я медленно погружалась во тьму.

IV

Только ночь и крошечная темнота палаты. Сначала мне казалось, что тело падает, а потом догадалась, что массивная плоть прижимает меня к матрасу. Я не могла доверять своим чувствам. Ничего не видела. Будто ослепла. Силилась открыть глаза, но обнаружила, что они и так были распахнуты. И тут же из этого клубка ощущений очень четко проступил один: мерзкий и кислый запах пота. И вмиг мое тело взорвалось от поглотивших осязательных всплесков. Эти прикосновения были пугающе громкими и тошнотворно знакомыми для всех взбунтовавшихся рецепторов.

Влажное, тяжелое дыхание на моих ключицах. И руки... руки, тянувшие за ворот футболки, разрывавшие ткань. Они шарили по моей фигуре. Наглые, грязные касания ранили, раздирали душу.

Я как будто снова оказалась в детстве, в том самом спецприемнике. Только в этот раз все было еще хуже. Теперь я уже знала, чего хочет эта похотливая мужская плоть.

Вот он запустил лапищу под футболку, ожесточенно мял нежную кожу и больно ущипнул за живот. Я бы снова заорала, но рот оказался запечатанным скотчем. И все же я дернулась, сопротивляясь, пытаюсь сбросить человека. Пошевелиться вышло на удивление просто. Ноги послушались меня. Щиколотки больше ничего не удерживало. Этот гад, вероятно, рассчитывая на действие лекарств, развязал их. Жаль, что руки по-прежнему сдавливали ремнем.

Зрение постепенно адаптировалось, и в полумраке проступила фигура Толи, елозящего по моей койке, по мне. Он оторопел, никак не ожидая встретить сознательный отпор. Все еще сомневаясь, парень полез выше, чтобы заглянуть мне в лицо. Это была та самая секунда промедления, которая решила все.

Превознемогая себя, я двинула ему между ног согнутым коленом. До Толи наконец-то дошло, что в моем поведении не было ошибки. Он взвыл и, согнувшись пополам, рухнул с узенькой кровати на пол.

— Сууууука, — задрезжал его голос.

Я не отвечала, не радовалась, а рванула изо всей силы перетянутые запястья. Крепкие фиксаторы не поддались. Они бы удержали и человека в два раза тяжелее и сильнее меня. Я догадывалась, что только на короткое время лишила дееспособности этого маньяка. Пауза, подаренная случаем, была катастрофически незначительна, и, отдышавшись, здоровяк примется за меня по новой. Руки как и раньше оставались прочно зафиксированными. Стараясь разорвать путы, я только зря теряла время и силы. И все же, уже не могла не сражаться.

Я сделала еще несколько резких движений, когда неожиданно поняла, что ремень на одной руке не так плотно обхватывает запястье, как на другой. А Толя перестал барахтаться и уже поднимался на четвереньки.

— Я все равно тебя трахну, — яростно пророкотал он, — Тебе не выйти отсюда. Ты не сможешь сбежать, только не через все посты охраны. Расслабься и получи удовольствие от последнего в жизни мужчины!

Я его не слушала. Прижала большой палец к ладони и начала вытягивать более свободную руку, молясь чтобы она проскользнула под ремнем. Когда ладонь почти до половины вышла, кость в пальце издала отвратительный хруст. Кисть опалило огнем. Но боли я не чувствовала. Только страшный испуг и бешено молотящееся о ребра сердце.

Воодушевленная второй маленькой победой, я трясущими непослушными пальцами принялась за освобождение другого запястья. Голова Толи с прилипшими от пота волосами показалась как раз в тот момент, когда удалось расстегнуть второй ремень. Машинально, абсолютно не готовая к реакциям собственного тела, как в замедленной съемке наблюдала за тем, как сжатая в кулак моя освобожденная конечность летит в челюсть медбрата. Он глотнул воздух раззявившейся пастью и позорно откинулся назад. Клянусь, его мерзкая рожа отклонилась от удара не меньше, чем на пол метра.

А я кубарем слетела с кровати. Рука ссадила. По-любому, я поранила ее об его зубы. Но сейчас это не имело значения.

Я откатилась под кровать, а этот тупой боров кинулся перелезть через койку. «Даже, если я не смогу, он меня запомнит!» — решила драться до конца. Теперь парень оказался сверху, а я — на полу. И чтобы преодолеть последнее препятствие ему нужно было просто

перегнуться. Я вздрагивала всем телом. Обе руки начали нестерпимо болеть. Ту, в которой я подозревала сломанный палец, простреливало словно током.

А мне нужно было как-то избавиться от борова, закрыть в палате и сбежать! О, как бы я неслась со всех ног! Как бы теперь ценила свободу и свою жизнь! Лишь бы впереди был еще один день! Лишь бы он был.

Девочка, девочка... — послышался его зловеший голос с одной стороны кровати, — Не думай, что ты всех переиграешь! В коридоре все просматривается камерами. Ты даже шага за палату не сделаешь, как тебя скрутят. Сдайся мне, девочка, и я буду с тобой ласков...

А я начала осторожное движение в противоположную от его голоса сторону. И тут же он неожиданно шлепнулся прямо у моего бока, чудом не придавив телесами. Толя затряс башкой, которой приложился при падении. Как же бы я орала, если б мой рот не был заклеен. Не в силах выразить ужас, охвативший меня, я вдруг схватила какую-то холодную миску из-под кровати и, размахнувшись, опустила ее на его глупую голову. Била, а он дергался и хрипел. А я била, била и била. Пока совсем не выдохлась.

И тут только поняла, что Толя уже давно не шевелился. И, кажется, даже не дышал. Больничная утка с глухим стуком выпала из ослабевших пальцев. Все мышцы тянуло от чрезмерного перенапряжения.

Я разматывала скотч, отдирая вместе с волосами. И первым делом вытацила два ремня и перетянула «квалифицированному медику» конечности. «Вот, побудь в моей шкуре!» — подумала и вдобавок пнула его носком ноги. Он даже не хрюкнул, но я все равно достала скотч и запечатала его поганый рот.

Я тяжело дышала, зато полной грудью и уже от одного этого меня крыла эйфория. Я подозревала, что Толя не соврал, и в коридоре действительно могли быть камеры наблюдения. Поэтому я выбрала окно. Я выглянула через зарешеченное стекло и обнаружила себя на этаже третьем или даже четвертом. Точнее определить не представлялось возможным, окна внизу не горели. Блок был полностью необитаем. Даже если бы удалось каким-то образом справиться с решеткой, то я рисковала попросту разбиться.

Я устало опустилась рядом с телом моего тюремщика. Не имея возможности определить который час, я предполагала, что времени до пересменка оставалось не так много.

Меня как молнией озарило воспоминание о Толином телефоне. Пройдоха-медбрат не сдал его на охране, а в прошлый раз захватил с собой. Нервно трясущимися руками я принялась осматривать содержимое его карманов. Удача улыбнулась мне еще раз! Я не только обнаружила телефон, но и, приложив Толин палец, смогла разблокировать.

У меня не возникло сомнений, кому звонить. Пальцы сами набрали любимый номер. Стефан взял трубку с первого же гудка. Он будто знал и ждал звонка.

Кто? — отрывисто и хрипло.

Стефан, это я...

Ласточка! — выдохнул он. — Где ты? Я приеду.

А меня закачало от того, сколько в его голосе было уверенности и твердости.

Я не знаю, — и заплакала протяжно, измождено, — Меня держат в какой-то больнице. Тут крыло закрытое. Я под охраной.

Тогда не отключайся. Мы сейчас вычислим по звонку. Будь со мной!

Послышались быстрые шаги, Стефан давал какие-то распоряжения, что-то кому-то кричал, требовал.

А я уже так расслабилась. Усталость давила на плечи. Веки отяжелели. Сознание пугалось и плыло. Боясь выронить телефон, положила его рядом с собой на пол. Голова опустела от мыслей.

Прошло, наверное, минут тридцать прежде, чем дверь распахнулась и на меня упал столб света. В дверном проеме возникла фигура, не слишком небольшая и высокая.

Это не мог быть Стефан.

Глава 15. «Стефан»

(Все части этой главы повествование ведется от лица Стефана)

I

Мне было 24, а ей 12, когда я впервые ее увидел. Нескладный кузнечик, девочка с острыми коленками и зелеными лесными глазами. Крутящиеся стеклянные двери вестибюля буквально выплюнули ее на меня. Вероятно, такие двери был для нее в новинку, поэтому она долго стояла на улице в недоверчивом замешательстве, никак не решаясь войти. Отставшая от своей группы прибывших на художественный конкурс, девчонка как специально летела прямо ко мне и точно бы растянулась на полу, если бы я не подхватил ее в последний момент. Она не испугалась, даже не вскрикнула. Просто распахнула пошире блестящие глазащи, и я прочитал в них такую обреченность, что девчонка даже падение приняла бы, как должное. А потом она стояла, понунив плечи, ссутулившись, отчего через тоненькую кофточку были заметны проступающие спинные позвонки. Молчала и, вероятно, ждала от меня гневной отповеди. И имела на то все основания. Ее покорность и замкнутость странным образом вдруг подняли во мне непонятное раздражение.

— Аккуратнее надо быть, — строго сказал ей и, взяв за плечи, отодвинул в сторону.

Девчонка так и осталась стоять, как приклеенная, только голову опустила еще ниже.

А у меня и без нее было чем заняться. Пантелеев, наш с отцом ставленник, выступал организатором конкурса. Выделенных бюджетных денег не хватило бы даже на работу жюри. А еще питание, проживание участников, призы, экскурсионная программа, торжественное открытие с приглашенными звездами, мерч и прочая подарочная мелочевка с символикой мероприятия. Нам было необходимо широкое освещение в прессе, положительные отзывы, чтобы продвинуть Пантелеева на ступень выше. Благодаря нашей щедрости, на горизонте замаячила Москва.

Уже было успешно отработано несколько громких проектов. Требовалось красиво зафиналить, и детский конкурс подходил нам, как нельзя лучше.

Несмотря на то, что мы не ограничивали комитет конкурса в деньгах, считая, что все вложения окупятся, я должен был провести проверку расходования средств. Да, и самому Сергею Михайловичу, на тот момент областному чиновнику и главе комитета, тоже было неплохо почувствовать наше бдительное внимание.

Поэтому, как только я покинул вестибюль, то сразу же выкинул несуразную девчонку из головы.

Для работы Пантелеев предложил мне свой председательский кабинет, где я и просидел около часа, разбирая бумаги. Понятия не имею, где он сам ютился, пока я занимал его кресло, но мне было удобно, а на остальное — плевать.

Сметами и накладными я остался доволен. Выходило все четко и прозрачно. Оставалось завершить последнее дело — отнести жюри фотографию — работу сына какого-то друга отца по фамилии Алтабаев. Нужно было сделать на ней акцент, чтобы завтра в этой номинации, тот сынок занял первое место. Зная Марковича, тогда я уже привык к подобным

взаимным «услугам» для «друзей».

У отца вместо головы будто работал компьютер. Он постоянно стоил сложные схемы и прокручивал такие четкие многоходовочки, что со стороны его успех выглядел чистым везением. А я изнутри вникал, что у него не было случайностей, и каждая его ставка рано или поздно сыграет.

Проходя по первому этажу мимо вестибюля, я снова вспомнил о девчонке. Мне почему-то опять захотелось на нее посмотреть. Не знаю, откуда возникла уверенность, что она так и должна была стоять там, у стеклянных дверей, где я ее оставил. Но обнаружив пустое место, я испытал какое-то сосущее разочарование. И неожиданно еще больше разозлился. Девчонка была абсолютно несамостоятельной. Она бы не смогла сама найти свою группу и теперь или бродила где-то, или, скорее всего, ей помог кто-то другой.

С фотографией я управился ловко. Члены жюри оказались весьма понятливыми и непринципиальными. Мне не было нужды оставаться дольше. Имелась возможность вылететь этим же вечером, но я почему-то медлил. Мы с отцом никогда сами не светились на подобных мероприятиях, только руководили издали. Осведомлены оставались лишь посвященные, а для всех остальных семья Марковичей выступала спонсорами, которым нравилось заниматься благотворительностью.

Но домой и, правда, совсем не хотелось. Отец последние две недели завел себе две новых игрушки. Красивых молодых с упругими, крепкими телами. Сначала он просто водил девушек по дому на поводке, и это выглядело даже забавно. Потом они спали на коврике перед его кроватью, а утром на завтрак ловили ртом куски сосисок. Но когда наступила стадия, где девки вылизывали его ботинки, стало откровенно противно. Я никогда не был против хорошей шутки, но тут омерзение начали вызывать, не эти, довольно недешевые, кстати, шлюхи, а глумящийся над девушками Маркович, платящий за их падение и веселящийся от такой низости.

Я поехал в гостиницу, успокаивая себя тем, что не избегаю отца, а ответственно выполняю свою работу. Днем смогу проверить закупленное питание и раздачу мерча конкурсантам уже в живую и, возможно, задержусь попридусловствовать при оценке работ.

И, оказалось, что остался не зря. Когда на оценке работ среди отобранных десяти лучших прозвучало имя Евгении Стрижевой, жена Пантелеева, Лидия, заметно напряглась и, придвинувшись вплотную к мужу, что-то быстро зашептала ему на ухо. Мужчина побледнел, извинился и вывел ее из зала заседания жюри, слишком твердо придерживая за локоть. Я сразу понял, что наш план дал осечку.

Может быть, у невнимательного человека это и не вызвало бы подозрений, но у меня, как и у отца, сработала чуйка. Я перегнулся через стол и взял в руки рисунок. Я все крутил его и никак не мог отвести глаз. Тогда еще не знал, к чему это приведет и сколько бессонных часов проведу перед ним в раздумьях.

Но рисунок на самом деле был хорош! Что-то цепляющее внимание, завораживающее и покоряющее запечатлелось в этой незамысловатой картинке, нарисованной детской рукой. Повинуясь непреодолимому порыву, я сунул рисунок во внутренний карман пиджака и вышел к коридору.

Роскошная женщина, недавно ставшая женой Пантелеева, сейчас стояла спиной к красному от гнева мужу. Она повернула ко мне свое красивое, благородное лицо, словно ища поддержки и защиты. В глазах ее блестели слезы.

— Что? — задал я короткий вопрос Пантелееву и уж, конечно, он меня понял.

— Тут такое дело... Я сейчас все улажу. Это точно не будет проблемой...

Под небольшим нажимом в его кабинете он, ужасно волнуясь и путаясь в словах, рассказал историю Лидии. Эта женщина, одобренная моим отцом, необходимая для создания позитивного имиджа Пантелеева, оказалась с далеко не таким идеальным прошлым, как нам сначала представлялось. Сергей Михайлович, влюбленный в нее, как мартовский кот, боясь запрета отца, скрыл от него неприглядные факты биографии любимой женщины.

А там было что прятать. Прекрасная Лидия, имела ребенка от первого брака, поспешно заключенного в годы ее беспечной молодости. После скоропостижной кончины супруга, она отправилась на поиски красивой жизни. А отягощение в виде дочери сначала оставила на старушку-мать, а после ее смерти не объявлялась до той поры, пока ребенка не определили в детский дом. Но и узнав, не испытывая особой привязанности к девочке, не колеблясь, женщина решила оставить все как есть.

И вот теперь этот плод первой юношеской любви Пантелеевской супруги грозил неожиданно выплыть, а с ним и все неприглядные поступки матери-кукушки. До истории талантливой девочки-сироты не должны были добраться журналисты. Меры были приняты незамедлительно. Изъятую из десятки лучших, работу мы заменили. Один из членов жюри попытался было протестовать, но ему быстро заткнули рот. Призовые места были распределены по этой десятке, инцидент можно было считать исчерпанным.

Я уже готовился поделиться с отцом новым компроматом на Пантелеева, как меня остановила случайная встреча. И эта новая встреча решила все.

Стенды с вывешенными баллами собрали толпу взволнованных ребят. Она погудела и схлынула. У стены со списками осталась только сиротливая худенькая фигурка, в которой я сразу узнал ту самую странную девочку.

Совершенно испуганный, беспомощный ребенок. Она оглядывалась в поисках поддержки, не решаясь обратиться ни к кому конкретному. Лишь оставшись в одиночестве, заметила меня и легко побежала навстречу.

«Блядь, вот даже не думай ко мне подходить!» — подумал про себя, как будто она уже успела мне досадить. Даже захотелось глаза закатить. Но это я тоже сделал про себя, потому что неожиданно встретился с ее открытым доверчивым взглядом и меня перемкнуло. Вдруг подкупило то, как простодушно она потянулась за помощью к тому, кого видела второй раз в жизни. Девчонка не только подошла, но и целенаправленно обратилась:

— А где можно всех участников посмотреть? — и тут же застеснялась своей смелости.

— Это полные списки, — я старался говорить серьезно, но в груди ощутил все разрастающееся тепло.

— Я не могу найти себя в списках... Я... — сердце совершило лихой кульбит, я уже знал, что она скажет дальше, — Я — Женя. Стрижева.

— Ясно. Побудь здесь, Женя. Я сейчас узнаю.

С участвующимся пульсом, я прошел в кабинет Пантелеева и устало опустился в кресло. С каким-то новым чувством развернул ее рисунок. Ну, кто же еще мог оказаться Женей из приюта, как не она?

Я вышел минут через пять. И выбрал на стене первый попавшийся лист со средними баллами и ткнул в самый низ страницы.

— Вот тут ты задвоилась с... вот... с Петровой Н.С. Принтер обрезал поля, и ты не

вместилась.

Она хлопала глазами и молчала.

А я вспоминал, с каким облегчением мы вздохнули, когда удалось замять скандал и исключить девчонку из конкурса. Мы совсем забыли выставить ей хоть какие-то баллы. Пантелеев с супругой собрались почти сразу и тут же уехали. И никто из нас о ней не спохватился и не подумал.

Задрожал подбородок, и девчонка потянула ладони к голове, как будто хотела закрыть уши, как делают совсем маленькие дети, но в последний момент сдержалась, и она просто поправила пряди волос. Я ожидал слез, но она только кивнула. И развернувшись, побрела по коридору.

Я много чего творил в своей жизни, но именно в этот момент почувствовал себя настоящим преступником. И ощущение было не самым приятным.

Мне захотелось побежать за ней, догнать, и я с трудом удержал себя на месте. Казалось, что стоит ей скрыться за поворотом, как случится что-то непоправимое. Я уговаривал себя, что это безумно глупо, что ничего не смогу ей рассказать, что сам становлюсь каким-то странным, но все нарастающее чувство незавершенности корябало меня изнутри.

Через час я уже ехал в аэропорт. А прилетев в Москву, первым делом собрал о ней самую полную информацию. Я не понимал, зачем мне это, но все равно делал. После того, как я разузнал о ней все, что только можно было выяснить, мне и этого оказалось мало. Я захотел быть к ней еще ближе. Участвовать как-то в ее жизни. Не отпускать, создать какую-то нить, которая позволит постоянно присутствовать в ее мыслях. Вот почему-то захотелось именно этого.

А потом я увидел, что жизнь девчонки — череда поединков и столкновений. И она по духу такой же боец, как и я, только на своем поле. Она как хрупкий цветок, выросший на бесплодной почве на самой вершине горы. Буря, град и мороз могли погубить нежное растение, а я хотел, чтобы он жил. Я стал оберегать и заботиться о ней. Так, как мог.

Для начала обозначился, как друг, подарив телефон. Она еще не знала, что я уже незримо присутствовал в каждом ее дне. Использовал все связи, там не мог надавить, я подкупал. Где не мог подкупить, устранял. Я еще никогда не получал столько удовольствия, как когда после моей наводки посадили проворовавшегося директора ее детдома и обновили весь педсостав. Наладили питание по всем детдомам области, обновили библиотечный фонд, провели капитальные ремонты.

Сначала ласточка меня побаивалась, отвечала скованно, подолгу набирая и стирая сообщения. Однако детское любопытство все пересилило, и у нас завязалось какие-то подобие общения. Она не умела врать и писала обо всем, чем были заполнены ее маленькие будни. А меня поражала глубина и серьезность ее суждений. Я сам больше спрашивал, иногда кидал фото из рабочих поездок, высылал какие-то безделушки для творчества. Они вызывали неизменный восторг и самые искренние эмоции. А я представлял, сколько всего еще смогу ей дать. Я мечтал по-настоящему показать ей весь мир.

Я приставил к ней своих людей. Мне сообщали о каждом ее шаге. Я жадно следил за ее настроением и самочувствием. Все было важно для меня.

Мы с отцом тогда лезли наверх, карабкались по головам, давили конкурентов, но только благодаря ей, я ясно увидел, что это очередная ступенька, фундамент, на котором я создам свое будущее. Я еще никогда не чувствовал себя более свободным и счастливым. В жизни появилась цель.

А потом случился «Костя». Испорченный, извращенный мальчишка, изнасиловавший в одной приемной семье свою сводную сестру и попавшийся на воровстве в другой. В обоих случаях ему удалось избежать наказания, так как люди хотели всеми силами замять происшествя.

На нас с отцом как раз готовили покушение, и меня контузило при подрыве автомобиля. Сведения обо всех, окружающих мою ласточку, поступали ко мне незамедлительно, но тогда меня крепко потрянуло, поэтому в больнице я из-за невнимания пропустил эту информацию. И случилось так, что этот щенок начал липнуть именно к моей девочке.

Я еще не до конца восстановился, но бросив все накопившиеся дела, поспешил к ней. Я думал, что убью ублюдка, попытавшегося тянуть к ней свои грязные лапы. Я узнал, что Костя водил дружбу с реальными уголовниками, промышлял мелкими кражами и рассовывал закладки. Он умел «исчезать» с территории детдома, видно подкупил кого-то из охраны.

Я дождался его на пустыре. Было ветрено и сыро. Меня покачивало от слабости и злости. Первый же удар в челюсть сбил его с ног. Он взвыл, как сопливый пацан, и пополз по чуть припорошенной снегом грязи. Земля впитывала его кровавые капли. Это ничтожество вздумало обидеть мою девочку! Гнев красной пеленой застилал мне глаза. Этот слабак даже не попытался сопротивляться.

— Дядечка, за что? — шептал подонок побелевшими губами, думая, что ему удастся меня разжалобить и избежать неотвратимого наказания.

Я не торопясь, шел за ним по кровавому следу. В какой-то момент он осмелел и решил, что сможет убежать, поднялся рвануть наутек. Его тут же настиг мой кулак. Я смотрел в обезумевшие от ужаса глаза и бил до тех пор, пока его лицо не превратилось в кровавую кашу.

— Ей, блядь, всего пятнадцать, — рычал я, — Она же еще ребенок!

Потом уже оттолкнул от себя еле живое тело и планомерно по одному сломал все пальцы. Он долго не сможет никого лапать.

Охрану полностью поменял.

А на следующий день мне написала ласточка. Хуже всего было то, что она жалела этого мудака! А я напугал ее. Она не подозревала, на что он способен, но теперь выяснила, на что был способен я. Только она не знала, на что я действительно ради нее был готов и насколько тяжело уже был ей болен.

Ласточка замкнулась и перестала выходить на контакт. Мне не хотелось на нее давить. Я мучился в одиночестве, не имея возможности объясниться, не напугав ее еще больше. И тогда решил устроить ей праздник на выпускной. Девочка потеплела. И я уже праздновал победу, решив, что в принципе все девушки довольно предсказуемы и легко поддаются дрессировке. А когда получил фотографию в нарядном платье, которое я подбирал специально для нее, то у меня дух захватило. В моих воспоминаниях она оставалась той же угловатой девчонкой с сияющими изумрудами глаз, а с экрана телефона на меня смотрела настоящая красавица. Милая, гордая, с чудной фигурой и копной роскошных шоколадных волос.

Я не мог наглядеться и попросил воспитательницу впервые за все это время прислать мне с ней видео. Моя прекрасная ласточка, полностью погруженная в процесс, сидела за мольбертом и рисовала с увлечением, от старательности закусив губу, не замечая ничего вокруг. Я даже не дышал, когда смотрел видео.

Я захотел бросить к ее ногам весь мир. Я представлял, как приеду к ней на

восемнадцатилетние и увезу. Я окружил бы ее роскошью, поразил бы своей щедростью. Я бы ее баловал и берег, как самое большое сокровище на свете.

В моих мечтах эта прекрасная девушка сама хотела мне отдаться без страха и принуждения. И сам себе не верил, что такая нежная и невинная девушка сможет полюбить такого монстра, как я. Я уже начал понимать, что дело было не только в Косте. Я бы не отдал ее никому. Это была только моя девочка.

Я ловил себя на том, что мне нравится в ней абсолютно все. Ее увлечение кулинарией стало для меня самым милым и женственным занятием в мире. Ее тихий характер и бесконечная доброта были бы идеальным дополнением к моему тяжелому нраву. Даже ее детская травма казалась теперь ее удивительной индивидуальной особенностью. Я видел себя большим, взрослым и терпеливым, тем, который поможет ей пережить эту боль. Я почему-то был уверен, что для меня она сделает исключение и не оттолкнет. Больше всего я боялся встретиться со страхом в ее глазах. Я бы все на свете отдал, лишь бы она искренне потянулась ко мне, лишь бы нуждалась хоть в половину так, как я в ней.

Так начался мой личный ад. Я дал от ворот поворот всем любительницам легкой наживы, готовым по щелчку прыгнуть в мою постель. Я избегал любых хоть сколько-нибудь продолжительных связей с девушками. Теперь у меня были только расходные шлюхи и исключительно брюнетки. Я не мог позволить, чтобы потом в какой-нибудь неожиданный момент мои похождения всплыли и огорчили бы это чистое дитя. Чаще всего обходился одноразовым трахом, после которого я оставался еще более голодным и злым, чем раньше. Это делало меня жестче в работе, а отец только удовлетворенно потирал руки. Своей бесстрастностью и поведением бездушной машины, я оправдывал все его надежды. Снаружи меня словно покрыла каменная броня, скрывающая в сердце мою ласточку. Мою любовь, мое наваждение.

Но, было слишком много «но»... Я все еще не достаточно крепко стоял на своих ногах, чтобы все узнали о моей слабости. Иначе попытались бы ударить именно туда. Не смотря на то, что наша семья уже приобрела достаточно влияния, сам я находился в тени отца. Это у него был авторитет, связи, бизнес, а не у меня. А мне нужно было вырвать, выгрызть свое. И вот с этим то и возникли сложности.

Постоянно всплывали обстоятельства, подрывающие мои планы. Несколько проектов пришлось запускать заново. Мне никак не удавалось сравниться по силе с отцом.

И опять всплыл этот Костя, явно готовившийся мстить. Я и сам собирался присутствовать на празднике и издали посмотреть на ее веселье, услышать ее голос, может быть даже заглянуть в глаза. Но, как назло, случилась авария на новом участке нашего производства. Я был ответственен за запуск и, видно, передал на инженеров со сроками. Проект запустили вовремя, но несчастный случай унес восемь жизней. Пришлось ехать и разбираться самому. Я не мог обеспечить своей девочке безопасность.

Закреть ласточку — это была вынужденная мера. Меня дернули звонком из детдома в самый неподходящий момент. Я разозлился и бросил в сердцах: «Да хоть закройте ее, но не пускайте!», но не рассчитывал, что они воспримут это буквально. И те жестокие слова, которые я наутро ей написал, были от того, что я не увидел картины целиком.

Я готов был себе локти кусать, когда мне сказали, что она проплакала всю ночь, запертая в подвале библиотеки. Вот так я стал для нее еще и предателем. Я решил не оправдываться, а попробовать уже при встрече завоевать ласточку. Я хотел стать для нее всем, а превратился в ее палача.

Кстати, этого безумца Костю, угашенного какой-то наркотой, охрана отловила уже под утро. При нем нашли еще пакетики с запрещенными веществами и быстро по-тихому закрыли на пятнадцать лет.

Вот так жизнь вернула меня с небес на землю. Я обрастал влиянием, но не так стремительно, как это было необходимо, и все ждал случая, чтобы приблизиться, просто дышать с ней одним воздухом и не рисковать при этом ее жизнью. И такой случай скоро представился.

IV

Неожиданная авария, унесшая жизнь ее матери, стала отправной точкой в наших отношениях и повлекла за собой цепь столь драматических событий.

Я осознанно дал согласие на ее приезд в Москву. Мне был на руку вскрывшийся косяк Пантелеева с завещанием. Ситуация позволяла не раскрывать все карты, а выбрать выжидательную позицию. Я предоставил ставленнику отца право самому ввести мою девочку в общество и занял место зрителя. Это была самая трудная роль в моей жизни.

Она появилась на ужине в их доме в маленьком черном платье, обтягивающем фигуру и открывающем уязвимую нежность ключиц. Я встал у окна против света, надеясь, что ласточка не вспомнит меня, а я смогу более выгодно всю ее рассмотреть. Она нервничала и смешно сжимала маленькие ладони в кулачки, чуть замедлилась на пороге, глубоко вдохнула и шагнула в гостиную. Она внимательно осматривалась, на ее лице, как в открытой книге, сразу читались все ее эмоции. Она чуть не споткнулась, когда увидела моего отца, зрачки расширились, а лицо приобрело настороженное выражение, а когда перевела взгляд на Олега, то заметно напряглась, как будто так и ожидала какой-то пакости. Она явно считала, его плохим парнем, но еще не знала, что я на много хуже.

Меня она рассматривала дольше всех. Аккуратно и любопытно одновременно. И еще много раз за вечер бросала задумчивые взгляды из-под опущенных ресниц.

Но и сама девушка произвела на собравшихся совсем не то впечатление, на которое я рассчитывал. Я не думал, что ее застенчивое, скромное поведение настолько привлечет всеобщее внимание. И чем тише она старалась держаться, тем больший интерес вызывала. Чем более просто отвечала, ничего не пытаясь из себя стоять, тем больше создавала вокруг себя неверия и желания докопаться до сути. Сестра, не привыкшая к конкуренции, вела себя все резче и грубее. Под конец вечера мне уже хотелось надавать ей затрещин, а Олега, просто сжечь напалмом. Да, все они были, как стая шакалов, почуявших добычу, и каждый жаждал оторвать себе кусочек.

А мне до дрожи в руках захотелось накрыть ее своим теплом, увести, спрятать ото всех. Но я не разрешил себе погрузиться в эмоции, потому что знал: лучшая на тот момент защита у нее была в доме Пантелеева.

Девочка вживую оказалась еще лучше и еще слаще, чем я себе представлял. Наблюдать со стороны было невыносимо, потому что все находящиеся в комнате это почувствовали. Только я был совсем не тот человек, который бы стал делиться.

А потом она приехала ко мне с Олесей. Она застыла на моем пороге с обдолбанной сестрицей, а я замечал только ее. Смотрел и сам себе не верил. Так глупо и так безрассудно. Одна добрая, хорошая девочка, спасала вторую не такую уж и хорошую.

И я так разозлился на нее за то, что не сидит тихо, как положено сироте в большом городе, а ищет приключений на свою задницу, не ждет и не верит в своего спасителя.

И задышался от того, как близко она оказалась в ту секунду и одновременно

несоизмеримо далеко. Я почти касался ее плечом, сидя на теплом кафельном полу в ванной комнате, и все равно не смог бы до нее дотянуться.

Я не мог бы ничего ей про себя рассказать, потому что было еще не время. Буквально из наэлектризованного воздуха между нами возникла одна проникновенная секунда, когда я был уверен, что поцелую ее. Сам не знаю, как сдержался, наверное, осадил мысль, что просто не смогу остановиться, и тогда она уж точно впадет в свою паническую истерику, и я все совершенно окончательно испорчу между нами. Мне нельзя было ее трогать, и это было нестерпимо, мучительно.

А она сидела совсем рядом в прозрачной блузочке, которая абсолютно ничего не скрывала. Такая манящая и такая моя. Я засмотрелся на ее подрагивающую от дыхания совершенную жемчужно-белую грудь и никак не мог отделаться от мысли, что хочу узнать какова она на ощупь. А потом ласточка повернула голову одновременно со мной и так на меня посмотрела, что мне пришлось сцепить руки в замок, чтобы не коснуться ее. Это оказалось выше моих сил. Нужно было срочно сбросить наваждение. И на помощь пришла злость. Девчонка вела себя так открыто, так доверчиво, как будто не понимала, какое впечатление она производила на мужчин. Ей же было не пятнадцать, и уж совсем не догадываться она не могла!

А она что-то спрашивала, а я суть только через слово улавливал, так меня вело от ее близости. Перед глазами мелькали тонкие запястья, я ощущал плечом тепло ее гибкого тела. Я сам не понял, как мой рот сказал ей:

— Розовая, послушная девочка. Здесь таких не видели. Ты себе не представляешь, с каким удовольствием многие захотят тебя испачкать жадными лапами, трахнуть, сломать. Они в голодную очередь выстроятся, чтобы увидеть тебя на коленях — розовую и послушную.

И я видел в этот момент ее на коленях передо мной такую трогательную, мягкую и податливую. Как она распахивает свой ротик, чтобы вобрать мой член, как стонет подо мной, как отзывается на мои ласки.

Ее глаза ошеломленно распахнулись, но я не заметил в них испуга, скорее там плескалось изумление и немного любопытства. Ох, как же вкусно она на меня смотрела! А потом приехал Олеськин врач...

А после провальной вечеринки в нашем клубе, когда мне позвонил почти плачущий Олег, я чуть сам умом не поехал. Я рисовал себе самые ужасные картины, пока, как угорелый, мчался в клуб. Когда увидел, в каком состоянии находится моя ласточка, то захотелось убивать. Я проклинал тот день, когда стал всего лишь зрителем в этом затянувшемся спектакле.

Моя девочка находилась на периферии реальности, но я знал, что она улавливала действительность, и мне не хотелось ее добить своим агрессивным поведением, наоборот, моя фигура должна была вызывать ассоциации с чувством стабильности. Я и сам почти успокоился, когда перебирал ее волосы, когда она позволила положить свою голову на мои колени. Ласточка действовала на меня, как анти-стресс.

До сих пор виню себя за то, что не отвез ее к себе домой сразу после этой ночи. Мне все казалось, что она не примет меня такого, как есть, что я еще не достаточно готов встать против отца.

А когда она, доверившись идиоту Алтабаеву, пробралась в мое казино, я испугался, что опоздал. «Теперь не отпущу» — подумал я, когда чуть позже в подсобке сжимал в объятьях

хрупкое, но такое желанное тело. Я словно почувствовал, что идеального момента можно прождать всю жизнь, и рискнул.

А потом я ощутил, как ее качнуло ко мне. И это ответное движение уже ни с чем нельзя было перепутать. Девочка увидела во мне своего защитника, она сама хотела ко мне.

Все было решено уже в тот момент, когда она нескладным кузнечиком вылетела на меня из вращающихся дверей. Это было головокружительно, как незаслуженная удача, сакрально, как встреча с собственной душой, и оглушающе, как судьба.

Я никогда не думал, что близость может так сокрушать, подчинять и поражать в самое сердце. Я, в свои 30 лет, воображал, что смогу удивить эту девочку. Приласкаю, развлеку, научу, испорчу... Чаще всего я уделял не самое большое внимание сексуальной близости. Обычно все сводилось к самой механике процесса. Иногда выходило поинтереснее, иногда порезче. Ну, с ласточкой, наверное, должно было быть поскучнее, я почему-то был уверен, что она девственница. Но это совсем не было принципиальным, ключевым был факт, что я буду ее последним мужчиной.

С нашего первого раза, когда вдруг в процессе для меня стало настолько священно важным, чтобы моя ласточка оказалась нетронутой, что и знать не хотел, как пережил бы иное, я понял, что изменился. Наткнувшись на девственную преграду, нечто бесконтрольное внутри меня рычало, пировало и праздновало победу. Наша девочка, наша! Моя и тьмы внутри меня! Только я мог ее касаться, только меня она признавала, меня хотела чувствовать на своем теле.

Каждая наша близость была похожа на взрыв, на рождение сверхновой. Я смотрел в ее лицо и понимал, что в свои 30-ть совсем ничего не смыслил в сексе. Нет, я осознавал, что любил ласточку, но никак не ожидал, что подсяду на нее, как на наркотик. То, как она отдавалась мне, всегда целиком, без остатка, искренне, всегда на каком-то изломе, на самом остром чувств, это просто сносило внутри меня все плотины. Стоило мне только прикоснуться к ней, зашептать низким хриплым голосом, как она, словно впадала в транс. А я дурел от ее чувственности, упивался ее мягкостью и восприимчивостью. Ласточка заводилась с пол оборота, розовели ее щеки, и сбивалось дыхание. И вот она уже текла мне на пальцы, пульсировала и сжималась вокруг моего члена. Я же всегда держался до последнего и, прежде чем отпустить себя, всегда ловил ее широко-распахнутый восхищенный взгляд.

Я хотел ее постоянно. С трудом себя контролировал. Я превратился в какого-то одержимого. Мне нужно было постоянно ее трогать или находиться рядом или чтобы она хотя бы просто смотрела на меня.

А потом я не смог заставить себя посмотреть кадры записи с камер из подсобки, где эти дуболомы решили обидеть мою ласточку. Я просто по-тихому вывез их на полигон и отстрелил. Тех, кто посмел ее коснуться, как бешеных псов. Каждого. Лично.

Я хотел, чтобы это было уроком для всех. Все мои люди должны были узнать, что бывает, если кто-то хоть пальцем дотронется до моего сокровища.

С удвоенной силой я взялся за осуществление плана по вызволению своей девочки. Я выкладывался так, как никто и никогда прежде. Упахивался так, что существовал лишь на голых инстинктах. И только когда возвращался домой, то в ее объятьях я снова становился человеком. Самым счастливым человеком в мире.

Я уже почти вывел ласточку из-под удара. Моя цель вела меня вперед. Чувство, что я в одном шаге от нее, окрылило и сыграло со мной злую шутку. В этом запале я, кажется, раз

или два обидел свою милую ласточку. Оба раза у меня срывало все тормоза, а позже от вины я не мог смотреть в глаза моей сладкой, чувствительной девочке. Большим неудачником, чем тогда, когда моя девочка прятала от меня свои испуганные глазки, никогда себя не чувствовал. Я поклялся, что больше никому не позволю ее ранить, даже самому себе. Она простила, а меня еще долго жгло изнутри каким-то новым отчаянно-болезненным чувством, которому я не мог подобрать название.

Ласточка изменила меня. Бесповоротно. Неузнаваемо.

Наши дорогие читатели, очень хотелось бы загадать вам тут загадку. Как вы думаете, о каком чувстве идет речь в предпоследнем абзаце? Что испытал Стефан в первый раз в своей жизни и чему не смог найти название?

V

Как только Олесю удалось стабилизировать, я выехал из клиники домой. Созвонился только с Руди, на ходу отменяя предложение заскочить на остатки гремевшей вечеринки. Вернулся в город под самый конец вечера и оказался придавленным зловещей тишиной пустой квартиры.

Ласточка не ушла, она исчезла. Я не просто очутился на краю пропасти. Я чувствовал, что лечу в нее. И в моей пропасти не было дна.

Раненым зверем я метался по квартире, разнося все, что ни попадалось мне под руку. Моей девочки и след простыл, как и ее зимних вещей. Больше она не взяла ничего. Телефон был недоступен. В квартире отсутствовали следы борьбы. Камеры из холла и парковке не зафиксировали никого из посторонних.

Я лихорадочно перебирал варианты. Но все указывало на то, что ласточка действительно ушла сама.

Я не понимал: «Что я, блядь, опять сделал не так?». Я обезумел от боли и ярости, но не мог поверить, что она действительно меня бросила. Через два часа к поискам подключилась вся моя команда. И на все оставшееся время я выпал из жизни. Кроме этого дела, меня больше ни для кого не существовало.

Чем больше фактов собирала моя команда, тем более отчаянно я сопротивлялся. Я им не верил, своим самым надежным людям, профессионалам с безупречным опытом. Не хотел и не мог принять их доводы. Я чувствовал, что с ласточкой что-то не то. Ее однозначно похитили. Но чем убедительнее приводили доказательства, тем сильнее я закрывался внутри себя и мрачнел.

На второй день удалось проследить весь путь беглянки. Выяснилось, что моя девочка проследовала одна до остановки общественного транспорта. Она чувствовала себя вполне уверенно, не оглядывалась, не пряталась, может чуть тревожилась, но ее точно никто не преследовал.

Она добралась почти до университета, но вышла лишь на следующей остановке. Кто ее ждал там, пока узнать не удалось. Возможно, у нее был с кем-то сговор, и она пересела в какую-то машину. Но подтвердить или опровергнуть это было нечем. Близлежащие кафе не имели камер, а по фотографии ее не вспомнили.

Руди приволокли с организованного празднования той же ночью. Он оказался последним, кто видел и разговаривал с ласточкой. Как только смог прийти в себя, он начал говорить, но не поведал ничего ценного. Да, видел, перекинулись парой слов, она вела себя, как обычно, выглядела тоже обычно. Парня ничего не насторожило, и ничего особенного он не заметил.

Правда, мне показалось странным, что он слишком поспешно, не имея еще никакой информации и оснований, встал на сторону службы безопасности и согласился, что следует отменить версию похищения. Он считал, что я не заметил какой-то личный конфликт и многозначительно замолчал. И все же он тоже склонялся, что моя девочка могла попасть в беду, хоть уйти — изначально был ее выбор.

Тогда я велел всем выйти из помещения и буквально припечатал его к стене, фиксируя его горло локтем.

— Ну, давай, Руди, делись, что было на самом деле?

— Я сказал, как было, — он говорил достаточно твердо, но в последний момент отвел глаза.

— Твааарь, — заревел я и двинул ему в ухо.

Он покачнулся, но удержался на ногах. Сразу занял оборонительную стойку и мне в ответ полетел кулак. Я легко увернулся и еще одним ударом пробил ему печень. Руди отлетел к стене и, тяжело дыша, начал медленно оседать. Я склонился над ним и заорал:

— Что ты ей наговорил про меня?

— Из штанов тут выпрыгивал? Покою тебя моя девочка лишила, так, сука?

— Да, ничего я ей не говорил! — почти выкрикнул он мне, еще раз замахиваясь, — Угомонись, сам разбирайся и следи за своими телками.

— Она не просто какая-то телка для меня и ты это знал, Руди, — я размахнулся и хорошенько приложил его ногой по ребрам, так что он крикнул от боли.

— А ты думаешь, что можно удерживать девушку силой? — он поднял на меня голову и в этот же момент сделал подлую подсечку, и я со всего роста рухнул на пол, — Она сама могла услышать разговор про корпоратив и сделать свои выводы.

Он быстро забрался на меня и на мгновение оглушил ударом в челюсть. Размахнуться второй раз я ему уже не позволил и резким ударом лба в переносицу скинул с себя. Он откатился в противоположный угол.

— Ладно, это все не то. Не могла она из-за такого психануть... А ты все равно — паскуда, Руди, — я привалился к стене и тыльной стороной руки отер кровь, текущую изо рта. — Я же тебя спрашивал: понравилась моя девушка, и что ты сказал?

— Иди ты к черту, Стеф... — он все никак не мог отдышаться, — Извини, но ты тоже мог бы сразу сказать, что она у тебя хрустальная.

Мы оба помолчали. Эта встряска немного помогла охладить мой пыл. Конечно, я знал, что Руди способен подбить клинья к моей девочке, но не думал, что он всерьез на это решится. Сейчас мне нужно было, чтобы он привлек свои родственные связи и как можно скорее, а парень, как почувствовав, заговорил сам:

— Если ты так уверен, что у тебя ее выкрали, то мы ее вернем. Звонить фсошникам?

— Да, набирай!

Я, конечно, храбрился, но я правда была в том, что я в душе не ебал, что творилось с ласточкой в последние сутки, и чего она себе могла навоображать.

На исходе вторых суток я уже готов был впасть в полное отчаяние. И было от чего. Слежка за Панлелеевым, организованная на утро фсошниками ничего не дала. Не было подозрительных звонков или контактов. Он как будто намеренно отводил от себя подозрения и крутился только на виду. Олег вел себя несколько подозрительно, но не более, чем обычно. Игорь день назад традиционно улетел с братьями на празднование нового года в Европу.

Ребята прочесывали близлежащие кварталы. Дело шло медленно и не давало никакого результата.

Я потерял сон, заставлял себя есть, не чувствуя вкуса, только затем, чтобы как-то существовать. Картины страшных событий из новостей постоянно преследовали меня. Я стал нервным, плохо выглядел и откровенно срывался на людей.

На третьи сутки я, кажется, начал молиться, по крайней мере, несколько раз ловил себя на том, что замечал мои шевелящиеся губы. Я малодушно обещал кому-то высшему заплатить любую цену, лишь бы мне дали хоть какой-то знак.

Я уже почти не верил, но все еще надеялся на благополучный исход, когда с незнакомого номера в два часа ночи раздался звонок. Сердце подпрыгнуло и от трубки к пальцам потянулись электрические разряды. Еще до того, как взял трубку, я знал, что услышу ее голос.

Глава 16. «Навсегда»

I

Черная фигура сделала шаг в палату, столб света упал из коридора на пол, мгновенно ослепляя меня, и осветил связанное по рукам и ногам тело медбрата Толи. Я зажмурилась, отступила назад и чуть не запнулась о распластанного за моей спиной неподвижного человека. Все помещение было в кровавых брызгах. Кровь была по всюду: крупные капли на матрасе, размазанные пятна на полу, потеки на больничной утке, которой я оборонялась, на моих руках... Под головой Толи натекла приличная лужа черно-бурой жижи.

— Какого... ляда? — накинулся на меня пришедший сменить Толю старик-извращенец.

Он вцепился в мои плечи и начал остервенело трясти. Я старалась вырваться, но его железные пальцы давили с нечеловеческой бешеной мощью. Заметив мое сопротивление, он размахнулся и с наслаждением залепил громовую пощечину. Моя голова откинулась назад, уши заложило от гула, и перед глазами поплыли цветные пятна.

Нога проехала по теплой, вязкой жиже. Я поскользнулась на кровавой луже и почти свалилась на Толю. А его сменщик все наступал на меня, вынуждая пятиться, загоняя в угол. Он болезненно ухватил меня за подбородок и, повернув лицом к себе, заглянул в глаза. В его руках неожиданно оказался ремень.

Старик замахнулся и мою руку от плеча до запястья обожгло, как кипятком. Я увидела вспоротый рукав на футболке. Удар был такой силы, что разрезал ткань и на бледной коже сразу же вспух красный горячий рубец. Я всхлипывала и сотрясалась мелкой дрожью. Я не могла ему противостоять. Меня словно прибило к полу. Я почти безразлично осознавала, что медбрат привязывал меня за руки к батарее. Я хотела только одного, чтобы из тела ушла вся боль.

Он поспешил к Толе. Старик тронул своего сослуживца за шею и задержался, стараясь пальцами посчитать пульс. Он замер, а потом рывком повернулся ко мне с безумными сверкающими глазами и побледневшими губами.

— Да, он умер! Ты — блядская сука, его убила! — взревел он с каким-то подвыванием и ломанулся в коридор, размахивая руками и отчаянно голося.

— Психованная из блока... Санитаров на этаж... Срочно! Код 16–48, повторяю: код 16–48!

И тут все резко прекратилось, как будто кто-то вырубил пробки. Потух свет. Где-то далеко раздался громкий хлопок, стены трянуло, и с потолка посыпалась мелкая, как взвесь, пыль. Крики в коридоре смолкли, и в помещение потянуло гарью.

Совсем рядом с моей палатой по потолку коридора пробежали перекрещенные блики от ручных прожекторов. Послышался приближающийся топот десятка ног. Потом я услышала мокрый шлепок, низкий утробный выдох и звук падающего тела.

В палату ввалились сразу несколько человек. Фонарики беспокойно бегали по углам комнаты, пока несколько лучей сразу не застыли на теле Толи. Повисла напряженная тишина.

Внутри меня все сжалось в комок и я подтянула под себя ноги. Световые кружки двинулись на мой шорох. Отделилась одна фигура и чертыхаясь кинулась ко мне.

Горячие руки скользили по телу, гладили лицо, пока, наконец, не обнаружили пристегнутый к батарее ремень.

— Милая, маленькая моя... — меня опалила родная хрипотца мгновенно узнаваемого голоса. Сознание окутало запахом сандала и табака. Это казалось галлюцинацией, бредом слабеющего разума. Я начала смеяться. По щекам побежали неконтролируемые слезы, а я хохотала, заливисто и дико. Какое-то безумие как будто разжигало меня изнутри.

— Ласточка, как ты? Где болит, милая? Ты ранена? — Стефан склонился ко мне и прижался губами к моему лбу в нежном поцелуе и оборвал мой смех.

— Она тебя не узнает! Торопись, нам нужно срочно выбираться. — предостерегал другой, но тоже знакомый голос.

Я сощурилась и рассмотрела второго человека. Всего со Стефаном прибыло, наверное, человек семь.

— И ты, тут Руди... — прошептала я, вытирая развязанными руками мокрое от слез лицо.

— Ты вся в крови, девочка моя, что они с тобой сделали? — Стефана трясло так, что это было видно невооруженным глазом.

— Нет, — я опять чуть не залилась смехом, — Это я его так... Стефан! — я завизжала и ухватила, кажется за локоть. Узнавание озарило меня, как вспышка. — Стефан! Ты пришел! Но ты не успел... я... убила... убила...

А он уже ничего не слушал. Он уже совладал с собой и поднимал меня с пола. Его качнуло, когда он забросил меня на руки. И Руди тотчас же подставил свое плечо.

— Стеф, я ее вынесу. Проверь, что она сказала и... давай уже тут все зачистим!

— Не трогай ее, — только тут я заметила, что Стефан как-то по-особому растягивал слова, когда говорил. А на его лице не было привычного отстраненного выражения. Под глазами залегли тени. Он осунулся, как будто все это время лежал в соседней со мной палате, а не жил на воле, — Только я. Я сам!

Он все еще пытался рычать и командовать.

— Стефан, мне кажется, что я могу — неуверенно произнесла я.

Я, осторожно опираясь на его плечи, высвободилась из его объятий и взялась одной рукой за него, а другой за Руди.

— Ребят, давайте уйдем, прямо сейчас.

Мы, набирая темп, заспешили по коридору. В палате разгорался огонь, его всполохи охватили поочередно все кровати. Языки пламени принялись лизать дверь, его отблески отражались в стеклах. Последнее что я видела, оглянувшись, — это было неестественно сизо-белое тело Толи, так и оставшееся неподвижно лежать между койками. За нами палату покидали незнакомые люди в форме. Какой-то неизвестный мужчина ножом разрезал стяжки, фиксирующие конечности медбрата, и берцовым ботинком попытался придать телу

более нейтральное положение, но и он вскоре оставил эти попытки и двинулся к выходу. В районе окна с потолка рухнул кусок штукатурки и незнакомец еле успел выскочить из помещения.

Не помню, как мы очутились в машине. Обесточенным оказалось все здание. Я старалась идти сама. В некоторых местах Стефан все равно забрасывал меня на себя и велел закрывать глаза. Я кивала, но не слушалась и даже не отводила взгляд. Я на все смотрела отрешенно, ни на чем не фокусируясь, ничего не замечая.

В машине он посадил меня к себе на колени и я уткнулась ему в грудь, ища защиты и утешения. Для меня еще ничего не закончилось. Я зашептала ему то, что тревожило и тяготило меня.

— Стеф, я не поверила Олегу. Не больше, чем тебе. Я не предавала тебя, я... так боялась, что ты не придешь. Но я все равно позвонила тебе, — я лишь на миг заглянула в темные омуты его глаз и снова спрятала лицо на его груди.

— Тише, ласточка, не надо... — его рука погладила мою спину, но в голосе прозвучала неприкрытая горечь.

— Я же сама... — мне трудно было подобрать слова, — Сама боролась, и я была там совсем одна, думала, что ты меня можешь наказать, и все равно позвонила тебе. Я же справилась?

— Да, ты справилась сама, — сказал он очень грустно. — А, знаешь ласточка, — его дыхание щекотало мне ухо, — все это время я думал, что это я тебя спасаю.

Я всматривалась в любимое лицо, по которому так безумно скучала, и видела глубокие тени, залегшие под глазами. Стефан будто постарел лет на десять. Кожа его была сухой и неестественно бледной. Румянец, разгоревшийся на щеках, от того, что большую часть пути мужчина пронес меня на себе, выглядел нездорово. Резко выделялись скулы, нос заострился, что придавало ему еще более хищный, но изможденный вид.

Стоило только автомобилю плавно тронуться, как мой большой и сильный мужчина расслабленно выдохнул и прикрыл веки. Его дыхание выровнялось, и он засопел, так и не выпустив меня из объятий, устроив подбородок на моей макушке.

А я слушала размеренные удары его сердца и сама боялась заснуть. Боялась провалиться в эту бездну, потому что вынырнуть я могла совсем на другом неизвестном берегу. И мое жуткое заключение в тюрьме-лечебнице, и мое страшное спасение, и все эти пугающие события, предшествующие моему вызволению, могли оказаться лишь обманом, плодом напичканного таблетками сознания.

Я трепетала от одной мысли, что это все спадет как морок, и я снова окажусь на узкой больничной койке с прорезиненным матрасом, запахом лекарств и полной безнадегой. Мне хотелось подольше задержаться в той реальности, где я находилась в любимых руках.

Руди, непохожий сам на себя и не выдавший ни одной шутки, угрюмо сосредоточился на дороге. Все это время он находился в каком-то раздраженном настроении, но сдерживался и только обиженно воротил нос, ни на миг не отрывая глаз от дорожного полотна. Было очевидно, насколько парню некомфортно находиться в моем присутствии. Боже, от меня, скорее всего воняло, как от бомжа!

Парень избегал смотреть в мою сторону. Он всем своим видом показывал, что лишь исполнял повинность, а на самом деле ему не терпелось поскорее разделаться с неприятным поручением.

Его настроение невольно передалось мне, и я почувствовала себя очень виноватой, что

доставила столько проблем и в какие неприятности втянула. А я ведь действительно была сама во всем виновата!

Мне стало казаться, теперь оба мужчины молчаливо осуждали меня про себя.

Я почувствовала себя беспомощной, как слепой котенок. Если бы в такой момент Стефан и правда размышлял над тем, что тяготился мной, то я даже не представляла, как пережила бы это. Эта мысль была для меня болезненно непосильной. Я слишком сильно зависела от Стефана сейчас. Да, и всегда, наверное.

Я уже не совсем понимала, где мои мысли, где правильная оценка ситуации, а где галлюциногенный бред. Скорее всего, мне нужно было прямо сейчас попросить его не бросать меня? Картины расставания, проплывающие перед моим мысленным взором, уничтожали меня изнутри.

Я вспомнила, как весь путь до машины Стефан демонстративно не замечал поджатых губ Руди. Он вел себя, будто все в порядке. Но это же тоже могло быть напускным? Так тяжело было не загоняться и попробовать мыслить ясно, как все обычные людям, которым не нужно каждую минуту придумывать планы о спасении собственной жизни.

Я неловко повернулась, устраиваясь удобнее на широкой груди Стефана. Мне больше всего хотелось не думать ни о чем и застыть в этом мгновении призрачного умиротворения. Я машинально поглаживала его крепкие плечи, чуть потерлась замерзшим кончиком носа о треугольник голой кожи в выемке ворота его свитера. Куталась в пальто Стефана, чувствуя, как меня кроет от знакомого, родного запаха. Мужчина заспанным голосом пробормотал что-то невнятное и внезапно сильно прихватил меня поперек туловища, резко подтянул еще ближе к себе и жестко вжал в свой корпус. Я охнула от неожиданности, и Стефан окончательно пробудился.

— А я уж думал, что мне это все привиделось...

Руди приподнял одну бровь, но от комментария опять воздержался.

Одной рукой Стефан все еще придерживал меня за талию, а второй потер лицо. Выглядел он значительно лучше. Это было даже удивительно, как какие-то пятнадцать минут сна преобразили его. Передо мной снова был уверенный в себе человек с угрожающе-серьезным серыми глазами.

— Руди, давай вот здесь не через центр. — Сразу включился Стефан. — И скорость снизь, не хватало нам за превышение на камерах засветиться. Утром отчет от служб тоже мне сначала и журналисты... ну, ты сам знаешь...

— Я слежу за скоростью. И ребята все сделают как надо.

Стефан сдержанно кивнул другу. Он по-прежнему оставался очень собран и серьезен.

На полной скорости по пустынным улицам мы пролетали спящие городские кварталы. Один край неба уже начал светлеть. Ночь уже хорошо перевалила за половину. Крупными пушистыми хлопьями медленно падал снег. Нам на встречу промчалось несколько пожарных расчетов, поднимая круговороты снежных вихрей. Их включенные проблесковые маячки тревожными всполохами будоражили предрассветную тишь. До нас еще доносились слабые отголоски полицейских сирен, когда я смело посмотрела в напряженное лицо Стефана.

— Тебя что-то беспокоит? — шепотом спросила я.

— Только твое состояние, — он неопределенно пожал плечами.

— Я в порядке.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Ну, или буду в порядке. Это не важно. Не сбивай меня, пожалуйста. — Я дернула его

на рукав свитера. — Там же огонь сейчас?! Настоящий пожар! Ты понимаешь, что там все обнаружат? Я же... тот медбрат... — мой голос срывался, — И что теперь будет? Со мной, с нами?

— Мне кажется, что ты не понимаешь, о чем говоришь. Просто не думай об этом.

Я уже хотела на него обидеться, за то, что он как обычно не посчитал нужным нормально все объяснить хотя бы на этот раз. Но Стефан бережно погладил меня по голове, и мне тут же захотелось раствориться в этой немудреной ласке.

Стоило нам подъехать к дому, как я заметила три черных джипа, припаркованных рядом с воротами жилого комплекса и частично перегораживающих въезд.

Стефан чертыхнулся и махнул Руди, чтобы тот притормозил у обочины. После остановки несколько минут ни из одного автомобиля никто не вышел. Стефан мрачно посматривал через окно и не двигался. Наконец, один крупный мужчина в бронежилете выскочил из джипа и предупредительно распахнул заднюю дверь.

Из автомобиля появился и быстрым шагом направлялся к нам отец Марковича. Донельзя хмурый и злой. Черным лютым зверем он приблизился именно к той двери, где не видел, но словно угадывал, сидел его сын. Я буквально кожей ощутила исходящую от него угрозу.

Стефан подобрался и отсадил меня с колен на свободное место за его спиной. Выждав небольшую паузу, он опустил тонированное окно.

Маркович молча осмотрел наш салон, и Стефан скорее инстинктивно попытался шире расправить плечи, прикрыв меня собой.

— Разговор есть. Поднимемся?

— Пап, мы устали. Давай вечером?

— Сейчас.

Стефан сделал знак Руди и тот перегнулся через сидение и открыл переднюю дверь.

— Садись. А ребятки твои пусть тогда тут подождут, — предложил отцу Стефан.

Андрей Николаевич и бровью не повел и забрался в салон.

В квартиру мы поднимались втроем. Никогда еще тишина не была настолько гнетущей. Я чувствовала слабость и выглядела откровенно ужасно. Хорошо, что туман в голове частично рассеялся.

Я все время ловила взгляд Стефана, страхась учуять стыд за меня. Но мужчина вел себя очень предупредительно и подчеркнуто вежливо, будто на королевском приеме. Он открывал дверь машины, подавал мне руку, поддерживал за локоть в лифте так, как будто я была благородной дамой, а не чумазой безродной девчонкой, которую часом ранее вызволили из отделения сумасшедшего дома. Его отец смотрел на нас во все глаза, все больше вне себя от каждого жеста сына. **К н и г о е д . н е т**

Стефан погремел ключами, отпирая квартиру, и церемониальным жестом пропустил меня вперед. Андрей Николаевич переступил порог, скрючив такую кислую физиономию, будто объелся лимонов.

Мой мужчина наклонился и, мазнув губами по щеке, шепнул еле слышно:

— Подожди в спальне...

Я с невыразимым облегчением поспешила спрятаться в заветном укрытии. Стефан пригласил отца для беседы в кабинет.

А я сразу же припала ухом к деревянной поверхности с надеждой хоть что-то уловить. Конечно, мужчины не скрывались от меня. Да, и кто я такая была по их меркам, чтобы от

меня таиться? Но как ни старалась, до меня доносился только ровный гул их голосов.

Выйти я не решилась, но осмелилась приоткрыть дверь. И тогда смогла разбирать слова.

— Я могу тебе в этом поклясться, что я не знал, что задумал этот чиновничек и где ее держали... и уж, естественно, не подозревал, что тебя окрутила эта... Пантелеева...

— Она Стрижева, и она — моя. — Голос принадлежал, несомненно Стефану.

— Если это какая-то блажь, то она может выйти нам боком. Не разочаровывай меня, сын...

Маркович вроде бы говорил обычные слова, но они все равно звучали как опасное предостережение. Вообще, голоса у отца и сына были очень похожи, только у старшего Марковича чуть ниже тембр.

— Я ее никому не отдам. И я готов пойти на полный разрыв с тобой, если ты против. Взгляни на это, — зашелестели бумаги. Наверное, Стефан что-то показывал, — и ответь, готов ли ты все разрушить?

Пауза с шуршанием бумаг продолжалась минуты с три-четыре. Не больше.

— А как... — начал Андрей Николаевич.

— Я женюсь на ней. Это будет чистый капитал — наследство супруги. Все останется в семье. Даже с чиновником твоим не придется делиться, — негромко и по-прежнему уверенно. — И мы с тобой тоже не будем ничего делить. Никогда. Я всегда буду с тобой. Сильным, послушным и всех рвать за тебя. Номер два, как ты всегда хотел. Если тебя что-то не устраивает, то я смогу дальше один. Тогда каждый сам за себя. Как видишь, я неплохо подготовился.

— Ну, зачем ты так? — Голос выдавал, что его отец ухмылялся. А выражения я прочесть не могла. Но у меня мороз продирает по коже от одной мысли, что Стефан вздумал пугать отца и на что из-за меня подписывался. Это же договор с дьяволом!

— Если я соглашусь... — продолжал старший Маркович, — Даже, допустим, я соглашусь... Ты же не оставляешь выбора своему старому отцу...

Сердце болезненно сжалось. Все слишком мягко стелилось. Я уже предугадывала момент, когда зверь должен был выпустить когти.

— Оставь при себе этот фарс, — оборвал его Стефан.

— Ну, ты же от меня явно не благословения ждешь... Чего ты хочешь?

— Дай мне самому найти и наказать виновных. Ты две недели не вмешиваешься в мои дела. И отдаешь мне Пантелеевых и всех... всех, кто может быть ей угрозой. — У Стефана в голосе появились железные нотки.

Маркович крякнул с досады:

— Она правда так тебе нужна? А если эта дрожащая... — он никак не мог подобрать слова, — ...девочка... тебя кинет?

— Она никогда меня не предаст.

— Почему ты в ней так уверен?

— Только я могу дать то, что ей нужно, потому что знаю о ней все. Даже то, что она сейчас несомненно подслушивает... Ласточка, зайди... — обратился он ко мне, не повышая голоса.

Ноги сами понесли меня в кабинет. Я забыла, что секунду назад тряслась от страха, и думала только о том, что Стефан меня звал. Ему было нужно мое присутствие, как доказательство. И я готова была сыграть роль выдрессированного животного, если требовалось. В тот момент ради него я готова была на что угодно.

Старший Маркович сидел в кресле, вцепившись в подлокотники. Когда я бесшумно вошла, он побледнел и подался от удивления вперед. Стефан, стоявший привалившись поясицей о край стола, сорвался ко мне и крепко обнял.

Он, конечно, все угадал.

— Смотри какое чудовище я воспитал! — произнёс Маркович, глядя в пустоту, но несомненно для меня. Как змея, он должен был нанести последний удар. Андрей Николаевич явно гордился собой. А потом его страшный взгляд вперился в меня, — А каково тебе... девочка, знать, что тебя выкупили чужой кровью?

Когда страшный, недоступный для моего понимания Маркович ушел, Стефан набрал для меня душистую ванну. Он усадил меня в пену, а мою одежду выкинул в мусорный пакет. Я хотела спросить его, но мужчина прислонил палец к моему рту в запрещающем жесте.

Очень сосредоточенно, долго-долго он мыл меня. Стефан не пропустил ни одного сантиметра на моем теле. Он тер кожу до красноты, почти до скрипа. После того, как смыл пену и сполоснул меня прохладной водой, то принялся за волосы. Он дважды промыл их шампунем, а потом, усадив на край ванны, высушил феном. Все его движения были четкими, уверенными, бережными, но в них не было нежности. Я бы расслабилась, растеклась в горячей воде, но все это время лицо мужчины сохраняло строгое, даже грозное выражение.

Потому что это не было заботой. Это было наказанием. И на этот раз я чувствовала, что заслужила его.

— Стеф, я бы хотела...

— В кровать. — Скомандовал мужчина, когда закончил, и отступил к стене.

Я думала, что стоит только моей голове прикоснуться к подушке, как я уплыву в царство Морфея. Но сон, как на зло, не шел. Я лежала и слушала, как после меня Стефан пошел в душ, как после прошлепал босыми ногами на кухню, как зазвенели выставленные на стол бутылка и стакан. Следующие пол часа сохранялась относительная тишина, прерываемая лишь глянцем стакана о барную стойку. Все это время мужчина планомерно надирался.

Не взирая на нечеловеческую усталость, я ворочалась с боку на бок, не находя себе места в нашей широкой кровати, где так не хватало моего мужчины. Сердце ныло, в груди тянуло от мрачного предчувствия. Как будто между нами стояло что-то невысказанное. И стоило только облечь это в форму слов, как сразу это нечто обрело бы реальность, выросло и поглотило нас.

Мои мучения продолжались до тех пор, пока Стефан не зашел в спальню. Не проронив ни слова, ни разу не взглянув на меня, он целенаправленно занял свое место на постели и отвернулся к стене. Только после этого меня резко отпустило, и я провалилась в долгожданный, целительный сон.

Я открыла глаза, когда за окном снова было темно, а вместе со мной внутри проснулась тревога. Мне показалось, что в постели кроме меня никого не было. Больше всего я испугалась того, что снова останусь одна, что Стефан уйдет и опять запрет меня одну ничего не объяснив. Я судорожным движением так резко развернулась на его половину, что в шее хрустнули позвонки. Кроме меня в постели больше никого не было.

Стефан находился на диване в гостиной. Полусидя, опираясь спиной на подушки, он что-то просматривал на ноутбуке, лежащем на его бедрах. Он не мог не заметить моего пробуждения, но никак не отреагировал. Мужчина намеренно игнорировал меня. Я остановилась около его вытянутых ног. Хотела привлечь его внимание и одновременно боялась этого. Мне было бы легче, если бы Стефан начал говорить сам, отругал меня,

устроил взбучку. Хоть бы как-то проявил недовольство.

— Я долго спала?

— Больше суток, — после некоторой паузы он соизволил ответить и опять уткнулся в экран.

Он вел себя так, как будто меня вовсе тут не было. Это было обидно.

— Слушай, Стефан, тебе не кажется, что я и так уже достаточно наказана? Не собираюсь играть с тобой в эти игры в молчанку. Не для того так рвалась к тебе из того дурдома, чтобы ты сейчас со мной обращаешься, как... — мой голос дрожал, но и разозлилась я страшно.

— Как? — он вопросительно взглянул на меня. Вот теперь Стефан точно оторвался от своего занятия.

— ... как с пустым местом! — выпалила я и сама испугалась, — Проверь, у меня было время, чтобы все обдумать и понять, что ты был прав во всем...

Я еще надеялась все сгладить. Он же прищурился и принялся с интересом рассматривать меня, как диковинную зверушку.

— Продолжай, — он отложил с коленей в сторону ноутбук и смотрел, не мигая.

— Пожалуйста, не злись. Скажи, что мне сделать, чтобы ты простил меня?

Он очертил взглядом мои скулы, задержался на губах, чиркнул по голым ногам, сглотнул и снова вернулся к губам. Я подошла вплотную к дивану и, попытавшись обхватить в кольцо его щиколотку, мягко повела ладонью по его ноге. Сердце колотилось, как бешеное. Я вела прохладными пальцами по его горячей коже очень осторожно. Еле дотрагиваясь. А от кончиков пальцев словно пробежали электрические разряды.

Я сильно смущалась и старалась не смотреть мужчине в лицо. Мне все казалось, что вот-вот он остановит меня. Но этого не происходило.

Дойдя до колена, я медленно обвела косточку по кругу и легонько сжала. Мне показалось, что все это время Стефан не дышал, а тут резко выдохнул. Только тогда я осмелилась поднять глаза. Его рот был приоткрыт, он следил за мной напряженно, с всепожирающим голодом. Такая реакция подталкивала меня продолжить.

Я осторожно провела по внутренней поверхности бедра к паху, где уже выпирал внушительный бугор. Стефан безусловно хотел меня, но не позволял себе дотронуться.

Я перекинула через него ногу и забралась сверху. Он сразу перехватил руками мою талию, чтобы придать устойчивость. Полы моего халата распахнулись, и промежностью я почувствовала, как в штанах Стефана дернулся его изнывающий член. От низа живота прошла судорожная волна тепла. Мне моментально стало жарко. Тело охватила приятная, знакомая истома, соски напряглись и затвердели. Это было непередаваемо. Меня вело от немедленного желания ощутить требовательную ненасытность его губ.

Я осыпала маленькими поцелуями шею, и застонала куда-то в его ключицу, когда он жестче впился пальцами мне в бедра и потянул на себя. Я припала к его груди, склонилась к лицу, и потянулась губами. Думала, что умру, если прямо сейчас не вспомню их вкус.

— Раз тебе лучше, отсоси мне, — хриплым голосом он осадил меня, когда наши губы почти соприкоснулись.

— Что?

— Ты слышала.

На меня словно опрокинули ушат ледяной воды. От неожиданности перехватило дыхание. Не давая мне опомниться, Стефан слегка надавил мне на плечо, указывая, что мне

следует спуститься ниже. Он яснее ясного дал понять, чего ожидал и каким образом следовало заслужить его прощение.

Со мной никто так не разговаривал. Раньше я бы точно впала в ступор, от которого отходила бы несколько дней. Похоже, что дни невыносимого заточения сделали из меня другого человека. Правда, и виновата я была сильно. Поэтому я безропотно опустилась ниже и прежде, чем дотронуться до пояса штанов провела языком по коже живота над самой кромкой резинки.

— Ласточка... — застонал Стефан и положил ладонь мне на затылок.

Стефан направлял меня, и, несмотря на полное отсутствие у меня подобного опыта, уже через несколько минут он разрядился в меня горячей вязкой струей. Стефан финишировал под какой-то абсолютно звериный рык.

С непривычки у меня сводило челюсть и немного ссадило горло. Но то, что он щадил меня, я поняла, по последним мощным глубоким точкам, когда Стефан ушел в полный отрыв.

А после он подтянул меня выше и в одно мгновение подмял под себя. Стефан принялся очень серьезно, пристально всматриваться в мое лицо, как будто что-то пропустил в прошлые разы или вообще обнаружил что-то новое. Я не выдержала и отвела взгляд.

— Не отворачивайся от меня, ласточка. Ты прекрасна.

И поцеловал долгим ласкающим поцелуем. Ко мне снова вернулся мой нежный, любящий Стефан. Он снова бережно обнимал меня, снова заглядывал в глаза, как зверь, который насытился, и больше не будет терзать свою добычу.

— Я хочу, чтобы тебя осмотрел врач. В идеале тебе требуется госпитализация... — он выжидательно посмотрел на меня. — Давай подумаем, как лучше это будет сделать. Может быть, возьмем тебе психолога для всего времени сопровождения в больнице. А хочешь, здесь оборудуем медпункт?

Внезапно в горле запершило.

— Стеф, мне, кажется, что я смогу... сама.

Я не без удовольствия отметила, как удивлен остался мужчина. Я еще не была до конца уверена, что смогу терпеть чужие прикосновения, а уж говорить о том, чтобы почти сразу после одной «закрытой» клиники лечь в другую, наверное, вообще преждевременно. Но я хотела сделать это теперь, пусть и резко, как содрать пластырь.

— Мне, кажется, я изменилась там... Я хочу попробовать лечиться, как все. Только поддержи меня, Стеф, и я справлюсь.

Он неторопливо прикоснулся губами к моему лбу. По его задумчивому выражению его лица я поняла, что к взрыву моего негодования Стефан был бы готов, а к такому — нет.

Каким бы странным это не выглядело, но я действительно смогла лечь в больницу. В отдельную палату. А вот от психолога я категорически отказалась. Я не хотела, раскрываться перед незнакомым человеком, чтобы он копался в моей голове и вытаскивал на свет мои неприглядные тайны. Мне стало не интересно, почему произошло то, что произошло и как я оказалась в теперешней точке. Мне хватало того, что сам Стефан зорко и бдительно наблюдал за мной.

Моим врачом оказался очень приятный мужчина Семен Васильевич. Он был даже моложе Стефана. Часто шутил и понятно объяснял сложные медицинские термины. Мне он сразу понравился. Стефан ко всему относился настороженно. Доктора он почему-то вообще

воспринял в штыки и хотел даже поменять, но я уговорила его оставить Семена Васильевича для моего комфорта.

Не могу сказать, что находиться в больнице мне было приятно, но довольно сносно. Я не впадала в истерику от каждой врачебной манипуляции. И с нетерпением считала дня до выписки. В палате было все самое необходимое: телевизор, книги, отдельный душ. Стефан принес планшет, и я возобновила работу над кафе.

Во время очищающих кровь капельниц я должна была лежать под датчиками, чтобы исключить излишнюю нагрузку на сердце. Каждое утро я сдавала анализы. А все остальное время мои перемещения никак не были ограничены. Чувствовала себя я прекрасно, только некоторые показатели немного отклонялись от нормы. Но Семен Васильевич заверил, что к концу лечения и это пройдет.

На второй день моего пребывания в больнице после обеда я почти задремала под включенный телевизор. Я не обращала никакого внимания на монотонное бормотание ведущей программы новостей, пока на экране не промелькнуло знакомое фото. Я соскочила с кровати в поисках пульта, чтобы срочно прибавить громкость, но так и застыла перед экраном.

В новостях сообщали о самоубийстве Пантелеева Сергея Михайловича. Он застрелился в собственном автомобиле меньше суток назад. Источник, пожелавший остаться неизвестным, рассказал, что тело Пантелеева с огнестрельным ранением в голову обнаружил во дворе дома сын покойного. По данным новостного канала причиной могла стать коррупционная деятельность чиновника. После этой скупой информации последовал минутный сюжет, в котором показывали особняк Пантелеева и Олега, прижатого к забору толпой журналистов. На парне лица не было. Зажимая в одной руке туго набитую дорожную сумку, другой он пытался закрывать лицо от камер и отпихивать навязчивых охотников за сенсациями.

Я не смогла бы описать все те чувства, что переворачивались у меня в душе. Я, конечно, сразу вспомнила последний разговор Марковичей, а еще как пол года назад я впервые увидела Сергея Михайловича. Как он приехал мне в колледж, красивый и загадочный. И заключительные слова Пантелеева, обращенные ко мне в необитаемом крыле клиники для душевнобольных. И вот ведь забавно как выходило, теперь ведь это ему стало «уже совсем все равно». Принял ли он свою судьбу перед смертью? Смирился сам так, как советовал мне?

Невидящими глазами я обвела палату. В дверях, прислонившись к стене бедром, стоял Стефан и наблюдал за мной. Как давно он был там?

Я попятилась от него, пока не натолкнулась поясницей о свою кровать. Стефан нахмурился от моей реакции и начал движение ко мне. Мягко, как пантера.

Он сел ко мне на кровать и долго внимательно смотрел. Я взяла его голову двумя руками и, заглядывая в глаза, молчаливо молила. Молила, чтобы он убедил меня в своей непричастности к этой смерти. Но он молчал упрямо и непоколебимо. В его глазах расплескалось небо, серое, бесконечное и непостижимое. Безудержный простор и размах разбушевавшейся стихии. Он встряхнул головой, как будто хотел боднуть. Вырвался и поцеловал. Горячо, страстно, безумно. Сердце пустилось в галоп. Я, наверное, должна была оттолкнуть его, но вместо этого обвивала его шею руками и прижала к себе. В тот момент я поняла, что ни за что не отпущу Стефана.

Меня как в омут затягивали его черные зрачки. Не разрывая поцелуя, он положил меня

на кровать и, быстро сбросив пальто, упавшее на пол, подхватил меня под колени, закинул их себе на бедра. Стефан прижался ко мне пахом, я поерзала от нетерпения и глухо застонала ему в рот. Он был весь сила, страсть и безумие. В этот раз больше не было никаких ласк. До умопомрачения резко и властно мужчина расстегнул ширинку, задрал мою больничную сорочку до пояса и, отодвинув край моего белья, сразу вошел на всю длину. Меня скрутило от острого наслаждения. Стефан вбивался в меня ожесточенно и горячо. От жгучего удовольствия на глазах выступили слезы.

Я уже почти дошла до высшей точки, когда сквозь радужную пелену из-за плеча Стефана увидела открывающуюся в палату дверь. Быстрым шагом прошел и остановился только посередине комнаты Семен Васильевич. Я вся моментально сжалась от стыда за то, в какой недвусмысленной позе застал нас мой доктор. Стефан, не замечающий ничего вокруг, полностью сконцентрированный на процессе, не сразу обратил внимание на мое затишье, а когда обернулся, то заметил растерянного доктора, который не сообразил к этому моменту исчезнуть.

— Убирррайся, нахуй... — зарычал на него Стефан.

Испуганный интеллигентный доктор как будто только и ждал этого приказа. Он выбежал из палаты только пятки сверкали и, как плащ, развевался его медицинский белоснежный халат.

Стефан определенно был чудовищем. Но это было мое чудовище.

— Ласточка, — обратился ко мне Стефан, поглаживая по спине. Кровать была слишком узкой для нас двоих, поэтому мужчина лежал на спине, а меня просто положил на себя сверху. Моя голова покоилась на его груди и покачивалась в такт его дыханию. Волна оргазма только что схлынула, и ей на смену приходило умиротворение, — Как ты смотришь на то, что в субботу к тебе заглянут друзья?

— Света и Игорь? — я решительно была изумлена.

Стефан кивнул.

— Это же послезавтра? А их пустят?

Мой мужчина счастливо рассмеялся и крепче прижал к себе.

Игорь со Светой явились точно к назначенному времени. Игорь принес цветы, а Света конфеты и домашний бульон. Она была все такая же кругленькая и веселая, да и Игорь тоже выглядел неплохо.

Я ужасно рада была их видеть. Первым безотчетным движением потянулась обнимать эту парочку и только потом осознала, что действительно могла себе позволить даже такие прикосновения.

Нам подали чай прямо в палату, принесли печенье и фрукты. Ребята обозвали меня «притворщицей», а условия курортными. Все это было беззлобно и добродушно.

Они не спрашивали меня, где я пропадала все это время. Как будто кто-то проинструктировал ребят, прежде чем пустить ко мне, и теперь они старательно соблюдали это табу. Они просто радовались возможности увидеться, так же как и я.

Они принесли кучу новостей про университет, нового преподавателя по истории зарубежной журналистики и про интернет-издание Игоря. Мы договорились наверстать упущенное время, и я пообещала выздороветь в два раза быстрее и вернуться в строй сразу после выписки. Столько впереди было планов, столько огня, столько ожиданий от жизни!

Но была и тяжелая новость. Почти перед самым уходом, наспех, комкая слова, Игорь

сообщил мне про Олега Пантелеева. Оказывается, Олег сразу после смерти отца планировал отъезд за границу, но его опередили. Его и Матвея подкараулили какие-то отморозки и очень сильно избили. Переломали буквально все косточки.

Матвей, если и выживет, то навсегда останется прикованным к инвалидному креслу, а Олега для срочного лечения вывезли в Германию. Ему врачи давали больше шансов.

Эпилог

(через полгода после описываемых событий)

...

— Как вы могли бы описать нашим читателям концепцию блюд вашего ресторана?

— Ну, что вы? Как же можно описать какое на вкус счастье, любовь или радость? — я почувствовала, как на лице расцветает озорная улыбка, — Это нужно прийти и попробовать. Только так. Я всех жду в своем ресторане. «Мартина» открыта с двенадцати дня и до полуночи. Не забудьте забронировать столик заранее.

— А еще вот такой вопрос: Вы сразу начали с элитного сегмента, нашли секретную формулу? Или так верите в успех?

— Я нашла людей, которые верят в меня. Ну, и хватит на сегодня. Прошу меня извинить, что не могу уделить вам больше времени, но я очень спешу.

Мне не терпелось поскорее закончить интервью, которое длилось уже сорок минут, вместо тридцати заявленных. Моя история оказалась очень интересна людям, а я на удивление популярной. И журналисты боролись за право освещать мою историю. А я до сих пор не верила, что проделала путь от девочки-сироты до владелицы ресторана.

Последние полгода выдалась очень напряженными. Я решила не бросать университет и закончила первый курс, пусть и не с отличием, зато вместе со своими друзьями.

После реабилитации Олеся на учебу не вернулась. Только один раз я случайно пересеклась с ней в офисе Стефана. Но она тогда потупила глаза в пол и лишь тихо поздоровалась. Позже Стеф как-то упомянул, что она выпросила у отца разрешение поехать доучиваться в Европу.

Параллельно с университетом я умудрялась заниматься кафе, идея которого разрослась до полномасштабного ресторана «Мартина». А в последнее время Стефан начал намекать, что нам нужно обязательно переехать из квартиры в собственный дом и каждый день подкладывал мне на стол новые проспекты с загородным строительством.

Даже выбраться из заведения сегодня было тем еще квестом. Стоило только ступить на порог, как меня снова окружили.

Я шурилась от вспышек фотокамер, но продолжала улыбаться. Нужно было успевать реагировать на выкрики и постоянно поворачиваться и принимать красивые позы. Журналистов столпившихся у входа было чуть не в половину приглашенных гостей. Стефан все сделал красиво. На открытие пришло много звезд самого высшего порядка, а в просторном холле играла моя любимая группа. Освещение в прессе было беспрецедентным, будто самое грандиозное событие сезона. В интервью я, конечно, немного слукавила, что всех жду, потому что все столики уже были забронированы на два месяца вперед.

Я чувствовала себя звездой. Точнее очень одинокой маленькой звездочкой. Мой любимый четыре дня назад улетел на какое-то важное и ответственное мероприятие, которое ему поручил отец. Стефан сдержал обещание, и Маркович по-прежнему сохранял свою темную власть. Все такой же мрачный и скрытный, он нисколько не смягчился, даже несмотря на нашу запланированную на сентябрь свадьбу и бесспорную серьезность чувств

сына.

У меня уже разрывался телефон от настойчивых смс-сообщений Руди. Даже не успевая прочитать эти смс, я понимала, как парень изнывал от затянувшегося ожидания. Он должен был отвезти меня в аэропорт, чтобы встретить Стефана. Я готовила для любимого сюрприз.

Я могла только предполагать реакцию своего мужчины, но мне уже не терпелось поделиться с ним новостью. Два дня назад я сделал тест, показавший две полоски. Как же мне хотелось почувствовать себя в тот момент в его объятьях, ощутить силу, с которой он будет прижимать к себе, как будет меня целовать. Неистово и бесконечно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net